

Pr. 113(2-10)
X-17

Б 224888

М. ХАЛАНСКІЙ.

Pr. 1132-12
X-17

ВЕЛИКОРУССКІЯ БЫЛИНЫ

КІЕВСКАГО ЦИКЛА.

К

Отдѣльный оттиск из „Р. Ф. Вѣстника“.

*В Харьковскомъ
Вице-генеральскомъ Сибирскомъ*

от автора

МХ

7957412

Брн. 1874.

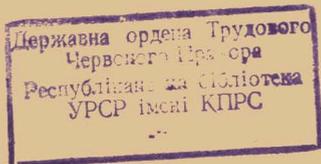
ВАРШАВА.

В типографіи Михаила Земкевича
Краковское-Предмѣстье, N 415 (17).

1885.

ШЗ(2-1Р)-611
+ ШЗ(2-1УК)-611

Дозволено Цензурою.
Варшава, 26 Ноября 1885 г.

ВЕЛИКОРУССКІЯ БЫЛИНЫ

Кіевскаго цикла.

Глава I.

Введеніе.

Общепринятым считается в настоящее время, что былины т. н. Кіевскаго или Владимірова цикла родились в Южной Россіи, в Кіевскій період русской исторіи. „Былины, говорят Ор. Ф. Миллер, по моему мнѣнію, не совсемъ вѣрно называются великорусскими. Онѣ в настоящее время сохраняются исключительно на великорусскомъ сѣверѣ и востокѣ, куда давно перешли, и гдѣ значительно переработались; но первоначальная основа ихъ южно-русская. Самое слово „былина“ встрѣчается впервые в южно-русс. словѣ о П. Иг. в смыслѣ были, дѣйствительности. Мѣсто дѣйствія былин—Кіев, берега Днѣпра Личностью, вокругъ которой сходятся богатыри, постоянно является Владимір Стольно-Кіевскій“ (Труды 3-го археологич. съѣзда. Кіев 1878 г. стр. 285—6). „Содержаніе былин Владимірова цикла, говорит Л. Майков, вырабатывалось в продолженіи X, XI и XII вв., т. е. в первой половинѣ удѣльно-вѣчеваго періода, и установилось не позже времени татарскаго владычества, и даже именно той его эпохи, когда Москва не сосредоточивала в себѣ всю государственную силу Руси, и в народѣ была свѣжа память о первенствующемъ значеніи Кіева. Такой эпохой можно считать вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода, вѣка XIII и XIV“ (О былинахъ Владимірова цикла стр. 25—27). „Мѣстностью, в которой могли быть пѣты былины в XII в., бы-

ла Южная Русь, вѣроятно, область Кіевская, в предѣлах которой помѣщается большая часть происшествій, описываемых в былинах Владимірова цикла“ (ibid. 31).

Однако, предположеніе о южно-русском происхожденіи всѣх вообще былин Владимірова цикла не имѣет за собой достаточных основаній. При ближайшем разсмотрѣніи оно оказывается *принятым на вѣру*, неразобраннм критически ни одним изслѣдователем.

Изслѣдователи ссылаются на то, что Кіев в былинах является центральным пунктом, в котором сосредоточиваются богатыри, Владимір-солнышко стольно-кіевскій — лицомъ, вокруг котораго они группируются, по приказанію и волѣ котораго совершают свои подвиги. Но в тѣх чертах, которыми обрисовываются Кіев и Владимір, нѣтъ ничего дѣйствительнаго, историческаго, кіевского и южно-русскаго.

Затрудняются опредѣлить, какому историческому Владиміру пріурочить былеваго Солнышка стольно-кіевского. Владимір былин—чисто-эпическая личность с чертами Московскаго грознаго царя—батюшки.

Кіев-град в воображеніи великорусских „пѣтарей“ или „сказителей“ рисовался чертами чисто сказочными, как и Царь-град, Еросолим и пр.:

Ай Кіев-град да немал невелик,
Соколу летѣть да на меженный день,
А и маленькой птиченькѣ не проблетѣть

Гильфердинг. Онежскія был. N 18.

В п. Кирѣвск. I стр. 77, Кіев-град помѣщается за р. Дунаем, в восточной сторонѣ, в Сибирских украйнах.

Дорога к Кіеву описывается так:

Дюк собирается в Кіев, просит у матери прощеньица-благословеньица; мать предупреждает сына:

Прямоѣзжая дорога (к Кіеву) заколодила:
Стоят три заставы великія:
Первая застава—люты звѣри,
Другая застава—люты змѣи,
Третья застава—стоит Донской козак,

Илья Муромец сын Иванович,
Во вторых стоит Добрыня Никитич,
В третьих Михайло Поток сын Иванович,
А кругом ѣхать буде на три мѣсяцы.

Рыбников II 138 стр.

Подобно этому Финны представляют себѣ мрачную Пойолу: „дорога в Пойолу небезопасна, говорила мать Лемминкайнену, захотѣвшему отправиться туда на свадьбу, а в особенности страшны и гибельны три преграды, которыя ожидают всякаго на этом пути. К вечеру перваго дня тебѣ встрѣтится на пути огненный водопад, посреди котораго находится раскаленная скала, а на ней объятый пламенем гребень; на этом гребнѣ сидит огненный орел, который днем точит когти, а ночью клюет всякаго, кто только приблизится. К вечеру втораго дня ты встрѣтишь громадную огненную пропасть, наполненную раскаленными камнями, которая безконечно тянется издалека с востока к сѣверо-западу. Тысячи витязей и коней поглотила эта пропасть. Третья опасность постигнет тебя на третій день к вечеру, когда ты будешь приближаться к Пойолѣ. У самаго узкаго мѣста дороги на тебя бросаются волк и медвѣдь. Тысячи витязей они растерзали; как же им тебя не разорвать? Приближаясь к дому Лоухи, ты увидишь стальной частокол такой высокій, что теряется в облаках. Въ-место кольев насажены копыя, а прясла замѣняют ядовитыя змѣи, переплетенныя ящерицами одна с другою“ ... (Калевала. Перев. Гранстрем 116—17).

У Сербов и Болгар можно отмѣтить особый круг пѣсен, в которых дѣйствіе переносится в Стамбул, дѣятельность героев связывается с Султаном (царем од Стамбола); не думаю, чтобы, разсуждая послѣдовательно, можно было родиной подобных пѣсен считать окрестности Константинополя.

Кіев-град и Владимір упоминаются нерѣдко в скандинавских сагах (Гольмгард, Gardhr, Gardharikia, Grikiа и пр.). Витязи нормандскіе служат конунгу Гард Волдемару, оказывают ему важныя услуги, подобно великорусским бо-

гатырям, — все это объясняется историческими связями Вагягов с Киевом, влияніем эпических традицій, и только.

Возможно аналогичное этому объясненіе роли Кіева и Владиміра в великорусских былинах.

Если и допустить, что родиной былии Кіевского цикла была Кіевская Русь, то трудно объяснить, почему и как всё онѣ перешли на сѣвер. Высказанныя до сих пор объясненія этого явленія несогласны с вновь добытыми фактами древней русской исторіи.

По одному, болѣе раннему и в настоящее время имѣющему за собой мало послѣдователей, мнѣнію — дѣло представляется так: „когда по запустѣннн юго-западной или Кіевской государственной области, обращенной в становище восточных выходцев, старожилы, одного племени и языка с общим русским или великорусским, ушли оттуда на всегда и размѣстились вокруг занятаго уже московскаго средоточія по окраинам его болѣе или менѣе отдаленным, гдѣ и сберегли былины богатырскаго періода, — их смѣнили новые поселенцы, того племени и нарѣчія, которое с тѣх пор по нынѣ отличается болѣе узким именованіем малорусскаго. Подвинувшись в старую область, по мѣрѣ ослабленія восточников, из Волыни и Подолія, и еще далѣе из нынѣшней Галиціи и Карпат, они ничего не знали, как не знают доселѣ, из былин о древнем кіевском періодѣ; их думы прямо начинаются с козачества, не старше его, не выше и не иначе с козачества малорусскаго, украинскаго, потом запорожскаго. Начало их не старше XVI в., язык — нынѣшнее малорусское нарѣчіе“ (П. В. Безсонов в Прилож. к VII в. Пѣсен Кирѣевск. стр. 88).

В настоящее время, кажется, нужно считать окончательно рѣшенным в отрицательном смыслѣ вопрос о запустѣннн Кіевской Руси в період татарскаго владычества, о переходѣ южно-русскаго населенія на сѣвер и сѣверо-восток и о занятіи мѣст его поселеній выходцами из Галиціи и Волыни. „Вглядѣвшись без предубѣжденія в тѣ немногія, но точныя историческія свѣдѣнія, какія дошли до нас о судьбѣ Южн. Руси с XIII по XVI ст., мы

не можем не признать, что общепринятое мнѣніе о запустѣніи ея в это время есть не болѣе, как историческій мираж“ (В. Б. Антонович. Кіев, его судьба и значеніе с XIV по XVI ст. Кіевск. Стар. I. 2).

Покореніе Руси Монголы начали с сѣверо-востока и постепенно переходили к юго-западу. Сѣверная Русь представила болѣе сопротивленія врагам, чѣм южная, и потому жестокость Татар не доходила на югъ до такой степени, как на сѣверо-востокъ. На югъ не было ни одного такого случая, как с Козельском. Про разрушеніе Кіева только много писано: „в древнѣйшем извѣстіи о взятіи Кіева указано только разрушеніе десятинной церкви, своды которой обрушились под тяжестью столпившагося на них народа; затѣм о разрушеніи города нѣтъ вовсе упоминаній; говорится лишь, что из Кіева Батый прошел по Волини, разрушил нѣсколько городов, другіе миновал или неуспѣлъ взять, и, по совѣту плѣннаго боярина Димитрія, неостанавливаясь на пути, поспѣшил ворваться в Венгрію, чтобы захватить эту страну в расплох, а в обратном пути его указываются грабежи, причиненные Татарами в сѣверной части Волинскаго Полѣсья. Несомнѣнно страна, лежащая на запад от Днѣпра, пострадала от орды в весьма слабой степени, сравнительно напр. с разореніем земель ростовской или рязанской...“ (ibid. стр. 2—3). Стало быть, с гораздо большим правом нужно бы предположить движеніе населенія, укрывавшагося от Татар, не с юга на сѣверо-восток, а на оборот — с сѣверо-востока на юго-запад — в Волинскую область, Галицію... И на это есть указанія в лѣтописи. В повѣсти об убіеніи Михаила Черниговскаго говорится: „князю же великому Михаилу Всеволодичу, дрѣжащу тогда Кіев, и придоша к нему послы от Батые царя, он же увидѣвъ словеса их лестивая, повелѣ избыти их, а сам повелѣ всему двору своему събратися, и побѣже в Угорскую землю и съ всѣми домашними своими“. В том же направленіи бѣжало, вѣроятно, и населеніе, конечно только та часть его, которая имѣла къ тому средства; большинство же должно было оставаться на

родинѣ; да и то, которое бѣжало, скоро вернулось назад: „а иніи бѣжаша в дальня страны, а иніи же крыяхуся в горах, в пещерах, и в разсѣлинах и в пропастьх земных, а иніи затворяхуться в градѣх крѣпких, а инія в непроходиміи бѣжаша острова, и мало от тѣх изоставахуться, тѣхже, не по колицих временех, осадиша в градѣх, и исчелоша а в число, и начаша на них дань имати Татарове. Слыщавше же се, иже бяху разбѣжались по чюжим землям, и что их избылося, начаша собиратися по малу“ (П. С. Р. Л. XV стр. 387). Весьма важно еще и то, что нѣкоторыя мѣстности Южной Россіи добровольно, без сопротивленія отдались во власть Монголов. „Ипатская лѣтопись сообщает весьма интересныя свѣдѣнія о землях: Подольской, Болоховской, Потетеревской, Звягельской и т. д. добровольно подчинившихся Монголам и состоявших в зависимости от ханов на весьма льготных условіях“ (Антонов. Кіевск. Стар. 1882, I, 4).

Итак, в первые, наиболѣе тяжелые, годы татарскаго рабства на югѣ Россіи были мѣстности, гдѣ мог пріютиться народ, а с тѣм вмѣстѣ мог сохраниться и старо-кіевскій эпос. Образование могущественнаго Галицко-Волинскаго княжества само собой было сильным оплотом для южно-русской народности. В то время как на сѣверо-востокѣ Руси до половины XIV ст. господствовал полный произвол татарскій, „насилъе бесерменско“, князья один перед другим старались раболѣпствовать перед Татарами и наводить их на разореніе русских же областей; в Галициі и Волыни имѣло мѣсто обратное. Галицкіе князья с достоинством и осторожностью обращались с Татарами, всячески отклоняя возможность разореній и кровопролитій. Даниил и Василько представляли рѣдкій в древней Руси примѣръ братской любви и согласія в дѣятельности. Высокій нравственный характер сына Василька, Владиміра, имѣл вліяніе и сдерживал буйных сыновей и внуков Даниила. Послѣдніе хотя и затѣвали междоусобія, но старались обходить участіе Татар. Когда Юрій Львович по смерти Владиміра Васильковича занял силою нѣкоторыя города, усту-

пленные послѣдним Мстиславу Даниловичу, то одна угроза Мстислава — призвать Татар, заставила Юрія выйти из занятых городов... Несомнѣнно, в Галиціи и Волыни жилось спокойнѣй, чѣм гдѣ либо в то время на Руси; сюда должно было стекаться южно-русское населеніе. Под эгидой галицких князей была полная возможность для него успокоиться, сосредоточиться, бросить взгляд на прошитое, собрать воедино эпическія пѣсни и преданія прошедшей исторіи, — словом, образовать в творчествѣ эпическій цикл.

Власть литовских князей немогла мѣшать широкому развитію эпоса.

Жизнь под владычеством Поляков была тяжела, населеніе было безправно; но по той силѣ, какую оно проявило в борьбѣ, ясно видно, что національное чувство было сильно, общественное сознаніе своей особености было ярко. Эти условія тоже благопріятны для сохраненія и развитія эпоса. В нем народ мог находить опору для своих стремлений, источник національной гордости. Сравним развѣтъ сербской и болгарской поэзіи под турецким игом. До вѣков козацких войн должен был сохраняться на югѣ эпос. Поэзія козацкой эпохи могла лишь ассимилироваться со старинным эпосом, но незаглушить его. А priori, мы вправе ожидать, что в теперешней малорусской пѣсенности встрѣтятся слѣды и отрывки стариннаго эпоса. Изданные до сих пор довольно громадныя матеріалы заключают в себѣ нѣсколько интересных фактов для сужденія о старинном малорусском эпосѣ. На них мы ниже остановимся; а теперѣ замѣтим, что, судя по ним, строй и характер малорусскаго эпоса должен был отличаться от великорусскаго в самом существенном.

Большинство изслѣдователей по вопросу о причинах предполагаемаго перехода былины с юга на сѣвер держится объясненія, предложеннаго Л. В. Майковым: „Уже со времени основанія Владиміра Залѣскаго, Ярославля и пр. в X и XI вв. мы видим постоянное движеніе южно-русскаго населенія на сѣвер и сѣверо-восток; мы видим, что это движеніе особенно усиливается в XII в., когда вели-

ко-княжескій стол был перенесен во Владимір. Если мы признали возможным существованіе былин в это время, то легко можем предположить, что онѣ были занесены этими переселенцами с юга в тѣ мѣста, которыя впоследствии составили центр Великой Руси и здѣсь уже подверглись дальнѣйшей разработкѣ в постоянном устном храненіи“ (О был. Влад. ц. 31).

Народныя передвиженія совершаются всегда по пословицѣ: „рыба ищет, гдѣ глубже, а человекъ—гдѣ лучше“. Бѣдная естественными произведеніями, угрюмая природа сѣверо-восточной Руси немогла слишком привлекать к себѣ жителей Богом благословенной Киевской Руси. Колонизація сѣверо-востока Руси принадлежала главным образом сѣверо-русским племенам. „Колонизаторами в землю Чуди могли явиться только *сосѣднія* славянскія племена; самым ближайшим и естественным сосѣдом были Кривичи; за ними слѣдовали Вятичи“ (Багалѣй. Истор. Сѣверск. земли 29) и Радимичи (*ibid.* 32). Рядом с мирной колонизаціей, направлявшейся главным образом по рѣкам, шла военная. „Начало военной колонизаціи совпадает с началом русскаго государства. Движеніе военной колонизаціи шло из дружиннаго центра Новгорода, великим Волжским путем и достигало нижняго теченія Оки“ (*ibid.* 30).

Вот мнѣніе Костомарова о происхожденіи великорусской народности: „на сѣверо-востокѣ Руси слагалась новая славяно-русская народность с своеобразным характером, с отличительными условіями и приѣмами жизни. Ея начало теряется в прежних временах, о которых у нас нѣтъ извѣстій; в XII в. она выказывает свое существованіе нѣкоторыми выпуклыми чертами. Мы не в силах прослѣдить, как онѣ составлялись и как выработывались до тѣх пор, пока не приняли того типа, который нам является вполне в позднѣйшія времена. Знаем только, что в этих краях жили инородцы финско-тюркскаго племени; в их земли вторгнулись Славяне и жили там. Вторженіе это в значительной степени должно падать на долю Кривичей, так как великорусское нарѣчіе представляет относительно боль-

шую близость с бѣлорусским. Затѣм, исторически извѣстно, что туда переселялись люди из Южной Руси. Мы не знаем, какое значеніе имѣли к составленію этой народности Вятичи — племя, о котором нѣтъ возможности дѣлать никаких заключеній и по послѣдующим чертам; но несомнѣнно, впоследствии, когда великорусская территорія дошла до предѣлов этого племени и наконец захватила его в свои предѣлы, элементы, составлявшіе достояніе народности Вятичей, вошли в состав великорусской народности“ (Двѣ рус. народности 77—8).

О „постоянном движеніи южно-русскаго населенія на сѣверо-восток“ здѣсь нѣтъ и рѣчи; переселенцам „людям из южной Руси“ отводится почтенным историком весьма скромное мѣсто. Несомнѣнно, переселенцы могли занести на сѣвер кіевскія сказанія, и в этом смыслѣ оказать вліяніе на состав великорусскаго эпоса. Но занесенное могло состоять лишь в отрывках. Цѣликом же весь Кіевскій эпос перейти немог; тѣм менѣе мог сохраниться до наших дней. Половина зашедшаго матеріала должна была затеряться в новой средѣ; другая—радикально переработаться сообразно с характером и симпатіями мѣстнаго населенія.

Изслѣдователи русскаго эпоса почему то выдѣляют Кіевскую область из прочих русских областей, предполагая, что она была и единственной родиной древнерусских народных сказаній и разсадницей своих твореній по другим областям Руси, преимущественно сѣверо-восточным. Это мнѣніе ни на чем не основано. Оставляя для послѣдующаго вопрос о том, дѣйствительно ли все наши былины созданы в Кіевскій період русской исторіи, мы спрашиваем: развѣ древнерусская народная жизнь сосредоточивалась в одной Кіевщинѣ? Развѣ каждое славяно-русское племя, даже каждое удѣльное княжество, немогло создавать своих, мѣстных, сказаній, немогло выводить на свѣтъ своих героев, немогло пѣть пѣсень об их подвигах? Если и в настоящее время в различных областях Россіи существуют особыя сказанія о мѣстных героях, то еще бо-

лѣе это должно было быть в удѣльный період русской исторіи.

При господствѣ удѣльно-вѣчеваго начала, при слабой связи отдѣльных областей в древней Руси, не могло и быть единого, *обще-русскаго* эпоса. Обще-русскій древній эпос — такая же фикція, как и древній обще-русскій языкъ. Племена жили *особь*, „имяхуть бо обычая своя, и законы отецъ своихъ и преданія кождо своя норовъ“ (Ип. л.); у каждаго были *свои* герои и *свои* сказанія о них: был эпос Новгородскій или Словенскій, был Кіевскій или Полянскій... На основаніи показаній тверской лѣтописи нужно признать существованіе Ростовскаго эпоса. Сказанія, занесенныя в Никоновскую лѣтопись, свидѣтельствуют о существованіи мѣстнаго Черниговскаго эпоса, и т. д. Обще-русскаго в этих областных эпосах было очень немного, как немного было в древней исторіи событій, в которых бы принимали участіе все русскія племена. Обще-русским в древней нашей поэзіи было главным образом обще-славянское. Несомнѣнно, однако, что о Владимірѣ I знали все русскія племена, не столько впрочем как о воинѣ, сколько о великом реформаторѣ, произведшем сильный переворот в теченіи народной жизни.

Слагавшіяся по отдѣльным областям пѣсни и былины не все, конечно, оставались на своей родинѣ; нѣкоторыя, достигшія наибольшаго распространенія в своем племени, переходили в другія области, к другим племенам. Относительная легкость обмѣна поэтическим матеріалом обусловливалась сходством языка. Трудно уловить тѣ пути, которыми идет пѣсня или преданіе из уст в уста, из одной мѣстности в другую. Большое значеніе тут имѣет бродячій элемент общества: купцы, паломники, воины и пр. Распространялась пѣсня и простым путем передачи от сосѣдей сосѣдям. Массовыя переселенія также влекли за собой передвиженіе поэческаго матеріала. Так напр. Косовскія пѣсни были перенесены из центра Старой Сербіи к окраинам. Таким же путем могли перейти в московскую область многія мѣстныя русскія сказанія в період

дѣтельности московских князей собирателей Руси, в XIV — XV вв.

Таким образом нѣтъ никаких основаній видѣть в былинах Владимірова цикла только древняго южно-русскаго или кіевскаго наслѣдства. Именами кн. Владиміра и города Кіева в них могли быть объединены и связаны поэтическія произведенія разнаго времени, различнаго характера и различных мѣстностей древней Руси.

Из сказаннаго вытекают задачи настоящаго изслѣдованія и метод его.

Нужно развѣнчать зданіе кіевскаго эпоса, лишить его внѣшняго единства, разсматривать былины независимо от города Кіева и кн. Владиміра. В лишенных таким образом общей связи былинах отыскивать, какія принадлежат народному русскому творчеству, какія заимствованы; какія рассказывают о дѣйствительных исторических лицах и событіях, и какія суть лишь поэтическіе образы, чистыя созданія народной фантазіи; какія *несомнѣнно* зашли на сѣвер с юга, из Кіевской Руси и какія принадлежат Руси сѣверо-восточной (Владимірской и Московской). В результатѣ могут получиться данныя для рѣшенія вопросов: об историческом развитіи русскаго эпоса, о том, когда и как произошло объединеніе былеваго матеріала древней Руси в Кіевскій или Владиміров круг и — почему объединяющими принципами явились Кіев и Владимір.

Изученіе русскаго эпоса идет или сравнительным путем, или историческим. Взятый сам по себѣ ни тот, ни другой метод не приводит к вполнѣ убѣдительным выводам. Сравнительный метод большею частію приводит к тому же в результатѣ, с чего начинается: „сравни“. Разсужденія о заимствованіи, обыкновенно сопровождающія сравнительныя работы по народной поэзіи, оставляют за собой широкое поле недоумѣній и вопросов. Почему один народ занял у другого извѣстное сказаніе, почему усвоил его? В частности, почему русскіе так много заимствовали? Нѣтъ ли здѣсь *circulus vitiosus*? Недостаточно, указав сходное сказаніе у другаго народа, заявить, что от него и данное

заимствовано. Нужно это доказать, и показать пути перехода заимствованнаго сказанія в народ; нужно объяснить еще, почему оно было усвоено народом. Въдъ заимствование во многих случаях есть лишь ассимиляція своего с чужим. Не все в былинах туземное; заимствованія возможны всегда при общеніи народов между собою; нужно только меньше произвола и больше объективности в примѣненіи теоріи заимствованій. Такія общія основанія для объясненія перехода сказаній, как ссылки на буддизм, Византію, Татар и пр. потому самому мало убѣдительны, что слишком широки. Мнѣ кажется, что прежде нежели заявить, что данное сказаніе заимствовано, нужно доказать, что оно не могло быть создано тѣм народом, который, по предположенію, его заимствовал. Объяснять все исключительно с исторической точки зрѣнія тоже нельзя. Историческая народная пѣсня есть прежде всего поэтическое произведеніе, а не проза, и, стало быть, не исторія. Исслѣдователь может говорить об извѣстном историческом событіи только как о подлежащем исторической народной пѣснѣ; но и здѣсь нужна большая осторожность. Может быть, что пѣсня существовала раньше того историческаго факта, на который указывается как на подлежащее.

Истина по серединѣ. Нужно соединить оба метода в исслѣдованіи былин. Если извѣстное сказаніе выходит за предѣлы русскаго міра, — то сравненіе с сходными устными и письменными сказаніями других народов имѣет в виду рѣшить, лежит ли в основаніи его какой либо литературный оригинал, какая либо племенная повѣсть, зашедшіе извнѣ и усвоенные, — или первоначальный простой миф.

Если сравненіе с сказаніями других народов, с бытом, нравами, древней литературой и исторіей своего убѣдит, что извѣстный мотив принадлежит собственному русскому народному творчеству, тогда с полным правом можно примѣнить историческій метод объясненія былинны. Цѣлью его будет показать:—какому приблизительно времени и мѣсту принадлежит извѣстное сказаніе, дѣйствительное ли лицо богатырь, о котором говорит былина, или —

поэтический образ, какова историческая судьба известного мотива и под.

Громадная сравнительная работа по русскому эпосу была уже сделана Ор. Ф. Миллером в сочин. „Илья Муромец и богатырство Киевское“. В настоящее время она производится в широких размерах профессорами всеобщей истории литературы (Веселовский, Кирпичников, Колмачевский и др.). Не смотря на очевидные успехи, добытые сравнительным изучением русского былевого эпоса, — все-таки чувствуется настоятельная нужда в безпристрастном изучении русского эпоса в связи с народной историей и бытом. К сожалению, деятельность в этом направлении должна пока ограничиваться весьма скромными размерами. Главные источники для этого — местные летописи, сказания, жития, о значении которых для истории русского эпоса говорил столько Буслаев, и теперь остаются terra incognita для желающих изучать русский эпос в этом отношении.

Мы лично воспользовались всеми теми печатными материалами, которые можно было достать в Харьков¹⁾. Не желая повторять задов, мы старались указывать только на то, что было до сих пор незамечено или неизвестно.

Существующее деление былевого материала на былины о *старших богатырях* и былины о *младших* мы оставляем, как неточное и произвольное. Для удобства обозрения мы делаем попытку разделить былевой материал иначе. Татарское иго оставило резкие следы в народной поэзии.

¹⁾ Считаю долгом выразить глубокую благодарность следующим лицам, помогавшим мне в моей работе советами, указаниями и книгами, профессорам: М. С. Дринову, А. И. Кирпичникову, А. С. Лебедеву, Н. И. Петрову, И. Я. Порфирьеву, А. А. Потебнѣ и А. И. Смирнову; инспектору Бѣлгородской гимназіи И. И. Цвѣткову, кандид. Харьк. Унив. Д. И. Эварницкому.

В ней отложился цѣлый цикл сказаній о борьбѣ с Татарами, заслонившій собою многіе образы предыдущей эпохи. За толстым слоем татарщины можно разсмотрѣть образы, относящіеся к болѣе раннему времени—это былины о нѣкоторых дружинниках XII и XIII в. Послѣднія былины, разумѣется, не сохраняются в своем первоначальном видѣ, а в значительно измѣненном; нѣкоторыя, впрочем, сохраняют черты довольно древнія. В кievскій же круг введены и нѣкоторыя былины, сложившіяся уже послѣ татарскаго ига в пору Московскую. Таким образом, принимая за основаніе дѣленія *время* сложенія былин, мы раздѣляем весь былевой матеріал, составляющій Кіевскій или Владиміров цикл, на три группы: а) былины о богатырях періода до-татарскаго; б) былины о богатырях періода татарскаго и в) былины о богатырях періода послѣ-татарскаго или московскаго.

Ислѣдованію былин мы предпосылаем главу о названіи „богатыря“ в древней Руси.

Глава II.

Храбор — богатырь; поленица.

„В древне-русской письменности до самых Татар слово богатырь неупотребляется, и самая мысль о героѣ, как кажется, имѣла для себя в языкѣ установившейся одной опредѣленной формы. Гдѣ бы слѣдовало сказать богатырь, мы встрѣчаем то *кмет* (в Сл. о П. Иг.), то *витязь* (в лѣт. Переяславск.), то просто *мужь*, *воин*, *храбрый* и др. Далѣе, в позднѣйших памятниках рядом с богатырем как бы в дополненіе мысли употребляется *удалец*, *рѣзвец* (в рязанск. пов. о Евп. Коловр.). Только со времен Татар и первоначально — сколько мнѣ извѣстно — только о татарских воеводах, стало употребляться слово богатырь и — что особенно важно — как вариант формы *богатур* (монг. *baghatur*). А именно в Ипатьевск. л. XIV—XV в. под 1240 г. между Батыевыми воеводами встрѣчаем Се Бѣдйя (вар. Себедяй) Богатур и Бурундай богатырь. При Богатур вар: древнѣйшій *багатырь*, позднѣйшій *богатырь*. Далѣе в том же Ипатск. сп. под 1243 г. читаем о том, как в Холм к Данилу прибѣжал половчанин Актам и говорил: Батый воротился есть изо Угор и отрядил есть на тя два богатыря възискати тебе Моньмана и Балаа. Ясно, что слово *богатырь*, соотвѣтственно монгольскому обычаю, употреблялось в наших лѣтописях в видѣ титула при собственномъ имени“ (Буслав. Отчет о XIV присужд. наград гр. Уварова. СПб. 1872, стр. 80).

Мы имѣем, кажется, несомнѣнные данныя, что в древней Руси мысль о героѣ имѣла одну твердо установленную форму. Таковой было — *храбор* ч. *хоробор*, поздн. *хоробер*. С словом *храбор* соединялось тоже представленіе,

что и с теперешним названіем героя *богатырь*. Приведем собранныя нами данныя о значеніи этого слова.

Хрлвръ (Mikl.), *хрлквръ* (Восток.) значило первоначально *воин*, *pugnator μαχητης, στρατιωτης*; позднѣе получило значеніе *храбраго воина, героя, богатыря*: и оубише 2400 храбрихъ титовихъ, т. е. воинов (Гласник X 222).

Оружыѣ бо наше ѣсть тѣло, а душа храбръ (Вост. Словарь).

Ты оубо постражи яко добрый храбръ Іѣъ Хѣъ (яко добрый воин) (*ibid.*).

В обращеніи „блаженнаго учителя нашего Константина философа“ к Славянам „о словѣ боуквьвнемъ“: примшии буквы сіи примуть мудрость, побѣдѣ приносаште добрѣ богу.... не падажшти, крѣпко же стоѣште къ богу ивльшеса яко храбры, стоѣшти одеснжж божиа прѣстола, ѣгда огнемъ сждити изыкомъ (Изв. II отд. Ак. Н. т. VII, стр. 146).

Даніил рече: храбра, княже, борзо добудеши, а умный дорогъ есть (Бул. Христ. для гимназ. 137).

Великаго мню Антонія крѣпка храбра и побѣдившаго силою крестною духи неприязненныя (Прав. Собесѣди. 1858 г. 3 кн. 142).

В слѣдующих мѣстах *храборъ* значит болѣе чѣм *воин*; полагаю, прямо — *герой, богатырь*:

Ни црѣ же отъ оружіа довольную помощь имать на спасеніе, ни храборъ на все довлѣти есть мощень (Вост. Словарь).

... Илию огньва еѣиротеча, Самъсона прѣсильна храбръра... Горск. и Невостр. Опис. II, 2, 430.

Аще имаше единого храбра въ воихъ своих. единому на сѣчу вынити на единого сѣчья Перянина (Срезневск. Свѣд. и Зам. в. I, 23).

И бѣ у него (Володимера) Добрыня воевода и храборъ и наряденъ мужъ (П. С. Р. Л. I, 131).

В житіи Ефросиніи Полоцкой: жалость бѣ всѣмъ въ дому (кн. Всеслава) о ней (Ефросиніи). Преподобная же Ефросинія сего небрежаше жалости отца своего; но яко

доблїй храборъ, вооружившися на сопротивника своего діавола пробываше в Монастыри (Пам. стар. рус. литер. IV, 174).

В предисловіи к одной рус. редакціи Александрїи Александр Македонскій назван *подобль храборъ*. Замѣчательно выраженіе — *добль храбор* и *подобль храборъ*: оно буква в букву соотвѣтствует теперешнему — *славный богатырь*.

По Дарїи же Арсжоуанинѣ царствова Ал. Македонскій лѣтъ 12; образ же рожества и доблесть мужества и еже в ратѣхъ вазни (fortuna) и добраа дѣла хоцем сказати по ряду. *и яко и самъ подобль мнится быти храборъ Александръ Македонскій, яко все строивъ и поспѣвающе емоу-имѣай присно къ доброму дѣлоу помышленія. Толико бо лѣтъ проводи со всѣми язъкы брань творя и бїяся яко же неможашу.* Хотящїи градъ по извѣстоу списати (А. Попов. Обзор Хроногр. рус. редакц. 79). Это мѣсто для нас весьма важно: в нем ясно выражено воззрѣніе русскаго книжника на храбра замѣчательно сходное с теперешнимъ понятіемъ о богатырѣ. Ал. Макед. называется *храбромъ* потому, что много лѣтъ вел безпрестанную борьбу со многими народами; в этой борьбѣ он был счастлив и непобѣдим: богатыри служатъ Владиміру до старости, проводя жизнь в постоянныхъ схваткахъ съ врагами русской земли. При своихъ успѣхахъ Македонскій храбор „имѣай присно къ доброму дѣлоу помышленія“: вспомнимъ за вѣтъ крестьянина Ивана Тимофеевича своему дѣтищу Ильѣ Муромцу —

Не помысли зломъ на Татарина,

Не убей в чистомъ полѣ христіанина

Битвы — главная сфера дѣятельности храбров; в сраженїяхъ и обнаруживалась ихъ удаль, *храбрство*: уже бо яко орли слетались со всей русской земли, съхалися дивныя удальцы храбрыхъ своихъ пытати (Сказ. о Мамаев. побоищѣ. I, 72).

Слѣдующее мѣсто из житїя Ал. Невскаго интересно в томъ отношенїи, что даетъ понятїе о томъ, за какїе подвиги

Державна ордена Трудового
Червоного Прапора
Республіканска бібліотека
УРСР імені КіпрС

Х
95
756
71

служилые люди получали прозваніе храбров: в Невской битвѣ „явишася в полку (Александра Невского) шесть мужъ храбрыхъ съ самѣмъ с нимъ (Ал.). Единъ именованъ Гаврило Олексичъ се наѣхъ на шпеку, видѣвъ королевича мча под руку и възвѣхъ по досцѣ и до самаго корабля, по ней же хожуху съ королевичемъ: иже текоша передъ нимъ, а самаго емше свергоша и с конемъ в воду с доски и божьею милостию неврежен бысть, и пакы наѣхъ и бися с самѣмъ воеводою среди полку ихъ. 2 именованъ Сбыславъ Якуновичъ Новгородецъ: се наѣхъ многожды на полкъ ихъ и бѣяшеться единѣмъ топоромъ, не имѣя страха в душѣ своей, и паде нѣколько отъ руку его и подивившася силѣ и храбрѣству его. 3. Яковъ родомъ Половчанинъ, ловчій бѣ у князя: се наѣхъ на полкъ с мечемъ и похвали его князь. 4. Новгородѣцъ Мѣша: се пѣшь натече на корабль и погуби три корабля с дружиною своею. 5. отъ молодыхъ его именованъ Сава: се въѣхъ в шатеръ величій златоверхій, и подсече столбъ шатерный, полци Александровы, видѣвше шатра паденье, возрадовашася. 6. отъ слугъ его именованъ Ратмѣр: се бися пѣшь, и оступиша и мнози, онъ же отъ многихъ ранъ паде и тако скончася (Лавр. л. 206).

Подобно богатырямъ, окружающимъ князя Владиміра, и русскіе храбры собирались около наиболѣе видныхъ князей: бяху же у Александра князя (Невского) много храбрыхъ, яко же древле у царя Давида, сильніи и крѣпціи (Тверск. л. под 1224 г.).

И бысть Васильеви (брату Александра Тверскаго) Тверскій столь держашу, Михайлови же возмужавшу, возмагающу, и познавашася ото всѣхъ человекъ, яко сы хошетъ Богъ свободити люди своя отъ великія нужы и иноплеменикъ и величаху людіе зѣло и мнози дары приходяху къ нему, вси сынове тверстїи прилагахуся къ нему и храбри служаху ему (П. С. Р. Л. XV, 468). Высшей похвалой для кн. Михаила Тверскаго служитъ, по воззрѣнію автора, то, что ему служатъ *храбры*. Такимъ образомъ не эпической только чертой нашихъ былинъ оказывается то, что в нихъ обыкновенно около богатыря собирается *дружинушка горо-*

брая, т. е. по старинному *дружина храбров*. Как видно, в условіях древне-русской жизни заключаются и основанія того, что в наших былинах богатыри собраны на службѣ идеальнаго князя Владиміра Стольно-Кіевского.

В тверек. л. помѣщено сказаніе о дѣятельности мѣстных ростовскихъ героев — Александра Поповича, Тимони — Златой пояе и др. Герои эти называются *храбрами* прямо уже в смыслѣ *богатырей*.

В современной русской рѣчи слово *храбор* уцѣлѣло в сказках и пѣснях в формѣ *хоробер* и *храбръ* (м. б. *храбор*).

В былинах оно почти не встрѣчается. Кажется уцѣлѣло напр. в слѣд. мѣстах:

Ай же ты Добрынюшка Никитинич,
Пріѣхал ли ты да не по старому
Королю храбру да в услуженіе

Гильферд. 673.

И шол ли Шурилушка Шапленкович
И шол ли он к королю храбру,
Да нанялся к королю храбру,
Да на десять лѣт да в услуженіе

ibid. 678.

Сказочный богатырь *Бур-хоробер* или *Бур-храбор* тоже, что — Буря — *богатырь* (Потебня. К исторіи звуков, III, 77).

Замѣчательным остатком существовавших в старину лирических пѣсен о хоробрах является слѣд. хороводная (Сахаров. Сказ. р. н. I), подлинность и древность которой неподлежит сомнѣнію (А. А. Потебня. Объясненія мр. п., 52).

Княжій сын хоробер
Да ты что ходишь, гуляешь?
Княжій сын хоробер
Да ты что примѣчаешь?
Скажу вам, друзья, подруженьки,
Как хожу я, как гуляю,
Как хожу я, как примѣчаю

Все свою лишь молодую.
Вѣдь моя то княгиня,
Вѣдь моя то молодая
В Новѣгородѣ гуляет,
На торговой сторонѣ играет.
Уж на моей ли княгинѣ,
Уж на моей ли молодой
Красен вѣнчик сіяет,
Сарафан на ней камчатный,
Убрuseц весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Два яхонта во серьгах,
Два алмаза во глазах
Со походкой лебединой,
Со поступью орлиной.

Сахар. Хоровод. п. N 31.

вариант:

Во се хоробер,
Во се хоробер!
Да что ходишь, гуляешь,
Что примѣчаешь?
Я хожу, я гуляю,
Я в хороводѣ примѣчаю
Свою подруженьку.
Вѣдь моя-то молодая,
Вѣдь моя-то княгиня
В Новѣгородѣ гуляет,
На торговой сторонѣ играет.
Уж на моей ли княгинѣ,
Уж на моей ли молодой
Красен вѣнчик сіяет,
Сарафан на ней камчатный,
Убрuseц весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Два яхонта во серьгах,
Два алмаза во глазах,
Со походкой лебединой,

Со поступью соболиной.
Во се моя молодая!
Во се моя княгиня!
Ты войди, хоробер,
Ты войди в хоровод,
Ты возьми молодую
Ты возьми княгиню (ibid. 61).

„При пѣвнїи этой п. хороводные раздѣляются на двѣ половины, и стоят обѣ половины одна против другой. Между ними ходит *хоробер* и поет вмѣстѣ с игроками пѣсню. Под конец пѣсни хороводные сходятся вмѣстѣ, составляют круг и ходят обыкновенным порядком“ (Сахаров, I, стр. 81). Судя по этой п. слово *храбор* имѣло значеніе не только героя, но и вообще „добраго молодца“ суженаго. Вообще, в языках близки представленія *сильнаго, мужественнаго, храбраго* с одной стороны и *мужа, любовника* — с другой. Ср. русск. *мужь* в значеніи *супруга* и *воина*; греч. *ἀνὴρ* знач. *способный носить оружіе* и *любовник*; греч. *πέσις* супруг и лат. *potis* одного корня с *pot-ens* и пр. Богатырями в наших былинах называются не только герои, отличающіеся воинскими подвигами, как Илья Муромец, Ал. Попович и др., но и такіе *мѡлодцы*, женихи, как Чурило Пленкович, Дюк Степанович, Соловей Будимирович, которым нѣтъ дѣла до врагов Свято-Русь-земли.

С пѣсней о хоробрѣ, сопровождаемой игрой, можно сравнить пѣсню о Чурилѣ, также сопровождаемую танцем (Pokusie, Kolberg, II, 155).

Что касается самой формы *хоробер*, то она предполагает *хоробор*, встрѣчающуюся в лѣтописях, напр. в Ипатской: Владимір Галицкій бысть философъ великъ и ловецъ хитръ, *хороборъ*, кротокъ, смиренъ... татьбы ненавидѣше (П. С. Р. Л. II 221).

С тѣм же значеніем, что на Руси, слово *храбар* употребляется у Сербов. Кромѣ *fortis*, *храбар* значит — юнак, *heros, miles strenuus*: (Богишић Нар. пјесм. в Словарѣ)

Три ти гласа допадули храбре Марку Краљевићу
ibid. N 7 ст. 1.

Кад је дош'о храбре Марко у славноме у Цариграду
Краљевићу Марко

Стаде ти ми храбре Марко силну цару говорити.

(*ibid.* ст. 46—7).

В слѣд. мѣстах слову *храбар* может быть придано значеніе „молодца“, пожалуй, суженаго, жениха, как раз в параллель с приведенной великорусской п.:

Освану звезда на ведром небу

Рабар девојци пред белим двором.

(Карадж. Рѣчник. сл. *рабар*).

Hrabar mladi kupus sadi,

Djevojka mu ručak nosi.

Djevojčicu hrabar prosi:

Daj to, djevo, zdravo t' živo.

Ona veli: i ne želi

Što t' ne more, hrabro biti.

Stari pisc. Hrv. VII, 114. из Сл. Еж. 1878, 258.

Тоже слово в формѣ имени существительнаго встрѣчается и у других Славян. Ср. у Болгар извѣстн. черноризец *Храбрь*. В польск. грамат. до XIV в. нерѣдко встрѣчается собственное имя *Chrober* (Бодуэн-де-Куртенэ, О древне-польск. яз., стр. 48). Кроатск. *hrabar*. Корень слова Miklosich опредѣляет санскритским *srbh* знач. *ferire* (Lexic. сл. храбрь).

Приведенныя данныя касательно употребленія и значенія сл. храбор в древне-русском, полагаю, представляют достаточно прочное основаніе для рѣшенія „спорнаго вопроса о происхожденіи у нас слова богатырь“ (Галахов, Истор. рус. слов. I, 20).

Татарское иго на сѣверѣ Руси произвело великую революцію в области народнаго поэтическаго творчества. Поле эпоса оживилось вступленіем новаго матеріала, вызваннаго борьбой с Татарами. Должны были появиться пѣсни и сказанія о борьбѣ русских храбров с татарскими *богатурами*. Замѣчательно, что в ранних письменных эпических сказаніях, относящихся к эпохѣ борьбы с Татарами, русскіе герои не называются богатырями; послѣднее названіе ис-

ключительно приписывается татарским витязям. В сказаніи о Меркуріи Смоленском: с Батыем „нѣкто бѣ исполни, богатырь именуемъ, с сыном своим, его же имя повѣсть умолча (Фил. Зап. 1881 г. N 3, 42). В сказ. о Мамаев. побоищѣ: и паки на иное мѣсто прииде (Дим. Донской), найде... Бренка и близи Пересвѣтъ чернецъ близъ нарочитаго богатыря лежаща (Сахаров. Сказ. р. н. I, 81). В Задонщинѣ же Пересвѣтъ назван хоробримъ: тогда же дѣло было стару помолодиться: хоробрый Пересвѣтъ поскакивает на своемъ вѣщемъ сивиѣ, свистомъ поля перегороди а ркучи таково слово... (Буслаев. Христ. для ср. уч з., 207).

Соблюденіе строгаго и систематическаго различенія в употребленіи двухъ синонимов—своего — *храбор* для своихъ героев, чужаго — *богатырь* — для чужих — немогло долго удерживаться в пѣснях и обыденной рѣчи. Послѣдовало сначала безразличное употребленіе обоихъ слов, а затѣм — замѣна туземнаго слова чужимъ. Почему замѣна совершилась в пользу чужаго слова — рѣшить трудно. Ни странно, ни невозможнаго здѣсь нѣтъ ничего: извѣстны случаи замѣны без особенной нужды туземныхъ слов, обыденныхъ и весьма реальныхъ в бытовомъ отношеніи, — чужими. Можетъ быть, такой замѣной имѣлось в виду противопоставить татарскимъ богатырямъ своихъ такихъ же (Ист. рус. слов. Галахова I, 20).

Храбры — были служилые люди, отличавшіеся своею силою и удалю. В представленіи о нихъ не было ничего сверхъестественнаго, сказочнаго: ихъ образъ, по приведеннымъ нами даннымъ, вполне реален. Для выраженія понятія *гиганта* существовало в старинномъ русскомъ языкѣ особое слово, уцѣлѣвшее и до сихъ поръ в былинахъ. В одной русской редакціи хроники Георгія Амартола в числѣ другихъ чисто русскихъ словъ встрѣчается *полоникъ*: бысть нѣкыи гигантии рекомыи полоникъ, имя ему Невъродъ. Родишася гигантове, еже сказуется полоници. Рожася гиганте, рекше полоници. Слово *полоникъ*, замѣчаетъ Срезневскій,

во всѣхъ случаяхъ есть прибавленіе славянское, неимѣющее в греческомъ подлинникѣ соотвѣтственнаго выраженія“ (Св. и Замѣтки I, 21).

Другая форма того же слова: *польникъ*, *испольникъ*: гиганте рекше полницы; отъ гиганта, рекше отъ полникъ (Miklos. Lexic.) Vocabulum dubium замѣч. Miklosich.

Полагаю, что теперешній былинный синоним богатыря (мущины и женщины) — поляница, паленица, поляниченька — можетъ быть возведенъ к болѣе древней формѣ *полоникъ* или *польникъ*. Форма *поленица* могла возникнуть вслѣдствіе ошибочной народной этимологіи. Именит. множ. ч. отъ *польникъ* — *польници* былъ понятъ происшедшимъ отъ существит. оканчивающагося в именит. ед. на -ца, по аналогіи напр. — *волчицы*—*волчица*, *горлицы*—*горлица* и др. Разумѣется, такая аналогія могла имѣть мѣсто послѣ совершившейся замѣны окончаній именительн. множеств. ч. *ци*, *си*, *зи* окончаніями винительнаго *ки*, *хи*, *ги* (души—духы—духи, человѣци—человѣкы—человѣки и др.), когда явилась потребность уцѣлѣвшую в былинахъ архаическую форму именит. множ. *полници*, *паленицы*—стар. *польници*

[Сильніи русекіи могучіи богатыри

Славны поляници вси удалыи

Гильферд. 503.

Были русекіе могучіе богатыри

Тыи поляници были удалые. *ibid.* 663].

привести в связь с склоненіем.

РЯД ПЕРВЫЙ:

БОГАТЫРИ ПЕРІОДА ДО-ТАТАРСКАГО.

1. Добрыня Нивитич.

Глава III.

Несомнѣнно, в основѣ великорусскихъ сказаній о Володимірь и Добрынь лежатъ зашедшія на сѣверъ южно-русскія, кіевскія преданія о Владимірь I и дядѣ его Добрынь. Историческія преданія и пѣсни объ этихъ лицахъ, связанныхъ уже начальною лѣтописью, вѣроятно, и легли в основаніе Владимірова цикла былин. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, тоже зашедшими на сѣверъ, кіевскими сказаніями, онѣ составили на сѣверо-востокѣ Руси эпическій кругъ, впоследствии ассимилировавшій себѣ и чисто мѣстныя сѣверно-русскія сказанія.

В современныхъ былинахъ о Добрынь и Владимірь трудно указать, какія — остатокъ кіевской старины, и какія возникли спеціально на сѣверѣ. Можно съ большою достовѣрностію полагать лишь, что былина о женидбѣ Володиміра представляетъ древне-кіевское наслѣдство. В болѣе древней формѣ она является в извѣстномъ лѣтописномъ сказаніи о женидбѣ Владиміра на Рогнѣдѣ—Гориславѣ, записанномъ со словъ „вѣдущихъ“, т. е. пѣснотворцевъ (см. П. С. Р. Л. IX 155 – 6). Не сохранивъ на себѣ пѣсеннаго склада, оно интересно, какъ отраженіе ходившихъ в народѣ разсказовъ на тотъ же мотив.

Из былевых мотивов, связанных с именем Добрыни, рассмотрим здесь два: а) о встрече Добрыни с великаншей, поленицей и б) об измене жены Добрыни.

А. Освободив Запаву Путятичну от змѣя, Добрыня возвращается в Киев-град. Наѣзжает в чистом полѣ ископотъ великую; ѣдет тою ископотью, —

Наѣзжае он богатыря в чистом поли,
А сидит богатырь на добром кони,
А сидит богатырь в платьях женских.
Говорит Добрыня сын Никитич:
Еже не богатырь на добром кони,
Есть же поляница знать удалая,
А кака на тут дѣвица, либо женщина.

Подѣхал Добрыня к богатыршѣ, ударил ее палицей по буйной головѣ, —

А сидит же поляница, несворохнется,
А назад тут поляница неоглянется.

Удивленный Добрыня сомнѣвается в своей силѣ:

Смѣлость у Добрынюшки по прежнему,
Видно сила у Добрыни не по старому.

Пробует силу на сыром дубу в объемъ человеческій: от одного удара его дуб разбивается по ластиньям. Возвращается к палиницѣ, ударяет ее палицей, та опять удара не чувствует... Послѣ третьяго только удара —

На кони сидит поляница, сворохнуласе
И назад же поляница оглянуласе:

Говорит же поляница да удалая:
Думала же русскіи комарики покусывають,
Ажно русскіи богатыри пощалкивають!

Схватила Добрыню за желты кудри, сдернула долой с коня и спрятала в глубокой кожанный мѣшок; в вариантѣ — положила в глубокой карман (Кирѣевск. II 29). Коню поленицы стало тяжело везти двух богатырей.

Не могу везти да двух богатырей, гов. он,
Силою богатырь супротив тебя,
Смѣлостью богатырь да вдвоем тебя.

Богатырша вынула Добрыню из мѣшка с такими словами:

Старый богатырь да матери,
Назову я нунь себѣ-ка-ва да батюшкой;
Ежели богатырь нам прилюбится,
Назову я себѣ другом да любимым;
Ежели богатырь неприлюбится,
На долонь кладу, другой прижму,
И в овсяный блин его да сдѣлаю.

Погатырь полюбился поленицѣ; она вынуждает его дать заповѣдь великую—взять ее в замужество:

А не сдѣлаешь ты заповѣди да великія,
На долонь кладу, другой, сверху прижму
Сдѣлаю тебя я да в овсяный блин.

В Кіевѣ они берут по злату вѣнцу (Гильферд. Онежск. б. 37—39).

Из инославянских сказаній с этой былиной можно сравнить слѣдующую сербскую п. о том, как перепугался Марко („Марко Краљевић и джидовка“ Крал. Марко у народн. пјесмах. I. Филипович. Загреб 1880 N XV). Раз Марко Королевич отправился на богомолье в монастырь с двумя побратимами: Милошем и Релей. Друзья ѣхали сначала полем, потом вступили в горную, лѣсистую мѣстность. Среди лѣса юнаки замѣтили на дорогѣ перо (крыло) птицы Ноя (в рус. сказан. Ног, Нога). Перо лежало поперек дороги и мѣшало юнакам пройти. Ни Реля, ни Милош, ни Марко не были в состояніи поднять перо и отбросить в сторону от дороги. Пришлось саблями просѣчь лѣс и проложить дорогу около пера. Приѣхав к монастырю, юнаки расположились пить вино в пивницѣ.

Ја сам сино, рассказывает Марко, до врата пив-
[ници,

Па на врата у сбор погледао;
Кад на сбору шетала дивојка,
За пасом јој од злата преслица,
А у руци сребрено вретено,
За ухом јој Ноја тиче крило,
Управила каменой пивници
И увиде к нама у пивницу.

Како сам се до врата трефио,
И до мене та стаде дивојка,
Низа се је спустила вретено,
На моју га чизму наслонила.
Како га је наслонила, мајко,
Кап' да ми је ватру наложила.

Дѣва спрсила юнаков, не знают ли они Кралевича Марка. Реља и Милош сказали, што незнают, а Марко промолчал. Дѣва спяла веретено с ноги Марка и вышла вон. Марко вышел из пивници, догнав дѣву и спрсил, для чего ей нужен Королевич Марко.

Ја бих рада тог видити Марка,
отвѣчае она,

Би л' ми мог'о бити ђувеглија.
Когда Марко признался, дѣва
Вретено је подигнула на ме
И ђиде ме ударити нѣме.
Туде сам се препануо, мајко,
И побегох од оте дивојке.
Она ме је кроз сбор поћерала,
Ја потекох у цркву утећи.
Кад видела джидовка дивојка
Да ђу јунак утећи у цркву,
Вретенем се за мною јест хитила.
Да ме буде нѣме погодила
Била би ме мртва учинила.
Изнад мене вретено хитила,
Мене схвати витар од вретена,
И на мах сам посернуо, мајко,
И у цркву утекох дивојки.

Дѣва стала перед церковью, а Марко у церковных ворот. Спѣла тетива у туга Маркова лука, угодила стрѣла прямо в сердце жидовкѣ-дѣвушкѣ. Марко подбѣжал к убитой, разсѣк ее на полы и стал разматривать ее сердце.

Кад у нојзи три срца бијаху:
Једно јој се заиграло на ме,
А друго се само заиграва

А треће јој за бој и незнаде,
На нем лежи змија од три главе;
Да ми буде змија опазила,
Била би ме она уморила. (стр. 104—9).

Ср. Болгарск. п. в сборникѣ В. Качановскаго N 170 „М. Корол. убивает дѣвущку Арватку“.

Представленная в этой п. великанша — дѣва с золотой прялкой и исполинским веретеном напоминает дѣв судьбы французских и нѣмецких сказаній. По французским сказаніям дѣвы судьбы, подобно нѣмецким великаншам, носят на головѣ или в передникѣ огромные куски скал, а свободною рукою в тоже самое время кружат *веретено* (Афанасьев, Поэт. Возвр. Сл. на прир. III 348). В Германіи в нѣкоторых мѣстностях передаются рассказы о трех дѣвах судьбы, вѣщія пѣсни которых раздаются при родинах, свадьбѣ и похоронах. У каждой из них имѣется *прялка* со льном, а в руках — *веретено*. Онѣ прядут веревку, протягивая с одной горы на другую (*ibid.* 354).

Дѣвы судьбы, прядущія нить челоуѣческой жизни, принадлежат и славянской мифологіи. Ганка упоминает о мифических пряхах *licho-plezi* (плетущія лихо), соответствующих паркам; Болгары знают *златну бабу*, которая научила женщин прясть и ткать. Сербск. *вила* указывает в ней пряху (от слова *вить*), т. е. дѣву прядущую нить жизни, а вмѣстѣ и повитуху, присутствующую и помогающую в родах (Афанасьев. *ibid.* 342).

Но образ славянских вѣщих прях — рожаниц не настолько ясен, чтобы можно было приведенный сербскій рассказ считать вполне туземным. Скорѣй, образ исполинской пряхи „жидовки дѣвущки“ мог быть заимствован из нѣмецких сказаній. Самый мотив пѣсни мог быть народным: рассказы о сношеніях юнаков с мифическими дѣвами — вилами, самовилами очень распространены у Сербов и Болгар.

С былинной о встрѣчѣ Добрыни с поленицей замѣчательно сходно одно кавказское сказаніе из круга нартовских.

На Кавказѣ, у Татар-Горцев, Кабардинцев и др. племен существует мало изслѣдованный пока круг эпических сказаній о Нартах. Нарты—тоже, что наши богатыри: они и „храбры“ и „поленици“. „Нѣкоторыя поговорки, употребляемыя в настоящее время Татарами-Горцами и Кабардинцами, хотя немногими, но яркими чертами намѣчают образ нarta. „Он храбр, хитер, силен, — он молодец, как нарт“ говорят о каком нибудь благородном узденѣ; „он строен, статен, как нарт“ говорят Горцы про человека, отличающагося между другими величественной и привлекательной наружностью и прославившагося подвигами благородства, безстрашія и силы. Таким образом, названіе нарт в устах народа стало нарицательным и употребляется как синоним „удалого добраго молодца“. Равным образом сказанія гласят, что нарты были народ огромнаго роста и необъятной силы, народ, закаленный в перенесеніи трудностей и лишеній. Они проводили жизнь свою главным образом в исканіи опасностей и приключеній, в набѣгах с цѣлю добычи, а также в особых странствованіях, называемых джортуулами“ (Матеріалы для описанія мѣстностей и племен Кавказа. I. Тифлис 1881, отд. 2, стр. II).

Одним из основных мотивов нартовскаго эпоса являются сказанія о встрѣчѣ Нартов с Эмегенами. Эмегены отличались, как и Нарты, огромной физической силою и гигантским ростом и вмѣстѣ с тѣм глупостью; у них не было никакой сообразительности и хитрости. „По нѣкоторым сказаніям, у них было много голов и один глаз во лбу. Между Нартами и Эмегенами велась постоянная борьба, в которой, благодаря своему умственному превосходству, Нарты всегда оставались побѣдителями, не смотря на то, что Эмегены обладали несравненно большим ростом и физической силой. Нарты питали к ним постоянную ненависть за то, что Эмегены ѣли человѣческое мясо и, когда попадал к ним кто-нибудь из Нартов, старались невыпукать его живым из своих рук“ (ibid. II—III).

Вот какой разсказ существует у Татар-Горцев Пятигорскаго округа о том, как женился нарт Алауган.

Уже под старость Алауган вздумал поискать себя не-
вѣсту. Осѣдлав своего коня Гемуду и надѣв на себя ору-
жіе, Алауган выѣхал из нартовских селеній. Долго он
ѣхал по красивым нартским землям и наконец завидѣл
вдали какое-то черное пятно, которое, по мѣрѣ его прибли-
женія, постепенно все увеличивалось. Когда Алауган подѣ-
ѣхал к нему, то глазам его представилась громадной ве-
личины женщина „Эмегена“, с откинутыми назад через
плечо персями: она зачинала трещины земли при помощи
иглы, которая была величиной, с хорошее бревно, а нит-
ка—как аркан.

При видѣ такой громадины Алауган совершенно оро-
бѣл, и не зналъ, на что рѣшиться. „Если пуститься бѣжать,
разсуждал он, то Эмегена догонит и, навѣрно, съѣст; а не
бѣжать и подойти к ней—страшно“. Думал, думал и, на-
конец, рѣшился он потихоньку подойти к ней сзади и тот-
час взять ее персями себѣ в рот, и таким образом сразу
стать ее молочным сыном. Так он и сдѣлал. Эмегена бы-
стро обернула голову назад и, увидѣв Алаугана, прогово-
рила: „ах, как жаль, что ты так скоро сдѣлался моим ре-
бенком; а то был бы для меня сладким кусочком...“ Ала-
уган, желая показать себя нетрусом, отвѣтил ей на это:
ах, как жаль, что ты так скоро стала моею матерью; а то
послужила бы отличной приправой для моего „сырпына“.

Употребленный Алауганом прием — *locus communis*
кавказских сказаній. Ср. напр. в одной Аварской сказкѣ,
царевич, отправившійся искать чудеснаго морскаго коня,
пріѣхал в дремучій лѣс. Послѣ долгих блужданій по лѣсу,
он увидѣл дом, окруженный башнями и частоколом из
стальных кольев. Царевич вошел в дом,—видит: сидит ве-
ликанша, головой как бы в потолок уперлась. Бросился к
ней царевич и приложился губами к ея груди. „Теперь
ты мой сын, а я твоя мать“, сказала великанша, — если
бы ты неприкоснулся к моей груди, то вот что я с тобой
бы сдѣлала. С этими словами разорвала она кошку на двое
и, сунув в золу, проглотила ее“. (Сборн. свѣд. о Кавк.
Горц. II стр. 10 Нар. сказ.).

Эмегена спросила у Алаугана о том, куда и за чѣм он ѣдет. Тот рассказал ей, что до старости оставался холостым, а теперь ѣдет отыскивать себѣ невѣсту.

„Ах, как это кстати! я тоже вышла из дому, чтобы найти жениха для своей единственной прекрасной дочери; вот право, какое счастливое совпаденіе! Пойдем к ней: увидѣв ее, ты, конечно, полюбишь ее!“ Бѣдный Алауган с досады кусал себѣ губы, но дѣлать было нечего; из опасенія за свою жизнь, он должен был волей-неволей согласиться на предложеніе Эмегены, и они вмѣстѣ отправились в путь. Вскорѣ они пришли к громадной скалѣ, в которой была большая пещера, заложенная тяжелым каменным засовом. Эмегена одной рукой отодвинула засов, и они вошли внутрь скалы. Долго они шли, то опускаясь, то поднимаясь, по тѣсным проходам, наконец Алауган увидѣл впереди мерцающій огонек. Когда приблизились к нему, послышался чей-то радостный крик: „слышу людской запах,— вот-то будет славная закуска!“ Это был голос Эмегиной дочери.

Мать остановила ее, сказав, что это она привела ей жениха. Каково же было изумленіе Алаугана, когда он увидѣл громадную и страшно уродливую дѣву: зубы у ней были так велики, что нижніе клыки доставали до носу, а верхніе опускались ниже подбородка. Нечего дѣлать, пришлось Алаугану жениться на такой уродинѣ. Переночевав, Алауган взял свою невѣсту, посадил ее на лошадь, а сам сѣл позади ея. Едва отѣхали нѣсколько шагов, как у Гемуды согнулась спина от тяжести, а живот опустился чуть не до земли. Вслѣдствіе этого Алаугану пришлось слѣзти и, ведя лошадь за узду, идти впереди. От Эмегены родился сын, которому дано было имя Шауай. (Матеріалы для опис. мѣстност. и плем. Кавказа I, 1881 г. Тифл. II стр. 8—10).

Сходство между русским и кавказским сказаніями так очевидно и так велико, что склоняет мысль установить между ними болѣе близкое отношеніе, чѣм простое сравненіе.

Мужественныя женщины в.-русскаго эпоса — жены Ставра, Дупая, Данилы Ловчанина рѣзко отличаются от странных, уродливых по своим особенностям, образов полениц — великанш. Тѣ стоят в органической связи с народной жизнью, не противорѣчат данным исторіи и быта. Великанши — поленицы слабо связаны с народным эпосом и исторіей, сказанія о них являются какими-то отрывками, примыкающими совсѣм к другому, нерусскому, порядку отношений. Кавказское сказаніе органически примыкает к мѣстному эпосу; образ Эмегенов стоит в связи с исполинской природой страны и, может быть, с исторіей.

Образ женщины великанши русских былин мог быть заимствован из кавказских сказаній. Отрывочныя сказанія о кавказских поленицах — Эмегенах могли зайти на Русь и удержаться здѣсь до наших времен, сохранив на себѣ слѣды отношеній своей кавказской родины. Встрѣча наших полениц с богатырями всегда враждебна. Как Эмегены, онѣ жестоки и кровожадны:

Если богатырь не прилюбится,
На долонь кладу, другой прижму
И в овсяный блин его да едѣлаю.

Как Эмегены, онѣ глупы:

Силою богатырь супротив тебя,
Смьлостью богатырь да вдвоєм тебя.

Баба горынинка показывает Добрынь Никитичу, побѣдившему ее в бою, и Ильѣ Муромцу свой погреб, в котором было золото и серебро.

Эмегены живут в горных пещерах: в русск. сказаніях паленицы называются — баба *Горынинка*, *Златы-горка* и др.

Связи Руси с Кавказом во все періоды нашей исторіи были так живы и постоянны, что а priori можно было ожидать встрѣчи с вопросом об отношеніи кавказских народных сказаній к русскому народному творчеству. Народы, осѣвшіе на этом этнографическом днѣ великой Европейской равнины, находились в частом и долгом общеніи с югом и востоком Руси. Непремѣнно должны были отразиться в народном творествѣ слѣды их вліянія, как

отразилсь они в языкѣ, бытѣ, общем складѣ русской народности (Сухомлинов. О языкознаніи в древн. Россіи, стр. 18—29. Пыпин. Историч. оч. рус. народности В. Е. 1884. Октябрь).

Позднѣе, козачество Запорожское и Донское было естественным проводником кавказских мотивов на Русь.

Losi communes русских былин — шелки *шемаханскіе*, сѣдла *Черкасскія*, Черкесы *Пятигорскіе* объясняются именно живыми сношеніями с Кавказом.

С цѣлію придать наибольшую устойчивость нашему предположенію о возможности вліянія кавказских нартовских сказаній на русскій эпос, укажем на аналогичный случай из области мало-русской народной словесности.

В урочищѣ „Буняково Замчище“ около села Деревичи Новградволинскаго у., рассказывает преданіе, жил когда-то лицарь „Шолудивый Буняка“. І був той лицарь не аби який,—навіть і тілом не такий як повинно бути людини: мало того, що страшенно великий, ще, вибачайте, у ёго печінки й легке та були на версі, отак от і стреміли за плечіма“. Всѣ его боялись, потому что он был людоѣд: пожирал хлопцев, которых приводили к нему по очереди. Вот пришла очередь одному хлопцу, который был единственный сын у матери. Мать при прощаньи с сыном сдѣлала слѣдующее: пішла, націрвала у себе з грудей по корму, замісіла з того по корму тіста, спекла періжків, та даючи их своему хлопцеві й каже: „на ж, тобі оці періжки, а ось що з ними зроби: як прийдеш до Буняки, то конешне підведи ёго, щоб він хоч единого періжка зів оцім ти маеш визволитися, бо як Буняка наїється моїх періжків, то вже тебе незайме, для того, що вважатиме тебе за брата (то б то через її по корм).“

Хлопцу удалось дать пирожок Буняку; тот сѣлъ его, зараз і почувяв, яка в іх була заправа. „Ну, каже, хлопча, дякуй своей матери, що так мудро вхитрувалася: теперь ти еси вызволенный від смерти, не могу бо я тобі того лиха заподіяти через те, що ти стався мені братом.“

Ночью хлопец, подкравшись к спящему Буняку, от-

рѣзал ему печенки и таким образом и сам избавился от смерти и страну освободил от врага (Драгоманов. Малорус. народ. пред. и рассказы 224—5).

Имя великана напоминает Половецкаго хана Буняка, разорявшаго южно-русскія области в концѣ XI ст. В мѣстностях при-Днѣстровских ходят о том же лицѣ и болѣе историчныя преданія (см. Kolberg, Rokucie I, 345—6); сохранилась даже пѣсня:

Що ж то за диви!
Може Буняк соладиви?
Кажут его череда
Пришла нас вигнати.
Лише дадут ему знати,
Куда буде утікати

Гей на на,

Буняка!

Ей берут ся до него
Князь Роман, бояры
А щож буде з него,
Гды піде в прегони.
Ой втікаєт голова,
За ним біжить череда

Голова Буняка,

Здраст вам боже,

вже наша. Ibid. 346.

Интересный факт для судьбы стариннаго южно-русскаго эпоса, на котором мы ниже остановимся!

В приведенном рассказѣ о Бунякѣ замѣчательна в особенности одна подробность: средство, употребленное матерью хлопца для смягченія кровожаднаго великана в сущности тоже, каким воспользовался Алауган. Обычай молочнаго усыновленія на Кавказѣ — черта реально-бытовая и locus communis народных сказаній. „Необходимость в постороннем покровительствѣ и помощи, говорит Дубровин о Черкесах, дала начало оригинальному обычаю, извѣстному под именем *усыновленія*. Лицо чуждаго народа или чуждаго общества, переселившись к одному из черкесских

племен и желая там скрыться от преслѣдованія или остаться навсегда, изъявляло желаніе быть усыновленным одним из семейств того аула, в котором поселилось. Глава семейства призывал к себѣ желающаго быть приемышем, в присутствіи всѣх обнажал женѣ своей грудь и приемышь три раза устами дотрогивался до ея сосков. Послѣ того он считался как бы вскормленным грудью его жены и сыном в его семействѣ. Точно также поступали два лица, составившіе между собою союз на жизнь и смерть. Тогда жена или мать одного из них давала другу мужа или сына свою грудь и с тѣх пор он пользовался покровительством, какое принадлежало дѣйствительному питомцу. Вполнѣдствіи этот обычай до того развился, что стоило только дотронуться до груди женщины, чтобы остановить ея мужа от преслѣдованія, даже и в том случаѣ, если бы дотронувшійся до груди его жены был его заклятый враг“ (Очерк Кавказа и народ. его населяющ. кн. I, 79—80). Тот же обычай встрѣчается у Ингушей (Сборн. свѣд. о Кавк. Горц. IX. 79). Сравните с этим:

У Малабарцев акт усыновленія состоит в том, что хозяйка дома дает сосать свою грудь, и если младенец выплюнет молоко матери, или незахочет сосать, усыновленіе считается недѣйствительным (Э. Реклю. Материнское главенство в первобытн. семьѣ. Рус. Богатство 1883, N 1, стр. 156).

У русских и других Славян подобнаго обычая, насколько извѣстно, нѣтъ. Ни факты народной поэзіи, ни данныя языка и быта не дают основаній предполагать существованіе его у Славян по крайней мѣрѣ в *историческое* прошлое. В русских сказках, в тѣх случаях, гдѣ герои кавказских сказаній прибѣгают к молочному усыновленію, обыкновенно, дѣло происходит таким образом: герой сказки приходит к избушкѣ на курьих ножках. „Избушка, избушка, стань ко мнѣ передом, к лѣсу задом“. Избушка повернулась; вошел — там сидит баба-яга: „фу-фу! доселева русекаго духу видом не видано, слухом не слыхано, а по niche русекой дух в виду является, в уста мечется! Что,

добрый молодец, дѣла пытаешь, пль от дѣла лытаешь?«
Прежде, старуха, напои, накорми, потом вѣсти распроси.
Старуха напоила, накормила и спать положила... и под.
Так и должно было быть у гостепріимнаго народа, каким
были Славяне, для котораго *чужанин* был не *hostis*, не
Feind, а гость.

Поэтому нам кажется, что м.-русское преданіе о Шелудивом Бунякѣ сложилось под непосредственным вліяніем кавказских и, может быть, черкесских сказаній и обычаев. Извѣстно, что Черкесскія поселенія существовали на югѣ Россіи. До настоящаго столѣтія здѣсь были синонимами слова *черкес* и *козак*. Замѣчательно, что эти два слова и на Кавказѣ являются синонимами. По преданіям, сохранившимся у Осетин, Черкесы еще до VII в. (т. е. до прихода из Крыма кабардинских князей) назывались *казахами*, имя, которое они удержали за собою и в устах Мингрельцев и теперь еще называющих их казак-мепе, т. е. царями казаков (Сборн. свѣд. о Кавк. Горц. IX. 113).

Ниже, при разборѣ былин о Святогорѣ, мы еще встретимся с затронутым здѣсь вопросом.

В. Дашкевич в ст. „Былины об Алешѣ Поповичѣ и кончинѣ богатырей“ (Кіевск. Унив. Изв. 1883 N 5) говорит: „наши былины о Добрынѣ, Алешѣ и Настасѣ Микulichнѣ представляют черты сходства в мелких частностях с нѣкоторыми из средневѣковых нѣмецких обработок весьма распространенной в средніе вѣка саги о принужденіи жены ко вступленію с ней в брак во время долгаго отсутствія мужа“ (стр. 241). Из сходства наших сказаній с нѣмецкими (излож. их и друг. сродн. см. у Ор. Ф. Миллера Ил. Муромец и богатырство Кіевск. стр. 525 и дал.) автор заключает, что сказаніе могло быть занесено к нам нижненѣмецкими людьми через западныя окраины, через Новгород, который был естественным проводником западнаго вліянія в дотатарское и татарское время (243). Была и еще одна возможность проникновенія занимающаго нас

мотива в наши народныя сказанія — именно через католических проповѣдников (244).

В принципѣ, конечно, нельзя отвергать возможности вліянія нѣмецких сказаній на русскія. В занимающих нас сказаніях совпаденія дѣйствительно любопытны, но все таки вопрос о происхожденіи этих сказаній остается открытым. При распространенности вариантов даннаго мотива у различных народов представляется возможность закружиться в отыскиваніи того, кто у кого заимствовал. Совпаденія в частных подробностях принадлежат нѣмецким сказаніям, французским *chansons de geste*, русским, болгарским и даже кавказским нартовским. Так, в нѣмецких сказаніях герой, получив чудесным образом вѣсть о выходѣ замуж жены, внезапно, одним полетом возвращается на родину (Op. Миллер, 525). В сказаніи о Карлѣ Великом, помѣщенном в Хроникѣ Энкеля (XIII в.), говорится, что Карл В, узнав от ангела о том, что совѣтъ баронов принуждает его жену отдать свою руку другому мужу, из страны Угров, которых он обращал в христіанство, в трое суток прибыл в Ахен на трех смѣнных конях; кони были доставлены ему ангелами, посланными от Бога (*ibid.* 531). В болгарск. п. „Симон и негова невѣста“ (Младинов. N 66) Симон, узнав от своего коня о выходѣ замуж жены, возвращается домой как раз перед свадьбой. Его конь был его совѣтником, добрым пайщиком службы царской. Когда Симон получил от царицы позволеніе ѣхать домой,—

Тога велит коня, бърза коня:
„Престегни ми, мои църни очи,
За що негля къде ке си ода
Ако сакаш не'ста да отасаме.
И му бърза негой църни очи,
И си летна коня по небеси,
И си стигна по край него'о село“

Млад. стр. 89.

Подобно тому, как в нѣмецких, французских и русских пѣснях, Симон открывается своей женѣ посредством кольца.

В одной бретонской пѣснѣ (Ор. Миллер. II. Мур. 525) муж — солдат возвращается домой на другой день послѣ свадьбы его жены; за измѣну он убивает жену. Ор. Ф. Миллер замѣчает, что эта бретонск. п. стоит особняком (526. примѣч.); это несправедливо. В болгарск. п. (Dozon N 35) Стана, жена Коё, прождав 9 лѣтъ мужа, ушедшаго в гайдуки, выходит замуж, по настоянію отца, за Стояна. На другой день послѣ свадьбы возвратился Коё с товарищами, убил деверя и мужа Станы, а ее —

Коё си Стана съблече,
 Па ѡ съе смоля намаза,
 Па ѡ на свѣща запали,
 На дружина да му свѣти.
 Три дни сж яли и пили,
 Стана им за свѣща свѣтила.

У кавказскихъ горцевъ встрѣчается сказаніе, развивающее тот же мотив: „о томъ какъ Сатана поддалась обману“ (Сборн. свѣд. о Кавказ. Горцах. V. Нартовск. сказ., стр. 17). Урызмагъ отправился в годовую балц (отлучка); в отсутствіи его сошелъ небесный кузнецъ Сафа и прельстил Сатану. Когда Урызмагъ, по своемъ возвращеніи, узналъ об измѣнѣ жены, он оставил ее и пошел странствовать. Сатана переодѣвшись, догнала его и прельстила; потом открылась мужу. Урызмагу не оставалось повода гнѣваться на жену; примиренные супруги возвращаются домой.

В нѣкоторыхъ частностяхъ кавказское сказаніе сходится с германскимъ мифомъ об измѣнѣ Фригги Одину и Одина — Фриггѣ. Замѣчательно, что Один, с цѣлью прельстить Ринду, дочь короля Рутенов, принималъ вид, между прочим, *ковача* (Ор. Миллер, 534, 536). А дочь короля Нидунга соблазняется Велентомъ, небеснымъ ковачемъ (ib. 72).

„Для того, чтобы поднять вопросъ о перенесеніи повѣствовательныхъ сюжетовъ, говоритъ А. П. Веселовскій, необходимо, поэтому, заставить достаточными критеріями. Необходимо принять в расчетъ фактическую возможность вліянія и его внѣшніе слѣды в собственныхъ именахъ, в остаткахъ чуждаго быта, в совокупности подобныхъ призна-

ков, потому что каждый в отдѣльности может быть обманчивъ“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1882 г. ССХХІІІ, 212).

В русских и болгарских п. об измѣнѣ жены в отсутствіи мужа невиднo слѣдов чуждаго быта, чужих правов и отношеній; нѣтъ ничего такого, что бы побуждало видѣть в них созданіе не туземное, а заимствованное.

Присутствіе мифическаго элемента в нѣкоторых вариантах разбираемаго мотива дало основаніе Ор. Ф. Миллеру предположить для него мифическую основу.

„Союз Одина с Фриггою, говорит он, по своей основѣ есть ничто иное, как коренной в мифологіи всѣх народов, древнѣйшій союз неба с землею. Теплое лѣтнее небо представлялось держащим в своих объятіях землю и порождающим из лона ея прекрасных дѣтей. Но в зимнюю пору не доставало этого теплаго плодотворнаго мужа. Он представлялся тогда умершим, — и это было древнѣйшее представленіе. Позже, когда замѣчено было постоянное возвращеніе теплоты небесной, его отсутствіе, уже признанное только временным, стало представляться *отлучкой*, отъездом в чужой отдаленный край... Но над землею по прежнему высится и в зимнюю пору свод небесный — только это уже не прежнее теплое, плодотворное небо, а холодный, безсильный его двойник, обманщик, облекшійся в его образ и обольстившій его жену... Но вот наконец возвращается настоящій. Он сначала неузнаваем, лишен величія..., пока опять не откроется в своем парственном блескѣ и не освободит своей супруги, природы, от ея злых женихов — этой зимней силы, протѣснившейся на его мѣсто“ (Ор. Миллер, 542).

Все это болѣе поэтично, нежели точно, научно. Такое объясненіе, как и прочія мифологическія, оставляет неудовлетворенным читателя своею общностью и широтою. В основѣ разбираемых сказаній могли быть чисто бытовые факты. Введеніе же мифическаго элемента могло совершиться позже, в силу общенароднаго свойства переносить земное и человѣческое на небо и на божественное. По крайней мѣрѣ, кавказское нартовское сказаніе стоит в несомнѣнной

связи с оригинальным горским обычаем — *ходить на балц* (отлучка). „Балц мог быть 12-годичный, 20-годичный, мѣсячный и даже недѣльный. Говорю „мог быть“, т. е. прошедшим временем потому, что балц этот теперь теряет то значеніе, которое имѣл прежде — значеніе большею частію безцѣльной поѣздки в дальніе края—в Чечню, в Кабарду и пр. ради того только, чтобы проѣхать своих знакомых и прожить у них без всякой цѣли все время, предвзятое на балц. Но балцы предпринимались и с видимой цѣлью, не без дѣла. Лѣтъ 15 или 20 назад в Осетіи, Чечнѣ и Кабардѣ балц был в большом ходу, и он же служил осязательною причиною всюду тогда распространеннаго увоза скотины, лошадей и пр. Предприниматели таких балцов были не только терпимы в народѣ, но даже пользовались уваженіем, как люди не деревенщина, а благородные наѣзники“ (Сборн. свѣд. о Кавк. Горц. III народ. сказ. 19—20).

Подобнаго рода поѣздки в дальнія страны с цѣлью себя показать, людей посмотреть, вѣроятно, были и у Славян, в частности у Руси. О них упоминают сказки и былины. Добрыня просится у матери—

Поѣду я добрый молодец
В чисто поде поляковать, козаковать,
Постою я вѣдь за вѣру христіанскую,
Порублю я вѣдь поганых татаровой
Гильферд. 177.

или:

Дай мнѣ Добрынюшки прощеньицо,
Дай-ко Добрыни благословеньицо,
А съѣздить Добрыни на чисто на полѣ
А мнѣ ли Добрыни исполяковать,
Могучи плечи Добрынюшки расталкивать.

ibid. 347.

Судя по горскому обычаю, *такой* мотив поѣздки Добрыни древнѣе того, когда он ѣдет по порученію Володиміра. Это стремленіе „испробовать силушки богатырской“, растолкать могучія плечи, выразилось, между прочим,

в укшуйничествѣ на сѣверѣ, бродничествѣ и позднѣе козачествѣ на югѣ Руси. Помимо этого, бытовая исторія могла представить столь много фактов для образованія пѣсен и сказаній об измѣнѣ жены в отсутствіи мужа, что кажется излишним прибѣгать к туманным мифологическим сближеніям, или к патянутым соображеніям о заимствованіи.

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu.

В виду довольно опредѣленных указаній тверской летописи на *Тимоню—Золотой пояс*, храбра, товарища *Олешки Поповича*; в виду того, что таже личность в Никоновск. л. называется *Добрыня Рязанич—Золотой пояс*, я присоединяюсь к мнѣнію гг. Буслаева, Майкова и др., что в былевом *Добрынѣ Никитичѣ*, племянничкѣ кн. Владиміра, соединены два образа: кіевскаго Добрыни, дяди Владиміра и какого-то сѣверно-русскаго, мѣстнаго, рязанскаго богатыря, м. б. Тимони. Произошла взаимная ассимиляція эпических сказаній: рязанскій храбор привлекся к Владиміру и породнился с ним; кіевскій сподвижник Владиміра получил мѣстную, рязанскую окраску:

Жил был торговый гость

Никитушка Романович;

живучись, он переставился. Оставались у Никиты жена и сын Добрыня Никитич. Про его удалство прошла слава великая по всеѣм землям. Сам старый козак Илья Муромец собрался на ту славу на великую. Приѣхал старый к городу Рязани,

Сам своим умом размышляет:

Досель Рязань-город слободой слыла,

Нониче Рязань слывет городом.

(Ефименко. Матеріалы, II, стр. 10).

2. Иван Данилович.

Глава IV.

Считаем вѣроятным, что упоминаемый в Новгородск. л. под 1118 г. сотскій *Ставр*, навлекшій на себя гнѣвъ Владиміра Мономаха и заточенный им в погреб, есть одно лицо съ былинным Ставром Годиновичем.

Ближайшее к этому лѣтописное упоминаніе относится к *Ивану Даниловичу*.

Никоновская лѣтоп. под 1136 г., рассказывая о походѣ Ольговичей Черниговских против Кіевского кн. Ярослава Володимерича, между прочим, сообщает: Ольговичи, пововав села по Сулѣ отидоша и сташа на Супои. И изыде противу их князь великій Ярополк Кіевскій, сын Владиміра Мономаха... и снидошася на сѣчу и бишася крѣпко; но вскорѣ побѣгоша Половци от Ольговичев. И погнаша по них великаго князя Ярополча дружина, и братіи его *лутчая мужи храбрыя*, и биша много гоняще Половцев и возвратишася вспять, и необрѣтоша князей своих, и впадоша Ольговичем в руцѣ; а Половцы обратишася на них в тыл, и тако многих *храбрых* мужей избиша Ярополчих и братьи его, и держащих стяг великаго кн. Ярополка Кіевского и братьи его изымаша, и бояр его множество поимаша, а иных многих без числа убиша, и *храбраго Давыда Яруновича* тысяцкаго кіевского, и *Ивана Данилова богатыря славнаго* убиша и Станислава *благороднаго*, и Данила Тугковича, и Дамьяна, и Явка, и многих мужей *сильных* и *храбрых* и внука Влад. Мономаха Василька Марпча убиша, и много князей убиша, и едва убѣжаша в Кіев съ братьею своею отнюдь в малѣ дружинѣ Ярополк... м. августа в 8 д. (изд. 1768 г. II, 71).

Разсказ о том же событіи Ипатск. л. короче; неупоминается в нем об Иванѣ Даниловичѣ и других *храбрах*, павших в сраженіи при Супоѣ. „Тысяцкій с бояры Ярополка преже гнаша по Половцѣх, избивша ѣ и воротивша ся опять на полчпше, и необрѣтоша князьи своя, и упадоша Ольговичем в рудѣ, и тако изымаша ѣ, держаше стяг Ярополч, яша бояр много: Давыда Ярославича (=лавр. Яруновича) тысяцкаго, и Станислава Доброго Тудьковича и прочих мужій; и внук Володимерь Василько Маричич убьен бысть ту; многы бо бяхе бояре киевскіи изомали“ (Ип. лѣт. 1871, 214).

Разсказ Никоновск. лѣтоп., очевидно, *подновлен*: вырженіе „славнаго богатыря“ принадлежит, по крайней мѣрѣ, к XIV—XV ст.; эпитет Станислава „благородный“ отдает болѣе эпосом, чѣм исторіей; *храбрыя, храбрых* стоит вмѣсто *храбри, храбровъ*; но несомнѣнно, он основан на неизвѣстном нам мѣстном, киевском, свидѣтельствѣ о битвѣ при Супоѣ. Иначе трудно объяснить большую фактическую обстоятельность изложенія Никоновск. л. в сравненіи с Ипатск. и Лаврентьевск. Упомянутіе об Иванѣ Даниловичѣ под 1136 г. еще болѣе убѣждает в том, что автор Никоновск. л. имѣл под руками какую либо лѣтописную киевскую замѣтку. Если бы свѣдѣніе об этом богатырѣ он получил из былин или других эпических сказаній, то скорѣе упомянул бы о нем во главѣ *о богатырях Владиміра*, ибо в XVII в., когда составлялся Никоновскій свод, цикл Владиміров уже вполне был установлен.

Извѣстіе Никоновской л. важно по своему указанію на кружок *храбров*, служивших у стольнаго — киевскаго князя. Это, сколько нам извѣстно, самое раннее, *наибольше достоверное историческое* свидѣтельство о Киевском богатырском кругѣ. Сообщенія той же лѣтописи „о богатырях Владиміра“ — позднѣйшаго происхожденія; о них ниже. Один из храбров этого мѣстнаго круга прозывается „благородный“. Это напоминает *впжливаго* богатыря Владимірова цикла Добрыню: он отца-матери хорошаго, роду племени

ученаго, умѣет слово молвить, перед чужим царем поклониться и похвалиться (Кирѣевск. Указатель).

Итак, богатырь, котораго великорусскія былины воспевают под именем Михайла и Ивана Даниловича, назывался в дѣйствительности Иваном Даниловичем, жил в XII в., состоял на службѣ в. кн. Кіевскаго Ярополка Володимерича, считался *храбром*, и в битвѣ при Супоѣ в 1136 г. был убит вмѣстѣ с другими кіевскими служилыми храбрами. Получает таким образом фактическое основаніе общее мнѣніе наших изслѣдователей о южно-русском, кіевском происхожденіи былин об этом богатырѣ.

А. Н. Веселовскій в ст. „Южно-русскія былины“ сдѣлал остроумную попытку опредѣлить схему старинной пѣсни, от которой пошли великорусскія былины о Михайлѣ Даниловичѣ и Василю Игнатьевичѣ, — и мрус. рассказы о Михайликѣ. Мы не можем согласиться с почтенным изслѣдователем в самом существенном. Нам кажется, что былины об Иванѣ Даниловичѣ составляли особый круг, отличный по основному мотиву от былин про Василья Игнатьевича. Малорусскія сказанія примыкают к послѣдним.

Из малорусских сказаній с былиною об Иванѣ Даниловичѣ можно сравнить думу об Ивасѣ Коновченкѣ (напечат. в Сборн. южно-рус. п. Метлинскаго, в Кіевск. Старинѣ 1882 Август и в сборн. Максимовича за 1834 г.).

У Черкасской вдовы Коновчихи был сын Ивасъ (в вар. Метл. у городі у Крылові) — единственная опора и надежда матери. Однажды в Черкасы (в. в Крылов) зашли козаки „охотне війско викликати“; Ивасъ рѣшился идти с козаками. Бѣдная мать плакала, не пускала сына в войско; спрятала даже молодецкую сбрую; только сабли не спрятала. Воспользовавшись отсутствіем матери, Ивасъ взял саблю, оставил дом, догнал козаков и вступил в их отряд под начальство Корсунскаго полковника Хвилона. Козаки прибыли на Черкень — или Черкас-долину.

Тогді ж то Хвилоне, Корсунський полковниче

Из намету вихождае,

До козаків стиха словами промовляє:

Эй, козаки, діти, друзи!

Прошу вас, добре дбайте:

Чи нема междо вами которого козака старинного,
Отамана Куринного,—

У першому разі на герци погуляти,

За віру християнську достойно и праведно стати?

Чи не мог бы котрый козак собі слави лицерствія достати?

Тогді то всі козаки замовчали.

Ср. с этим: цари невѣрные осадили Киев град в несмѣт-
ном числѣ. Владимір на пиру предлагает богатырям:

Уж вы, гой, еси, князи мои бѣяра,

Да вы ой еси, паленицы да удалые,

Ише весь-то вы народ да православные!

А и хто бы то видь сѣздил да в чисто полѣ

Да пересчитывать силы невѣрные?

А и в тую пору было, во то время

Большой видь хоронитея за среднѣго,

Ишшо средней-от хоронитея за младшаго

А от младшаго Владиміру отвѣту нѣт.

Кирѣвск. III 44.

В отвѣт на рѣчь Хвилона,

Тількі Ивась Коновченко стиха словами промовляє:

„Эй, Хвилоне, Корсунський полковниче,

Батьку старий!

Благослови мнѣ козаку молодому

У першому разі на герци погуляти,

За віру християнську достойно-праведно стати;

Чи не мог би я собі слави, лицерствія достати?

В вар. Киевск. Стар. Ивась желает —

Пам'яті козацької заживати

Ї знамена турецького доставати.

В быливѣ:

А и в тую-ту пору было, во то время

Выходил тут дородне добрый молодец

Из-за тово стола видь бѣлодубова,

Ише на имя Михайло сын Данилович

Понизѣшеньку он Владиміру поклоняется,

Помалешеньку ко Владиміру подвигається:
„Ты спусти-тко, Влад. князь, в чисто поле,
„Пересчитывать то видь силы невѣрныя!

Полковник Хвилон

Стиха словами промовляє:
„Эй, Ивасю вдовиченьку!
Ще ти дитя молоде,
Розумом недійшло,
У походах не бувало,
Крови християнської не видало:
Кров християнську увидиш,
Бардзе скоро изомлієш.

Чи не оберетця котрий козак старинний?
Почти тоже говорить и Владимір смѣлому Ивану Данило-
вичу:

„Ох ты гой еси, младый вьюношь, Иван Данилович!
Молодехонек, зеленехонек,
Ты на больших боях не бывывал,
Страстей-ужастей ты не видывал“.

Кирѣевск. III, 40.

Эй Хвилоне, Корсунський полковниче,

Батьку старий!

Возьми ти утя едно старее

А друге малее,

Пусти ти на воду:

Чи не равно буде плисти младе,

Як бы старе?

Чи не равно буде козак младий

На герці гуляти, як бы старий?

„Ой Ивасю Вдовиченьку, дитя младеє!

Коли ж ти мою загадку одгадав,

Благословляю-ж тобі у першому разі на герці погуляти...

И Михайло Данилович ссылається на тоже *locus com-
munis*: Великій государь, вели поимать гоголя и вели дер-
жать три года, да пусти, государь, того гоголя на воду,
и умѣет ли тот гоголь по водѣ плавати: так то наше бо-
гатырское сердце неумичиво. Это слово Владиміру полюби-

лось: буди ты пожалован во стольном градѣ Кіевѣ, отвѣтил он богатырю. Напустился богатырь на врагов, что ясен сокол на стада галиччя, побил много силы татарской. Враги принуждены были просить сроку на три дня (Гисторія о М. Д. Веселовскій, стр. 22—4).

Ивасъ Коповченко, получив дозволеніе Хвилона,
Сам на добраго коня сѣдав,
Міждо козацкими табурами пробігав,

.
На турецьки табури пробігав,
Турецьки намети поперевертав,
Турок пядесят під міч узяв,
Дев'ятеро живцем изв'язав.

(Метлицскій. Южно-рус. п., стр. 418—20).

Второй выѣзд против Турок Ивася был неудачен. Невнявъ совѣту осторожнаго полковника, Ивасъ выпил много оковитой водки и опьянѣл.

Турецька бесурмянська віра п'янаго чоловіка
за четь мили взнали,
Та йще за четь мили назад отступали;
То вони поки его п'янаго зарубали,
Ще сімсот за собою утерjali;
Тільки то недобре вчїнили,
Що коня не вловили.
Кінь по табору турецькому гуляе,
На собі кривави поводи обривае.

Замѣтив коня Хвилон, понял, что случилось с Ивасем; приказал козакам поймать коня и привести в табор. Ивася похоронили, а матери дали знать о смерти сына (Кіевск. Стар. 1882 Авг. 275).

Несчастен был второй выѣзд и Михайла Даниловича. Мурзы-уланове накопили ям, натыкали в ямы копьев; выѣхал Михайло на бой и угодил в яму, а „конь его выдрался и поскакал в чистое поле“ (Южно-рус. был. стр. 24); былина говорит, что конь поскакал к монастырю, гдѣ сѣдѣл его родной отец (Кирѣевск. III, 40).

В развязкѣ сказанія расходятся: в малорусском герой

умирает; в великорусском—спасается, благодаря отцовской молитвѣ и своей.

„Кто был (Ивась Коновченко) неизвѣстный исторіи герой и в какомъ походѣ участвовал, трудно рѣшить, говоритъ К. Ф. У. О. Под Хвилонемъ же думы онъ разумѣетъ Филона Джеджалия, сподвижника Хмѣльницкаго отъ 1649—1658 г. (Кіевск. Стар. Авг. 1882 г. 278). Сравненіе думы съ великорусскою былинной даетъ основаніе полагать, что заключенный въ ней поэтической образъ былъ созданъ раньше временъ козачества. Онъ вѣроятно принадлежалъ Руси до-татарской. Во времена козачества онъ только получилъ новое примѣненіе, былъ иначе истолкованъ, сообразно историческимъ обстоятельствамъ времени.

Къ одной группѣ относится сербская п. о Секулѣ (Богишић, Сри. нар. п. изъ стар. запис. N 20): Вышли Угры на Косово; Секула просится у воеводы Янка ударить на царскій шатеръ. Янко удерживалъ его, но Секула непослушался; напалъ на Турокъ, но былъ израненъ множествомъ стрѣлъ, и умеръ (см. О сербск. п. Косовскаго цикла, стр. 34). Тотъ же мотивъ лежитъ въ основаніи сербскихъ сказаній объ убіеніи Милошемъ Обличемъ на Косовомъ полѣ турецкаго царя Мурата (Вукъ, Пѣсни II, стр. 312—14. Гильферд. III, 186 и слѣд.).

3. Демьян Куденевич.

Глава V.

В Никоновск. лѣтоп. внесены два отрывка из существовавшего, вѣроятно, сказанія о подвигах Переяславскаго богатыря *Демьяна Куденевича*. Эти отрывки интересны по сравненію с нѣкоторыми современными великорусскими былинами.

Демьян Куденевич жил в городѣ Переяславль при кн. Мстиславѣ Изяславичѣ. Вот какъ разсказывается в Никоновск. лѣтоп. об одномъ богатырскомъ его подвигѣ: князь Глѣб Юрьевичъ пошелъ на Мстислава Изяславича к Переяславлю; „и тамо пришедъ неуспѣ ничтоже: бѣ бо у Мстислава воинства много в Переяславль собрася, но и Демьянъ богатырь Куденевичъ тамо.... Пребысть же мало в Новѣградѣ Сѣверскомъ, бояре же его начаша к нему глаголати, да идетъ к Переяславлю на великое княженіе, понеже хотять тебе вси переяславстїи людїе; онъ же послушавъ ихъ скоро прииде к Переяславлю. Услышавше же стражїе Переяславстїи, пригнаша в Переяславль, князю же Мстиславу Изяславичу еще лежащу на одрѣ своемъ, яко предъ свѣтомъ бѣ; онъ же скоро всташа и посла воинскихъ собратїи, а самъ спѣшно тече к Демьяну богатырю Куденевичу и глагола ему сице: „нынѣ, о человекѣ Божїи, время Божїей помощи и пречистыя Богородицы и твоего мужества и крѣпости. Демьянъ же Куденевичъ в той часъ иде на конь со слугою своимъ Тарасомъ и точїю пять отрокъ его зѣло молодыхъ въздоша на кони; безвѣстно бо бѣ, и вси кождо розыдошася, онъ здѣ, онъ ондѣ. Демьянъ же Куденевичъ скоро тече со своимъ слугою на конехъ и срѣтаетъ Глѣба Юрьевича на полѣ близъ посада и нападаетъ яро на воин-

ство его и убивает многих нещадно. Князь же Глѣб Юрьевич ужасеся зѣло, и скоро побѣже назад, а к Демьяну Куденевичу посла, глаголя: „на любовь и на мир приидох, а не на рать!“ Демьян же Куденевич со слугою своимъ Тарасомъ возвратися в Переяславль и многу честь пріа от господина своего в. кн. Мстислава Изяславича (П. С. Р. Л. IX, 177).

По основному мотиву и частным подробностям это сказаніе сходится с былинной об Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ царѣ. Представляемъ свод сходныхъ мѣст изъ извѣстныхъ вариантовъ. Послѣ пра у Владиміра

Вси русскіи могучіи богатыри
Да вси полянишы удалыи
Да вси со двора расходилиси
По своимъ ли то полатамъ богатырскимъ.
Среди то поченьки темныя
Вдругъ то забило в било колокольчато
На томъ ли дворѣ на княженецкомъ
У солнышка князя у Владиміра.

Пришелъ посолъ отъ Калина, который подступилъ къ Кіеву и хочетъ вѣхатъ „въ стольный Кіевъ градъ“ (Гильферд. N 121).

Ночью, на разсвѣтѣ и Глѣбъ подошелъ къ Переяславлю. Во время нашествія Калина у Владиміра богатырей неслучилось. Илью Муромца разгнѣванный Солнышко приказалъ посадить въ глубокой погребъ,

А сильніи кіевскіи богатыри
А розсердились они тутъ на князя на Владиміра;
А они скоро вѣдь сядились на добрыхъ коней
А уѣхали они да во чисто поле
Ай во тое раздолье во широкое

(Гильферд. N 57, стр. 304).

Дочь Владиміра доставляла Ильѣ въ погребъ пищу и одежду. Узнавъ отъ дочери, что Илья еще живъ, Владиміръ спѣшитъ къ погребу глубокому,

И говоритъ онъ Ильѣ да такыя слова:
Ай же ты старыя козакъ да Илья Муромецъ
Нашъ то Кіевъ-градъ нынѣ въ полону стоитъ

Обошел собака Калин царь наш Кіев-град
Со своимъ со войскамы со великими.
А постой же ты за вѣру за отечество,
А постой ко ты за славный Кіев град,
Да постой за матушки Божьи церкви,
Да постой ко ты за князя за Владиміра,
Да постой ко за Опраку Королевичну

(Гильферд. 448).

Отсутствіе готоваго войска заставило и Мстислава Изяславича идти к Демьяну и просить его защитить город.

Так тут старый козак да Илья Муромец
Выходил он со полаты бѣлокаменной
Шол по городу он да по Кіеву,
Заходил в свою полату бѣлокаменну,
Да спросил то как он паробка любимаго;
Шол со паробком да любимым
А на свой на славный на широкій двор,
Заходил он во конюшеньку в стоялую,
Посмотрѣл коня он богатырскаго.
Говорил Илья да таковы слова:
„Ай же ты мой паробок любимый,
Вѣрный ты мой слуга, безъизмѣнный!
Хорошо держал ты моего коня да богатырскаго.
Цѣловал он его во уста сахарницъ,
Выводил добра коня с конюшеньки стоялыми
Ай на тот на славный на широкій двор.
Ай тут старья козак да Илья Муромец
Стал добра коня тут он засѣдывать...

(Гильферд. 448).

Снарядил коня, вооружился сам и поѣхал на Татар...

Не ясен сокол да напускает на гусей на лебедей,
Да на малых перелетных на сѣрых утушек,
Напускает-то богатырь свято-русскія
А на тую ли на силу на татарскую.
Он спустил коня да богатырскаго,
Да поѣхал ли по той по силушкѣ татарскоей,
Стал он силушку конем топтать,

Стал конем топтать, копьем колоть,
Стал он бить ту силушку великую,
А он силу бьет будто траву косит.

(Гильферд. 452—3).

В концѣ концов Татары были побиты, Калин царь взят в плѣн. В сходной по мотиву былини про Василья Игнатьевича и Батыгу, побѣжденный русским богатырем Батыга „на уход ушел“:

Ай бѣжит то Батыга запинается,
Запинается Батыга, заклинается:
Не дай Боже, не дай Бог, не дай дѣтям моим
Не дай дѣтям моим и моим внучатам
А во Кіеви бывать да вѣк Кіева видать

(ibid. 325).

Слова Глѣба: „на любовь придох и на мир, а не на рать“, ясно, принадлежали старинной былини про Демьяна, и оттуда взяты автором сказанія. К подобным *loci similes* древняго русскаго эпоса принадлежат и слѣд. мѣста из настоящаго отрывка: . . . „нападает яро на воинство его и убивает многих нещадно“; князь . . . „ужасеся зѣло и скоро побѣже назад“, „многу честь прія от господина своего“ в. князя . . . ; наконец, упоминаніе о слугѣ при богатырѣ.

Разсказ о смерти Демьяна Куденевича можно сопоставить с былиной о Сухманѣ Одихмантьевичѣ. Изложим сначала содержаніе былины.

Былина о Суханѣ или Сухманѣ начинается запѣвом общим нѣскольким былинам. У князя Владиміра пир; всѣ веселы, Сухан грустен; всѣ хвалятся, Сухану нѣчем похвастаться; он рѣшается—

Похвастать, непохвастать добру молодцу,
Привезу тебѣ (Владиміру) лебедь бѣлую,
Бѣлу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену.

Ср. тот же запѣв в былинах про Михайла Казарянина (Кирша Данилов, 3-е изд., 139), Михайлу Потыка (ibid. 143) и др.

Собственное содержаніе былины заключ. в слѣд.: Сухман пріѣзжает к Нѣпрѣ рѣкѣ; Нѣпра течет не по старому, вода с пѣском помутилася: за ней стоит сила невѣрная (Татары), мостит мосты, собирается переправляться и идти к Киеву. Сухан рѣшается „отвѣдать силы невѣрныя“. Выдернул богатырь с корнем кряковистый дуб, взял его за верхушку и напустился на Татар. Всѣх прибил, осталось только три татарина; они

Бѣжали ко матушкѣ Нѣпры рѣкѣ,
Садились под кусточки под ракитовы,
Направили стрѣлочки каленыя.

Когда Сухан подѣхал к рѣкѣ,
Пустили три татарина поганных
Тыя стрѣлочки каленыя
Во его бока во бѣлыя:

Сухмантій выдергивал стрѣлочки каленыя, заложил раны маковыми листочками

А трех татаровой поганных
Убил своим ножищем-кинжалищем.

Раненый возвратился в Киев, рассказал Владиміру про свои заработки, но Владимір ему неповѣрил. Сухана он приказал посадить в погреб, а Добрынѣ съѣздить и „провѣдать заработки Сухмантьевы“. Когда Добрыня, по возвращеніи, подтвердил слова Сухана, Владимір приказал освободить его из погреба; общает ему богатую награду, но он отказывается от ней:

Не умѣл меня, солнышко, миловать,
А теперь невидать меня в очи ясныя.

Промолвил, а сам

Выдергивал листочки маковые
Со тых ран со кровавых;
Сам Сухмантій приговоривал:
„Потеки, Сухман-рѣка,
„От моя от крови от горючія,
„От горючія крови от напрасныя“

(Рыбников, I, 26—32).

Конец нашей былины походит на сербскую п. о смер-

ти Рели Крылатаго. Реля вмѣстѣ с Марком Королевичем и Милошем убѣгали от Арапов; два послѣдніе упали в ров, вырытый хитрыми врагами. Реля вынес изо рва побратимов, но сам пал жертвой арапской хитрости. Вслѣд убѣгающим юнакам —

...Завика са града Арапка:

„О јуначе, што по два извуче,

„Окрени се, да ти видим лице!“

Превари се Рела от Пазара,

Окрену јој очи и обрве;

А арапка зајела стријелу

И на Релу шипке оборила;

Двије нега шипке ударише:

Једна, мајко, у срце јуначко,

Друга, мајко, под грло бијело,

И погину, жалосна му мајко!

Лијено смо нега сахранили,

И у црну земљу погребали...

Јао, Рела, покојна ти душа!

(Filipovič. Marko Kralevič, LVIII).

Из засады и нашего Сухмана подстрѣлили враги.

Сравним теперь с былинной лѣтописной рассказ о смерти Демьяна Куденевича.

Однажды „придоша Половци мнози с Давыдовичи и взяша град Дегин и безвѣстно идоша к Переяславлю на вел. кн. Мстислава Изяславича п ноцію придоша к Переяславлю на ранней зарѣ и посад зажгоша, никому же их вѣдящу, яко ратніи придоша; они же оступиша град и бысть во градѣ много смущеніе и плач. Демьян же Куденевич *един выйде из града немля ничто же одпяня до спышнаго на себь*, паче же помощію Божіею, и много бив ратных, *настрѣлен же быв от Половец и изнемог возвратися во град*; ратніи же вси, страхом одержими бѣжаша спѣшно кождо во свояси. Демьян же до конца изнеможе от ран; и скоро тече к нему князь вел. Мстислав Изяславич и мнози дары дая ему и власти обѣщевая; он же рече: „о суетія чловѣческаго! кто мертв сый желает дарованія тлѣн-

наго и власти погибающія!“ И сіе рек, усну вѣчным сном и бысть по нем от всѣх велій плачь во градѣ (П. С. Р. Д. IX, 178).

Демьян Куденевич вышел на врагов один без ратнаго вооруженія; Сухман Одишмантьевич, встрѣтившись неожиданно с силой невѣрною, для борьбы с нею пользуется первым попавшимся орудіем—дубиной.

Демьяна ранили в битвѣ; тоже—и Сухана. Демьяну князь обѣщал „много власти и дары“; Сухмана Владимір хочет „жаловать, миловать“

За его услугу за великую
Городами его с пригородками,
Али селами со приселками,
Аль безсчетной золотой казной.

В отвѣтъ Демьяна князю слышится укор, выраженіе недовольства: „кто мертв сый, желает дарованія тлѣннаго и власти погибающія!“ Лѣтопись не объясняет причин этого недовольства, разочарованія. В былинѣ оскорбленное самолюбіе заставляет Сухмана отказаться от наград Владиміра:

Не умѣл меня, Солнышко, миловать,
Не умѣл меня, Солнышко, жаловать,
А теперь не видать меня в очи ясныя.

По вліянію сказаній об образованіи рѣк из крови героев, народная фантазія создала Сухман-рѣку, протекшую от горячей крови Сухмана

От горячія крови от напрасныя.

Названіе рѣки Сухона могло оказать вліяніе на образованіе такого нароста в былинѣ о Сухманѣ (Н. И. Петров. Тр. Кіев. Д. Ак. 1874. Ноябрь, 346).

При очевидном сходствѣ былин о Калинѣ, Сухманѣ и сказаній о Демьянѣ Куденевичѣ, мы все-таки нерѣшаемся признавать исторію о Демьянѣ Куденевичѣ историческим подлежащим указанных былин. Остановимся на том скромном выводѣ, что как лѣтописное сказаніе о Демьянѣ так и соотвѣтственныя великорусскія былины основаны на одном древнем эпическом мотивѣ. В XII в. в Переяславлѣ

он соединялся с именем Демьяна Куденевича; перешедши на сѣверо-восток Руси, он позже вошел в состав былин о Сухманѣ и Калинѣ—царѣ.

И этот вывод имѣет значеніе для вопроса о туземности и устойчивости русских былевых мотивов. В частности, лишается фактической опоры мнѣніе подобное слѣд.: „былина о Сухманѣ, говорит В. Воллнер, по своему трагическому пеходу принадлежит к самым прекрасным, но вмѣстѣ к наименѣе эпическим (eines der unepischsten). Сентиментальный характер этой былины указывает на вліяніе литературное и притом впроятно позднѣйшаго времени. (Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen. Leipzig. 1879, стр. 89).

Ниже мы еще встрѣтимся с былиной сентиментальной по содержанію, но несомнѣнно старинной, по основному мотиву.

Вообще же, сентиментальность в народных сказаніях еще не служит указаніем на литературныя вліянія поздняго времени. Многія напр. сербскія пѣсни сентиментальныя по содержанію несомнѣнно туземны и довольно древни.

4. Олеша Попович.

Глава VI.

Лѣтописныя сказанія об Александрѣ Поповичѣ неразостанавливали на себѣ вниманіе изслѣдователей; однако отношеніе ихъ къ былинамъ про Алешу Поповича осталось недостаточно выясненнымъ.

Тверской лѣтописецъ, излагая „Повѣсть о калѣцкомъ побойцѣ, и о князехъ русскихъ, и о храбрыхъ 70“, сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія об Александрѣ или Олешѣ Поповичѣ на основаніи „описаній“ подвиговъ этого хоробра в Ростовской землѣ.

Бѣ нѣкто от ростовскихъ жителей Александръ, глаголемый Поповичъ, и слуга бѣ у него именемъ Торопъ; служаше бо той Александръ великому кн. Всеволоду Юрьевичу, повнегда же дасть кн. вел. Всеволодъ градъ Ростовъ сыну своему князю Костантину, тогда и Александръ начатъ служить Костантину. Егда же преставися великій кн. Всеволодъ, Костантину невосхотѣвшу быти в Володимери, но у Пречистія Ростовскія и чудотворцевъ излюбы жити, тѣмъ и прошаше Влодимера къ Ростову, а не Ростова къ Володимерю, ту бо омышляше столу быти великому княженію; но не въсхотѣ сего пречистая Богородица. И дасть кн. вел. Всеволодъ столъ свой меньшему от Костантина сыну своему Юрію; тѣмъ Костантинъ гнѣвашеся на брата о княженіи, а князь великій Юрій многы браны на Костантина

въздвиге, хотя с Ростова съгнати его, и не попусти ему Господь. Пришедшу бо ему на нь ратию, Костантин отыде к Костромѣ и тоа съжже; кн. вел. Юрій стоаше под Ростовом, в Пужбалѣ, а войско стояше за двѣ версты от Ростова, по р. Ишнѣ, бяхуть бо ся вмѣсто острога обрѣку Ишню. Александр же выходя многы люди вел. кн. Юрія избиваше, ихже костей наклады могыли великы и донинѣ на р. Ишнѣ, а иніи по ону сторону рѣки Уси, много бо людей баше с вел. кн. Юріем; а иніи побіени от Александра же под Угодичами, на Узѣ, тѣ бо храбри выскочивше на кою либо страну обороняху град Ростов, молитвами Пречистыа. Многажды бо кн. вел. Юрій на братне достоаніе прихождаше, но с срамом възвращашеся. Единою выѣде на него из Ростова Костантинъ, и бысть им бой за Юріевым на р. Гзѣ, и тамо побѣди Костантинъ молитвами Пречистыа, своею правдою и тѣми же храбрыми Александром с слугою Торопом; ту же бѣ и Тимоня Золотой пояс. И ту убиша у вел. кн. храбраго Юрату, о сем вельми опечалися кн. вел. Юрій; побѣжден же смирился с братом. Потом приде на Ярослава Переяславскаго Мьстислав Мьстиславич, тесть его и иніи князи, с собою же и Костантина подвигоша, а за Ярослава стал кн. вел. Юрій за брата; и бысть им бой на Липицах и на Юріевѣ горѣ, и ту всѣ полки вел. кн. Юрія избыти, в них же убіен бысть храбрый и безумный боярин Ратибор, иже похвалися сѣдлы наметати супротивных ¹⁾. Князя же Юрія побѣдивше, и на столѣ в Володимерѣ Костантина посади-

¹⁾ В сказаніи о Липецкой битвѣ, помѣщенном в Академич. сп. лѣтоп. рѣчь Ратибора передана так: нѣктоже бояр князь Юрьевых рече: „княже Юрьи и Ярославе! небыло того ни при прадѣдех ни при дѣдех, ни при отцѣ вашем оже бы кто вшел ратью в сильную землю в Суздальскую, оже вышел цѣл, хотя бы и вся Русская земля и Галичская и Киевская и Смоленская и Черниговская и Новгородская и Рязанская, никако противу сей силѣ успѣют; аже нынешніи полци, право наверхем их сѣдлы“. И любя бысть рѣчь кн. Ярославу. (Лавр. л. стр. 470).

ша; два же лѣта Константин былъ князь великій, паки стол дасть брату Георгію, а дѣтем Ростов и Ярославль, а самъ к Господу отходить.

Не смотря на довольно сухой перечень событій из жизни Александра Поповича, все-таки в изложеніи лѣтописца пробивается струя народно-поэтическая. Александр является здѣсь уже богатырем: личность и подвиги его заслоняют собою дѣятельность другихъ участников в междоусобной брани князей Юрія и Константина. За симъ слѣдуетъ часть наиболѣе нас интересующая по сравненію с народно-поэтическими мотивами.

Видѣвъ же Александръ князя своего умрѣша, а Юрія сѣдша на столѣ, размышляше о животѣ, еда како отдасть мьщеніе кн. вел. Юрята ради, и Ратибора и инѣхъ мнозѣхъ от дружины его, ихже избѣ Александръ; вскорѣ смисливъ, посылаетъ своего слугу, ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся в то время, и съзываетъ ихъ къ собѣ в городъ, обрытъ под Гремячимъ колодеземъ на р. Гдѣ, иже и нынѣ той сонъ стоитъ пуст. Ту бо събравшеся съвѣтъ сотвориша, аще служити начнутъ княземъ по разнымъ княженіямъ, то и нехоти имутъ перебитися, понеже княземъ в Руси велико неустроеніе и части боеве; тогда же рядъ положивше, яко служити имъ единому великому князю в матери градомъ Кіевѣ. Бѣ же тогда в Кіевѣ кн. вел. Мстиславъ храбрый Романовичъ Смоленскаго и Володимеръ Руриковичъ Ростиславича, в то же время Мстиславъ Мстиславичъ в Галичи, и быша челомъ вси тѣи храбрыи великому кн. Мстиславу Романовичу, о нихъ же кн. вел. вельми гордяшеся и хваляшеся. (П. С. Р. Л. XV 336—38).

Тотъ же самый мотивъ развивается в старинѣ про Алешу Поповича, записанъ в г. Мезени А. М. Никольскимъ (Ефименко, Матеріалы по этнограф. рус. насел. Арханг. губери. 2 ч., стр. 25—26).

Во славномъ было во городѣ во Ростовѣ,
У того попа Ростовскаго
Единое было чадо милое
Удалъ добрый молодецъ на возрастѣ,

По имени Алешинька млад,
И стал Алешинька конем владѣть,
И стал Алешинька мечем владѣть.

Приходит Алешинька к своему родителю и просит у него благословенія

Ѣхать да во чисто поле во раздольице
Ко тому ли ко синю морю
И просил он себѣ у роднаго батюшки
У того ли попа Ростовскаго
Себѣ дружинушку хорошую,
Хорошую да хоробрую.

Отец дал сыну благословеніе с буйной головы до рѣзвых ног.

И пошел же Алешинька на конюшен двор
Со своею дружиною хоробрую,
И брали они коней добрых,
Надѣвали они на коней сѣделушка черкальскія
И затягивали подпруги шелковыя
И застегивали костылечки булатныя
Во ту ли кость лошадиную,
И сами коню приговаривают:
„Уж ты конь, ты конь, лошадь добрая!
„Не оставь ты конь во чистом полѣ,
„Сѣрым волкам на растерзанье
„Черным воронам на вознаграенье,
„А сильным паляницам на восхваленье“.

Вооружились сами и выѣхали из роднаго города.

У рѣкѣ молодцы несталивали,
Перевоза молодцы некрикивали,
Они ѣхали из утра день до вечера,
И доѣхали до разстаньюшка великаго
На три дорожечки широкія:
Первая дорожечка во Кіев град,
Друга дорожечка во Чернигов град,
Третья дорожечка ко синю морю
Ко тому ко камешку ко сѣрому,
Ко тому ко бережку ко крутому,

На тѣже тихи вешни заводы.

На распуты трех дорог происходит совѣщаніе Алеши Поповича с дружиной, подобно совѣту Александра Поповича с храбрами на рѣкѣ Гдѣ под Гремучим ключем.

Говорил тут Алеша Попович млад:

„Уж ты, гої еси, дружина хоробрая,

„В котору дорожку наш путь лежит,

„В Кіев ли ѣхать, аль в Чернигов,

„Аль к тому морю синему?“

И говорит дружина хоробрая:

Уж ты, гої еси, Алеша Попович млад!

Если ѣхать нам да во Чернигов град,

Есть во Черниговѣ вина заморскія,

Вина заморскія да заборчивыя,

По стаканчику выпьем, по другому хочется,

А по третьему выпьеш, душа горит.

Есть там калашницы хорошія,

По калачику съѣдим по другому хочется,

По другому съѣдим по третьему душа горит.

Есть там дѣвушки хорошія,

Если на дѣвушку взглянешь так загуляешься.

И пройдет про нас славушка не малая

От востока слава до запада

До того города до Ростовскаго,

До того ли пона до Ростовскаго

До твоего батюшки родителя.

Поѣдем-ко мы, Алешинька, в Кіев град

Божьим церквам помолитися,

Честным монастырям поклонитися.

И поѣхали они ко городу ко Кіеву.

Былина отражает в себѣ явственныя слѣды удѣльно-вѣчевой эпохи, — той же, к которой относится и лѣтописный разсказ: Алеша Попович и его дружина хоробрая — дѣти города Ростова. Уѣзжая в Кіев, они заботятся о том, чтобы неприобрѣсти себѣ дурной славы в Ростовѣ; о Свято-Русь-землѣ еще нѣтъ рѣчи. Замѣчательный фактъ устойчивости русских народно-поэтических мотивов. Общій тон,

план и отчасти содержание былины и летописнаго разсказа весьма сходны. Очевидно, по крайней мѣрѣ, с XVI ст., когда составлялся тверской свод, наша былина измѣнилась немного.

Нѣкоторыя общія черты былины и сказанія принадлежат к *loci communes* стариннаго русскаго эпоса. Таков напр. мотив о совѣщаніи удальцов перед отъѣздом в чужіе края. Ср. напр. Гильферд. Онежск. был. N 173 стр. 875. Еще любопытнѣе слѣд. малорусская колядка:

А в ліску, в ліску—й а в Недоборі
Блудило блудців—сімсот молодців,
Сім сот молодців—самих вибранців.
Приблудило сі—над бистрий беріг,
Над бистрий беріг, над сине море.
Ой станьмо бракі—та порагьмосі,
Та порагьмосі—та ни зрагьмосі,
Та ни здаваймо на жінки срібло,
На жінки срібло—на гівки злото,
Й-але зложім сі по дзолотому,
По дзолотому, по червоному.
Та купім собі дзолотий човниць,
Дзолотий човниць—срібле веселце,
Та пускімо сі краєм Дунаем,
Краєм Дунаем до Сорокова.

Ми там чуємо—доброго пана,
Доброго пана, гой, пана Лесі,
Що він нам на рік добре платит.
Гой платит, платит по сто червоних,
По сто червоних, по сто сім злотих,
По сто сім злотих—по коню роню,
По коню роню, по яще сідла,
По яще сідла—шавелька срібла . . .

Kolberg, *Roscicie I*, 107.

В Никоновск. летопись занесены отрывочныя извѣстія о дѣятельности Александра Поповича в Кіевѣ при Владимірѣ. Разсмотрим эти извѣстія в связи с данными народнаго эпоса.

В лето 1000 приде Володарь с Половцы к Кіеву,

забывъ благодѣянiя господина своего кн. Владимiра, дѣмономъ наученъ. Володимеру же тогда в Переяславци на Дунаи: и бысть смятенiе велие в Кiевѣ. И изыде нощiю во срѣтенiе имъ Александръ Поповичъ, и уби Володаря, и брата его и иныхъ множество Половецъ изби, а иныхъ в поле прогна. И се слышавъ Володимеръ, и возрадовася зѣло, и возложи на нь гривну злату, и сотвори и вельможа в полатѣ своей.

Нечего и напоминать, что извѣстiе это ложно в историческомъ отношенiи. Оно интересно по сравненiю с рассказомъ мезенской былины объ освобожденiи Алешей Кiева отъ Василия Прекраснаго.

Кiевъ осадилъ Василий Прекрасный: хочетъ стольный городъ в полонъ взять, пожечьъ святыя церкви, князя Владимiра повѣсить, а княгиню Евпраксию Никитишну замужъ взять. Алеша предлагаетъ дружинѣ напасть на враговъ и освободить отъ бѣды Кiевъ градъ:

Выслуга наша не забудется,
А поидетъ про насъ слава великая
Про выслугу нашу богатырскую
И узнаетъ про насъ старый козакъ
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Недошедши старикъ намъ поклонится.

Напускался онъ с дружиной на рать Василия Прекраснаго, —

И прибили тое силу рать великую,
Кое сами кое кони топчутъ,
И разбѣжалась рать сила великая
По тому полю широкому,
По тѣмъ кустамъ ракиновымъ,
Очистила дорогу прямоѣзжую.

Заѣзжали богатыри в Кiевъ градъ. Опускаемъ изложенiе вставочнаго эпизода о томъ, какъ богатыри, обиженные холоднымъ прiемомъ Владимiра, уѣхали изъ Кiева и возвратились снова туда благодаря лишь участiю Ильи Муромца. Приѣхавшихъ гостей с почетомъ встрѣчали Илья Муромецъ с княземъ Владимiромъ и княгиней Апраксиєю:

По колѣно-то у Апраксии наряжены ноги в золото,

А по локоть-то руки в скатном жемчугѣ,
На груди у Апраксїи камень и цѣны ему нѣтъ.
Недошедши Апраксїя низко поклонилася
И тому же Алешенькѣ Поповичу:
Уж многолѣтно здравствуй ясен сокол,
А по имени Алешинька Попович млад!
Побѣдил ты немало силы нонь
И слободил ты наш крашен Кїев град
От того ли Василя Прекраснаго.
Чѣм тебя мы станем теперь Алешу жаловать —
Пожаловать нам села со приселками,
А города с пригородками
И тебѣ будет казна незатворена,
И пожалуй ко ся ты к нам на почестен стол.
Брала его за бѣлую руку, вела в гридню столовую, сажала
за столы дубовые, угощала розналивчатыми напитками
и кушаньями сахарными,
И стали Алешиньку тут жаловать
Села со приселками, города с пригородками,
А казна-то была ему незакрыта

(Ефименко, стр. 28).

Сходство былины с лѣтописным извѣстіем весьма замѣтно. Несомнѣнно в XVII в., когда внесено было извѣстіе об Александрѣ Поповичѣ в Никоновскую л. оно было еще сильнѣе; тогда вмѣсто Василя Прекраснаго враг мог имѣть другое имя, менѣе носившее на себѣ слѣды книжных вліяній.

В лѣто 1001. Александр Попович и Ян Усмошвец, убивши Печенѣжскаго богатыря, избиша множество Печенѣг и князя их Родмана и с тремя сыны его в Кїев к Володимеру приведоша. Володимер же сотвори празднованіе свѣтло, и милостыню многу раздаде по церквам и по монастырем, и убогим и нищим, и по улицам больным и клосным великія кади и бочки меду и квасу и перевары и вина поставляше, и мяса и рыбы и всякое оwoцье, что хто требоваше и ядыше.

Хотя и неизвѣстны былины об Алешѣ Поповичѣ, со-

держаніе которых соотвѣтствовало бы этому извѣстію, однако ясно, что здѣсь сокращенно изложена существовавшая былина про этого богатыря. В былинах обыкновенно счастливый подвиг богатырей оканчивается пиром у Владимира: богатыри —

Ай пріѣхали, как сказали вѣдь,
Что убит безбожный Калпи царь
А со всею со рать силой великою.
Ай как тут солнышко как Владимір князь
А на радости на великіей
Ай как тут для удалых для молодцов
Забирал столованье почестен пир;
Ай как начали пить, кушать вѣдь, добром про-
кладдаются,
Ай как над собою незгоды болѣ начинаются.
Ай как публиковал указы он строгіи
Ай по городу по Кіеву,
Разотворил как он всѣ кабаки, конторы он,
Что бы весь народ как пил да зелено вино;
Кто не пье зелена вина,
Тот бы пил да пива пьяныя,
А кто непьет пивов пьяных,
Тот бы пил меды стоялые, —
Что бы всѣ да веселилисе.
Ай топерь да послѣ этого
Ай тому да всему да славы поют.
Ай Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ незнай.

(Гильферд. Онежск. был. стр. 384).

Третье извѣстіе очень кратко; трудно сопоставлять его с былинами. В лѣто 6512 Идоша Печенѣги на Бѣлград. Володимер же посла на них Александра Поповича и Яна Усмошвеца со многими силами. Печенѣги же слышавше побѣгоша в поле.

Очевидно, сказанія Никоновск. л. об Александрѣ Поповичѣ по своей основѣ чисто эпическія. Несомнѣнно, имена Володаря, Родмана, Яна Усмошвеца совершенно

выѣшним образом сшиты с эпической канвой сказаній. „Что касается до тѣх событій, говорит Костомаров, в которыхъ, по Никоновск. сп., участвует Александр Попович, то они вымышлены книжником. Половцы, которыхъ привелъ какой-то Володарь, по всѣмъ извѣстнымъ намъ другимъ древнѣйшимъ спискамъ, пришли и столкнулись с русскими уже гораздо позже, и едвали могли находиться в древнемъ спискѣ во времена Владимира, а тѣмъ болѣе не было подручно Владимиру находиться в Переяславцѣ на Дунаѣ. Быть можетъ что нибудь и существовало в народныхъ сказаніяхъ о подвигахъ Александра или Алеси Поповича, аналогичное извѣстной намъ по былинамъ его побѣдѣ, одержанной над Тугариномъ Змѣвичемъ; быть можетъ, это подало книжнику поводъ, передѣлавъ такое сказаніе по своему, представить то, что онъ представилъ; но такая передѣлка имѣла бы для историка преданій о Владимирѣ такое же значеніе, какъ и чистая выдумка. Что касается до Яна Усмошвеца, то онъ здѣсь не болѣе, какъ выдумка книжника, вздумавшаго дать собственное имя силачу, побѣдившему Печенѣга; онъ сочинилъ это имя на основаніи извѣстнаго ему занятія силача; сверхъ того, книжнику хотѣлось продолжить его богатырскую дѣятельность, такъ какъ онъ зналъ, что Владимиръ сдѣлалъ большимъ человѣкомъ побѣдителя Печенѣга, а потому прилично этому большому человѣку совершать богатырскіе подвиги и послѣ своего возвышенія (Историч. монограф., XIII, стр. 205).

Авторъ тверск. лѣтоп. упоминаетъ объ „описаніяхъ“ подвиговъ Олѣши Поповича, которыми онъ пользовался. Вѣроятно, в редакціи, бывшей в его рукахъ, какъ болѣе древней, неговорилося ничего о подвигахъ Олешы в Кіевѣ при Владимирѣ. По мѣрѣ развитія былинъ об Олешѣ, отнесенія его къ циклу Владимірову, составлялась, вѣроятно, и повѣсть о немъ, в которую входили существовавшія былинныя о дѣятельности его в Кіевѣ на службѣ кн. Владиміру. Къ фактамъ народно-поэтическимъ в ней присоединялись домыслы грамотѣевъ, вызванные стремленіемъ тѣснѣе связать Олешу Поповича со временемъ Владимира, с историческими и ска-

зочными лицами эпохи этого князя. Автор Никоновск. лѣтоп., вѣроятно, имѣл под руками такую повѣсть, простодушно принял домыслы книжника за историческій фактъ, извлек из нея нѣсколько извѣстій об Олешѣ и заполнил ими пустые годы в болѣе древнем спискѣ лѣтописи.

Ясно, что в XVI и XVII ст. Олеша Попович еще не имѣл характера богатыря — представителя духовнаго сословія: он представлялся еще как дружинник — храбор. Да и в теперешних былинах образ его двоятся: то он — *смѣлый*, — нѣтъ смѣлѣе его во всем Кіевѣ —, то он — наемщик женскій, хвастун и коварный человекъ.

Сходство былевых мотивов об Алешѣ и лѣтописных сказаній об Александрѣ Поповичѣ, бывшее неясным нѣкоторым изслѣдователям (Ягич О славянск. народн. поэзи. Слав. Ежег. 1878 г., стр. 199), благодаря мезенской быльцѣ, становится очевидным.

Тождество имен *Александра* и *Алеша* через посредств. ф. *Олеша* уже признано давно (Отчет о XIV присужд. наград гр. Уварова, стр. 77).

Итак, былевой герой Алеша Попович в дѣйствительности назывался Александром, уменьшит. Олешей Поповичем, жил в XIII в. и был хоробром в дружинѣ Ростовскаго князя. Пользуясь принадлежавшим дружинникам правом свободнаго перехода от одного князя к другому, Олеша, по смерти ростовскаго кн. Константина, отбѣжал с нѣкоторыми товарищами из Ростова в Кіев. На службѣ Кіевскаго князя он и умер; может быть, был убит в битвѣ с Татарами на Калкѣ, если только не домысл книжника лѣтописное сообщеніе: „и Александр Попович ту убіен бысть с инѣми 70 храбрых (на Калкѣ)“. П. С. Р. Л. XV, 342.

Имѣем основаніе не соглашаться с мнѣніем г. Квашнина—Самарина, будто Алеша Попович — богатырь южно-русскій, кіевскій, приуроченный к Ростову в Суздальскій період русской исторіи (Русск. Вѣстн. 1874 г. Сентябрь, 42—4).

РЯД ВТОРОЙ:
БОГАТЫРИ ТАТАРСКОГО ПЕРІОДА.

Глава VII.

С нашествіем Татар начинается на сѣверо-востокѣ Руси борьба с ними населенія,—борьба долгая и упорная, большею частію скрытая и глухая, иногда выходившая наружу в видѣ народных возстаній, поголовных избіеній татарских купцов, чиновников и пр. Сценой борьбы были главным образом окраины, границы русской территоріи. С образованіем Московскаго княжества пограничная борьба принимает вид болѣе правильной и систематической обороны. Устраиваются пограничныя крѣпости, острожки, учреждается пограничная стража — с цѣлію слѣдить за движеніями кочевников и оберегать границы государства — русской земли. Первое извѣстіе о такой стражѣ находится под 1360 г. (Бѣляев, О сторожев. станичн. и полевой службѣ на Польск. Укр., стр. 1, прим. 1).

В это время сложился образ богатырей, стоящих на заставѣ, оберегающих границы свято-русской земли.

Исслѣдователи былеваго эпоса относят эту черту в Кіевскій період русской исторіи. „Разсматривая всѣ черты былины (Владимір. ц.), нельзя не придти к убѣжденію, что в ней отразилась эпоха, бывшая второю в исторіи Кіевской Руси, эпоха оборонительной борьбы со степью; первый же період представлял эпоху наступательной борьбы с Византіей. И в былинах остались слѣды и этой первой эпохи“ (Е. Барсов. Сѣверн. н. сказ. о древн.-рус. кн. и царях. Д. и Н. Россія 1879, N 9, стр. 402).

Борьба со степью велась в Московской Руси в равной мѣрѣ как и в Кіевской. Только характер этой борьбы

в Московской Руси был иной. Ширь степей, полякованье—козакованье Московским служилым людям пришлось промѣнять на тѣсноту острожков, стояніе на заставах и обереганіе границ. Идеальным героем до-Татарской Руси был дружинник—хоробер; в татарско-московскую пору таким стал богатырь — стоятель и оберегатель. В „Сказаніи о Кѣвских богатырях“ относимом издателем, Е. В. Барсовым, к началу XVII в., но сохраняющем в себѣ былевья формулы болѣе ранняго времени, чрезвычайно мѣтко-образно выражена борьба стараго порядка с новым — дружинников, привыкших поляковать, с требованіями о стояньи и стороженьи, исходившими из новаго центра Руси, Москвы.

Владимір — образ московскаго великаго князя — получив извѣстіе о намѣреніи цареградских богатырей „изгубити Кѣв“ приказывает богатырям никуда перазѣзжаться, а беречь Кіев и всю его вотчину.

А возговорят богатыри таково слово:
Государь князь Владимир Кіевской!
Сторожем мы в землѣ не извадились жить,
Не доведетца нам сторожами слыть.

.
Не извадились мы сторожемъ стеречи,
Только мы извадились в чистом полѣ ѣздити,
Побивать полки татарскіе.

Отпусти нас государь в чистое поле,
Мы тебѣ государю прямые вѣсти отвѣдаем
Или тобѣ приведем языка добраго.

Владимір не рѣшился отпустить богатырей, и послѣдніе самовольно оставили Кіев град, „поѣхали в чистое поле; ѣдут по чистому полю, взговорят меж собой такую пословицу:

Лутче бы мы тоѣ срамоты великія неслыхали,
Нежели мы от князя в очи такое слово слышали,
Хотя б мы люде недородились,
Да были бы мы богатыри недобрыя,
И нас бы в Кѣвѣ

Сторожи стеречи незаставливали.

(Богатырск. Слово Е. В. Барсова, 12—14).

Время взяло свое: служилым людям пришлось никуда не разъѣзжаться и беречь Московскаго князя и всю его вотчину — Свято-Русскую землю.

Быт московских станичников в былинах рисуется ярко и живо. За чертами татарской эпохи в них нельзя разсмотрѣть того, что принадлежало болѣе раннему времени, что перешло на сѣвер из Кіевской Руси, из эпизодов борьбы Кіева со степью.

Сподобляется старый казак Илья Муромец
Во далече, далече, во чисто поле,
Сѣдлае, уздае добра коня:
На коня положил он войлочки,
На войлочки клал он потеси,
На потеси сѣдельшко черкасское,
Подвязывал двѣнадцать потесей,
Подвязывал шелками муханскими
Не для-ради красы, басы, угожества, —
Для-ради закрѣпы богатырской.
Пряжки клал мѣди казанской,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдучи,
Одна курева стоит во чистом поли
От ёго копыт от лошадиных.
Пріѣзжает Илья во чисто поле,
Ко тому дубу ко Невиду,
Ко тому кресту Леванидову
К бѣлому ко каменю к Олатырю.
Раздернул ён свой бѣл шатер,
Во шатер поставил добра коня,
Насыпал пшеницы бѣлояровой,
О шатер поставил одно деревцо,
Одно деревце поставил 40 сажен,
На деревце повѣсил три кисточки,
Три кисточки повѣсил золоченых,

Не ради красы, басы, угожества,
Для—ради пристрашки богатырскойей,
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоит Илья Муромец в чистом поли,
На этой на заставы великойей.

Мало по малу справляются,
Мало по малу сподобляются,
Собрались 12 богатырев,
На эту на заставу великуюю.

Гильферд. 708—9.

Выѣзжали на Сафат-рѣку
На закатѣ краснаго солнышка
7 удалых русских витязей,
7 могучих братьев названных . . .
Перед ними раскинулось поле чистое,
А на том на полѣ старый дуб стоит,
Старый дуб стоит кряковистый,
У того ли дуба три дороги сходятся . . .
Становились витязи на распутии,
Разбивали бѣл полотнян шатер,
Отпускали коней погулять по чисту полю;
Ходят кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипывают,
Золотой уздечкой побрякивают;
А в шатрѣ полотняном витязи
Опочив держат. Кирѣевск. IV. 108.

Подобно Московским станичникам, находившимся под властью атаманов, под-атаманов и пр., устраиваются и богатыри на своей заставѣ:

Под славным городом под Киевом,
На тѣх на стених на ципарских
Стояла застава богатырская:
На заставѣ атаманом был И. Муромец,
Под-атаманье был Добрыня Н. млад,
Есаул Алеша поповскій сын . . .

Стоявшіе на заставах сторожи должны были слѣдить за движеніями кочевников: тоже и богатыри.

Ай на славной Московскоей на заставы
Стояло 12 богатырей их святорусских,
А по ней по славной по Московскоей по заставы
Ай пѣхотою ни кто да непрохаживал,
На добром кони никто тут непроѣзживал,
Птица черной ворон непролетывал,
Ай ще сѣрый звѣрь да непроорыскивал.

Гильферд. 461.

„Если станичники завидят военных людей на дальних урочищах, наказывал кн. Воротынский станичникам по поручению Грозного, то им посылать посылки по три, по четыре, или сколько будет пригоже, посмотря по людям и по дѣлу, от которых мѣст пригоже, а не от одного мѣста, чтобы, провѣдав подлинно про неприятеля, на какия мѣста он идет, самим с подлинными вѣстями спѣшить на-скоро в тѣ города, на которые пойдет неприятель“ (Соловьев, Ист. Рос., VII, 27). Ср. в былинѣ про Жидовина: мимо заставы богатырской незамѣтно проѣхал Жидовин — богатырь. Добрыня пробирал свою братію приборную:

„Ой вы гой еси братцы ребятушки!

„Мы что на заставушкѣ устояли?

„Что на заставушкѣ углядѣли?

„Мимо нашу заставу богатырь ѣхал!

Собирались они на заставу богатырскую,

Стали думу крѣпкую думати:

Кому ѣхать за нахвальщиком

Положили было на Ваську Долгополагю; но Илья Муромец, атаман, нашел это неудобным. Не годились также Гришка Боярский, Алеша Попович, Добрыня Никитич; пришлось ѣхать самому атаману (Кирѣевск. I, 47).

Подвиги русских удалцов в борьбѣ с Татарами были прославлены великорусскими пѣтярами в былинах татарскаго періода. Мнѣніе А. Н. Веселовскаго, будто русскій эпос „почти не коснулся татарина, этого сравнительно поздняго врага русской земли“ (Южно-русскія был. 39), не имѣет никаких основаній. Правда, мотивы поэзіи татарской эпохи как то расплылись в русском эпосѣ. Фантазія

пѣтарей воспользовалась готовыми поэтическими образами, и богатырей предыдущей эпохи привлекла к татарщинѣ; но создала и много новых образов. Період борьбы с Татарами для Великороссов был героической эпохой; для поэтическаго народнаго творчества он имѣл такое же значеніе, как у Сербов вѣка борьбы с Турками, у Мало-россов эпоха казацких войн. Можно сказать, что в борьбѣ богатырей именно Татарами заключается суть русскаго былеваго эпоса.

Былевое творчество татарскаго періода ярко отразилось уже в раннем письменном памятникѣ этой эпохи— в „повѣсти о приходѣ Батыевой рати на Рязань“ (Срезн. Свѣд. и Замѣтки, XXXIX). Сюда занесены два эпизода, несомнѣнно основанныя на народных былинах: а) о смерти рязанск. кн. Феодора и самоубійствѣ его жены Евпраксіи и б) о Евпатіи Коловратѣ.

1. Рязанскій князь Феодор Юрьевич.

Рязанскій кн. Юрій Ингорович „посла сына своего кн. Федора Юрьевича Резанскаго к безбожному царю Батыю с дары и моленіи великими, чтобы невоевал Резанскія земли. Кн. Федор Юрьевич приде на рѣку на Воронеж к царю Батыю и принесе ему дары и моли царя, чтобы невоевал Резанскія земли. Безбожный царь Батый лестив бо и немилосерд пріа дары и охабися лестію невоевати Резанскія земли. И яряся хвалися воевати русскую землю, и нача просити у Резаньских князей тцери или сестры себѣ на ложе. И нѣкии от вельможъ Резанских завистію насочи безбожному царю Батыю на кн. Федора Юрьевича Резанскаго, яко имѣет у собѣ княгиню от царска рода. Она ж и лѣпотою тѣла красна бѣ зѣло. Царь Батый лукав лестію и немилостив в невѣрїи своем, пореваем в похоти плоти своей, и рече кн. Федору Юрьевичу. Дай мнѣ, княже, вѣдѣти жены твоей красоту. Благовѣрн. кн. Фед. Юрьевич посмѣяся и рече царю. Недостойно бо е нам христіаном тобѣ нечестивому царю водити жены своя на блуд. Аще нас пріодолѣши, то и женами нашими владѣти начнеши. Безбожный царь Батый възъярися зѣло и о-

горчися. И повелѣ вскорѣ убити благовѣрнаго кн. Федора Юрьевича, а тѣло его повелѣ поврещи звѣрем и птицам на растерзаніе. И иных князей нарочитых и людей воинских побил. И един от пѣстун кн. Ф. Ю. укрылся именемъ Аполоница, зря на блаженное тѣло честнаго своего господина горько плачущися. И видѣ его никим брегома и взя тѣло возлюбленнаго своего государя, и тайно сохрани его. И ускори к благовѣрной кн. Еупраксѣи. И сказа ей, яко нечестивый царь Батый уби и благовѣрнаго кн. Федора Юрьевича. Благовѣрная же княгиня Еупраксѣя стояше в превысоком теремѣ своем, и держа любезное чадо свое кн. Ивана Федоровича. И услыша таковыя смертопосныя глаголы и горести исполнены, абие ринуся из превысокаго терема своего с сыном своим Иваном на средю земли. И заразися до смерти. И услыша вел. кн. Юрій Ингоревиц убіеніе возлюбленнаго сына своего блаженнаго кн. Федора и ихъ князей и нарочитых людей много побитіе от безбожнаго царя. И нача вельми плакаться и с велик. княгинею, и со прочими княгинями и с братією. И плакаше весь град (Резанскій) на мног час.

Вторая половина разсказа напоминаетъ эпизоды пѣвоторыхъ сербскихъ пѣсенъ Косовскаго цикла.

Кад Лазару одсекоше главу
На убаву на полу Косову,
Од Србла се нико не десно,
Већ се деси једно Туре младо,
Јесте Туре, ал' је од робине
Родила га Српкиња робина,
Па беседи Турско момче младо:
„Ао Турци, моја браћо драга!
„Ово ј глава једног господара,
„Греота је од Бога једнога,
„Да је клују орли и гаврани,
„Да је газе коњи и јунаци“.
Узе главу светога Лазара,
Зави у skut коласте аздије,
Па је носи до воде кладенца,

Спушта главу у воду кладенац

Стајала је глава у кладенцу

Лепо време четрдесет лета,

А убаво на Косову тело,

Ни га једу орли ни гаврани,

Ни га газе коњи ни јунаци. Вук. П., II, 324.

Убѣжавшиј с Косова слуга Милутин приноси Милицѣ печальную вѣсть о гибели всего войска, о смерти Лазаря (ib. 293—4). В бугаринштицѣ (Гильф. III, 183) говорится:

Кад ми бѣше Милица тужне гласе разумѣла,

(о косовској катастрофѣ)

Бѣше јом се од жалости живе срце распукнуло.

Справедливо сопоставляют с рассказом о Федорѣ и Евпраксии былинку о Данилѣ Ловчанинѣ (Ор. Миллер?). Сходныя мѣста дѣйствительно есть. Владимір хочет жениться; он просит князей—бояр съискать для него подходящую невѣсту:

Из-за лѣвой было из-за сторонушки

Тут возговорит Мишатычка Путятин сын:

„Уж ты батюшка Володимір князь!

Много я ѣзжал по иным землям,

Много видал я королевичон,

Много видал и из ума пытал:

Котора лицом красна—умом не сверстна,

Котора умом сверстна—лицом не красна.

Ненахаживал я таковой красавицы,

Невидывал я эдакой пригожицы,—

У тово ли у Данилы у Денисьича,

Ишшо та ли Василиса Никулишна:

И лицом она красна, и умом сверстна,

И рускую умѣет больно грамоту,

И четью пѣтью горазда церковному;

Ишшо было бы кого назвать нам матушкой,

Величать нам государыней.

Владимір не хочет от жива мужа жену взять; но Мишатычка был переметлив; он предложил:

Мы Данилушку пошлем во чисто поле,

Велим пымать птичку бѣлогорлицу,
Принести ее к обѣду княженецкому;
Што ишло убить ему льва лютово,
Принести его к обѣду княженецкому.

На охотѣ погиб Данило, бросившись на свое копье. Василиса Никулевна нестерпѣла смерти мужа любимаго. Приходила она ко милу дружку, поклонилась Данилу Денисьевичу,

Берет Василиса свой булатный ножь
Спорола сеѣ Василиса груди бѣлыя,
Покрыла сеѣ Василиса очи ясныя

(Кирѣевск. III, 32—38).

Любопытную параллель к сказанію о Федорѣ и Евпраксіи представляет грузинское преданіе о Давидѣ Сасунском и женѣ его Хандуд-Ханум. Давид Сасунскій бился с Хлатцами. Послѣдніе сильно тѣснили его. Его конь завяз в камышах Чехура, в болотѣ. Кое-как он выбрался из болота и прѣхал к водам Лохура. Еще при своей жизни, когда Абамелик был в домѣ Ибрагима-аги, он силою пробрался к его женѣ. Ее звали Шимшим-Ханум. От Абамелика она родила дѣвочку, очень талантливую. Вот эта дѣвица взяла лук да стрѣлу и пошла притаялась у обваливагося берега рѣчки.

Когда купался Давид в водах Лохура, дѣвица та тайком пустила стрѣлу Давиду в спину. Давид стал на ноги и закричал; голос его дошел до Сасуна. Собрались его братья и поѣхали на выручку Давида. Скоро они отыскали дѣвочку с голубыми глазами. Давид схватил ее за одну ногу, наступил на другую, рванул, разорвал ее на двое и бросил.

Братья взяли Давида и поѣхали в Сасун. Четыре дня спустя, Давид умер. И стали братья его сѣтовать по нем. Они пошли к Хандуд, чтобы утѣшать ее, и пожелали ей многого здравія. А Хандуд-Ханум сказала: „Ох, ох! видно, послѣ Давида быть мнѣ у них посмѣшищем“.

Ченчхапокрик сказал: „Хандуд-Ханум, не плачь, не плачь!“

„Давид помер, но голова моя еще цѣла“.

Хандуд-Ханум поднялась на вершину башни и бросилась оттуда вниз. И ударилась она головой о камень, и голова ея пробилла камень.

В долбленое головой мѣсто Сасунцы сылят пол-пника (мѣстная мѣра сыпучих тѣл) проса и толкут, как в ступкѣ. До сих пор видны там слѣды ея семи кос; а ступка та и понынѣ стоит там перед замком (Ж. М. Нар. Пр. ССХVIII, 74).

2. Евпатій Коловрат.

Во время нашествія на Рязань Батя, „нѣкій от вельможъ Резанскихъ именемъ Еупатій Коловратъ былъ в Черниговѣ с княземъ Ингваремъ Ингоревичемъ, емля подать своего государя вел. кн. Ингоревича Резанскаго. И услыша приходъ зловѣрнаго царя Батя, и иде из Чернигова малою дружиною, и гнаше скоро. И прїѣха в землю Резанскую и видѣ ея опустѣвшу, грады разорены, церкви пожжены, люди побены. И пригна во градъ Резань, и увидѣ градъ разорен, государи побиты, и множество народа лежаше, ови побени и посѣчени, а ини позжены, ини в рѣцѣхъ истоплены. И вскрича Еупатій в горести душа своя и распалаяся в сердци своемъ. И собра мало дружины 1700 челов., которыхъ Богъ соблюде, быша бо внѣ града. И погнаша в слѣдъ безбожнаго царя Батя, хотяще пити чашу смертную с своими государями равно и едва угнаша его в земли Суздальстѣй. И внезапно нападоша на станы Батыевы и начаша сѣчи без милости. И сметоша яко всѣ поссы Татарскыя. Татарове же сташа яко пїяны, а ли неистовый Еупатій тако ихъ бѣяше нещадно, яко и мечи притушишася, и емля мечи татарскія и сѣчаше ихъ нещадно. Татарове мяша яко мертви восташа. Еупатій сильныя полки татарскыя проѣзжая бѣяше ихъ нещадно и ѣздя по полкамъ татарскимъ храбро и мужественно, яко и самому царю побоятися. И едва поимаша от полку Еупатіева пять человекъ воинскихъ изнемогшихъ от великихъ ранъ и приведо-

ша их к царю Батыю. Царь Батый нача вопрошати. Коя вѣры есте вы и коя земля и что мнѣ много зла творите. Они же рѣша. Вѣры кристіянскія есвѣ, раби велик. кн. Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Еупатіева Коловрата, посланы от кн. Ингваря Ингоревича Резанскаго тебѣ сильна царя почтити и честно проводитьи, и честь тебѣ воздати, да не подиви царю неуспѣвати наливати чашу на великую силу рать татарскую. Царь же подивися отвѣту их мудрому. И посла шурина своего Хостоврула (Таврула) на Еупатія, а с ним сильныя полки татарскія, хотя Еупатія жива яти. Хостоврул (Таврул) же съѣхася с Еупатіем. Еупатей же исполни силою наѣхав и разсѣче Хостоврула на полы до сѣдла, и начаша сѣчи силу татарскую. И многих тут нарочитых богатырей Батыевых побил: ових на полы пресѣкоша, а иных до сѣдла краяша. Татарове же возбоаяшася види Еупатія крѣпка исполина и навадиша на него множество пороков и начаша бити по нем с сточисленных пороков и едва убиша его и принесоша тѣло его пред царя Батыя. Царь Батый посла по мурзы и по князи ординскіи и по санчакбѣи и начаша дивитися храбрости и крѣпости и мужеству резанскому господству. Они же рекоша царю: мы со многими цари, во многих землях, на многих бранех бывали, а таких удальцов и рѣзвцов не видали, ни отцы наши возвѣстиша нам. Сіи бо люди крылатіи и неимѣюще смерти тако крѣпко и мужественно ѣздѣ бяшася един с тысящею, а два с тмою. Ни один от них неможет съѣхати жив с побоища. Царь Батый зря на тѣло Еупатіево и рече. О Коловрате Еупатіе, гораздо еси меня поскепал малою своею дружиною, да многих богатырей сильной орды побил еси, и многіе полки от тебе падоша. Аще бы у меня такой служил, держал бых его против сердца своего. И даша тѣло Еупатіево дружинѣ останной, которые поиманы на побоищѣ, и веля их царь Батый отпуститьи и ни чем вредити. (Срезневск. Свѣдѣн. и Замѣтки, XXXIX).

Несомнѣнно, былина о Коловратѣ много потеряла в изложеніи книжника, однако мотивы народных былин и ю-

сі communes переданы точно. Послѣднее обстоятельство очень важно: таким путем только и можно опредѣлить степень туземности и древности извѣстных эпических формул.

Подобно Михайлу Даниловичу, Евпатій троекратно выѣзжает на врагов, при чем третій выѣзд оканчивается для него несчастьем.

С Евпатіем вступает в борьбу и падает в ней, между прочим, родственник Батыя, шурин: Василій Игнатьевич пущенной стрѣлой убивает „наилучших головушек, хорошеньких:

Убил сына Батыги Батыговича,
Убил зятя Тараканчика Карабликова,
Убил дьячка-то выдумщика.

Михайло Данилович в первый свой выѣзд убил трех братьев братовичей Бахмета и силу, что с ними было (А. Н. Веселовскій, Южнорусск. был., 23).

К общим мѣстам (loci communes) русскаго эпоса принадлежат напр. слѣд. в рассказѣ о Коловратѣ:

И внезапно нападоша на станы Батыевы и начаша стъчи без милости.

А ли неистовый Евпатій тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля мечи татарскія и сбѣчаше их нещадно.

Евпатій сильныя полки татарскія проѣзжая, бьяше их нещадно и ѣзда по полкам татарским храбро и мужественно, яко и самому царю побоятися. Сравн. Гильферд. 896 стр.:

Размахалась у Василья ручка правая,
Распиналась у Василья ножка рѣзвая.
Куды рученькой махнет—туды улица,
Куды поженькой пихнет—переулочек,
Вдвое, втрое того топчет его добрый конь.
И видит тут Батый что бѣда пришла,
И сам говорит таково слово:
„Не ужоль таковы люди в Кіевѣ,—
„А один молодец всѣх татар прибил?
Поскорешенько на коней собирается,

И сам он невѣрный заклинается:

„Не дай мнѣ-ка Бог на Руси бывать,

„И не дѣтям моим и не внучатам,

„Оставайтесь во Кіевѣ по прежнему.

Коея вѣры есте вы и коея земля и что мнѣ много зла творите? Ср.:

Ты откуда, удалый добрый молодец,

Ты коей земли, коей орды,

Как ты нуть зовут по имечки,

Нарекают по изотчины?

Гильферд. 68 и мн. др.

Гордый и насмѣшливый отвѣтъ слуг Евпатія Батюю напоминает слѣдующее мѣсто в исторіи про Михайла Даниловича: на предложеніе Батюя служить ему вѣрою и правдою Мих. Дан. отвѣчает: рад тебѣ служить вѣрою и правдою, своею саблею острою над твоею шеей толстою (Южн.-рус. был. 15).

Со словами Батюя у трупа Евпатія ср. слѣд.: Калин—царь говорит Ильѣ Муромцу:

Ай же ты старый казакъ да Илья Муромец!

Да садись ты со мной да за единый стол,

Ѣшь ко ѣствушку мою сахарную,

Да и пей-ко ты мои питыицы медвяными,

И одежь-ко ты мою одежу драгоцѣнную,

И держи-тко мою золоту казну,

Золоту казну держи по надобью,

Не служи-тко ты князю Володиміру. Ibid. 455.

... ових на полы пресѣкоша, а иных до сѣдла крапша. .

... на великую силу рать татарскую...

Еупатей... *разъче* Хостоврула *на полы до сѣдла* и проч.

Имя татарскаго багадура Хостоврул или Таврул до сих пор живет в былевом эпосѣ—в формѣ прозвища—Бахмет *Тавруевич* (Южнорус. был., стр. 30), Возвѣг *Тавролевич*.

3. Идолице поганое.

Глава VIII.

Идолице поганое, говорит Ор. Ф. Миллер, является только особым видом различных насильствующих змѣев, кощеев, дивских старѣйшин, демонов и т. п. Собственно же ему свойственною чертою является то, что он, соотвѣтственно своему, *связывающему его с язычеством прозвищу* нехочет допускать в обнасилованном им Кіевѣ того, что, по народному преданію, составляет главнѣйшее проявленіе христіанства—милостыни спасенныя“ (Илья Муромец . . . 740). „Народ, без сомнѣнія, видит в своем Ильѣ Муромцѣ только свято-русскаго, изначала православнаго богатыря, а в Идолицѣ — чудовищнаго представителя нехристи, которому, подобно всякой другой нехристи в наших былинах, приписывается какое-то временное нашествіе на русскую землю, рисующуюся в былинах православною изначала“ (ibid. 762).

Если это татарское отодвинуто в нашем эпосѣ назад, — к Владиміровой порѣ, то Идольство, напротив того, отодвинуто в нем вперед, как явленіе пытавшееся было *смыть христіанство*, но прошедшее таким же *мимо-летным (?) мигом*, как и власть Батыги—Калина“ (!) (ibid.).

„Идолице, говорит П. В. Безсонов, начало языческое: у него есть своя „земля Идольская“, свое „царство Идольское“ . . . С Идолицем борется христіанство в лицѣ Ильи Муромца“ (Примѣч. к IV т. Кирѣевск. X стр.).

Взгляд на Идолице, как на представителя язычества, к сожалѣнію перешедшій в учебники (Бѣлоруссов, Учебн. теор. словесности, стр. 41), является чистѣйшим производом. Он основан на неправильно понятом значеніи слова

Идолице. Названіе *Идолице* — бранный эпитет, прилагаемый в былинах к татарину, Батыгѣ; часто Идолице замѣняет эти опредѣляемыя и в таких случаях является собственным именем.

Как на наш-от на батюшко Кіев-град
Наѣзжает печисто Едолице,
По прозванію Батыга Батыгович.

Гильферд. 1148.

Ай татарин да поганыи
Что ль Идолице великое
Набрал силы он татарскія *ibid.* 22.

Илья Муромец

Здравствует князя со княгинею
А тому ли татарину челом небьет.
Говорит Идолице поганое. *ibid.* 733.

Былины об Идолицѣ примыкают к лѣтописным свазаніям о насиліях татарскихъ послов, баскаков и др. и о разправѣ с ними ожесточеннаго населенія. Совпаденія с лѣтописными фактами в нѣкоторых случаях такъ характерны, что приходится былины об Идолицѣ относить к разряду *историческихъ* пѣсень Татарской эпохи. Въ нихъ во многих случаях довольно вѣрно отражаются событія перваго, наиболѣе тяжелаго, времени владычества Татар на Руси. Сам Ор. Ф. Миллеръ позже отнес ихъ к татарскому періоду (Ист. рус. словесности Галахова I, 93).

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя у Владиміра
Сдѣлалась побѣдушка великая,
Великая побѣда на весь Кіев-град:
Наѣхало Идолице великое,
В долину Идолице шти сажен,
В ширину Идолице трехъ сажен,
Межъ ушами у него вѣдь какъ сажень с локотью,
Межъ глазами у него вѣдь какъ пѣда мѣрная,
Межъ ноздрями у него изляжетъ калена стрѣла.

Насильники являются в народномъ эпосѣ в образѣ чудовищ, исполинов. Враги Греков, Сарацины представляются

в народной греческой поэзии в образъ страшных великанов. Ксанфин, отправившись искать своего сына, Василия встрѣтил Саракина, он был болен и спал; имѣл на своей, головѣ 65 замков, 42 деревни; на затылкѣ у него мельницы вертѣлись; как в одной то ноздрѣ его конь стоит на стойлѣ, а в другой ноздрѣ дѣвица умычена (Былина о Ксанф., пер. Дестуниса, стр. 25). Едва ли прав поэтому А. Н. Веселовскій, видящій в описаніи Идолица сѣверно-русское искаженіе черт южно-русскихъ былин, зашедших на сѣвер. „Сѣверно-русскія былины, отрѣзанныя от почвы, на которой онѣ создались, отдѣленные цѣлыми вѣками от отношеній, которыя воплотились в них впервые, поневолѣ должны были исказить их в уровень с новой исторической средой и той общественной и природной обстановкой, в которой им суждено было доживать свою вѣковую жизнь. Приуроченіе вышло неполное. Образы южно-русской природы обратились в общія мѣста, не разцвѣтясь новыми сѣверными красками; преувеличенію открылось широкое поле, потому что перепѣвалась не своя пѣсня, прямо вынесенная из жизни, из своего непосредственнаго прошлаго, дним словом из тѣх источников, из которых пѣвец мог бы почерпнуть чувство мѣры и норму вѣроятія: перепѣвалась пѣсня привнесенная, которую слѣдовало истолковать и переложить на ново, иначе она была бы полупонятна. Отсюда явленіе шаржа: татарина, этого сравнительно поздняго, общаго врага русской земли, он почти не коснулся; но он являлся во всей силѣ, когда на сцену выходило Идолице, змѣй, или старчище пилигримище или царище Уланище:

Вить ушпиша-та у цариша быдта блюдиша
 А глазиша-та у цариша — быдта чаши пивныя,
 А носишо-то у цариша быдта палица боевая
 (Южно-рус. был. стр. 38—39).

Если послѣдовательно проводить мнѣніе почтеннаго академика, то пришлось бы счесть за шарж и гиперболическія изображенія предметов в искусственныхъ поэтическихъ произведеніяхъ.

Идолище сам на словах похваляется:

Давайте мнѣ поединщика!

Если нѣтъ у вас поединщика,

Я божьи церкви всѣ на дым спущу,

Ай весь Кіев град в полон возьму

Гильферд. 905.

Князей — бояр всѣх повыврублю.

ibid. 887.

Батый просит трех богатырей: Илью Муромца, Олешу Поповича и Добрыню Никитича:

Дашь, не дашь, за боем возьму,

Сильных богатырей под мечь склопю,

Князя со княгиней в полон возьму,

Божьи церкви на дым спущу,

Чудны иконы по плавь рѣки,

Добрых молодцев полоню станицами,

Красных дѣвушек плѣницами,

Добрых коней — табунами.

Кирѣевск., IV, 41.

Ср.: „беззаконный, проклятый и всему злу начальник Шевкал, разоритель христіанскій, отверже уста своя скверная, начат глаголати, діаволом услышан: „*господине царю! аще ми велиши, аз иду в Русь, и разорю христіанства, а князи их избію, а княгини и дѣти к тебѣ приведу*“. И повелѣ ему царь сотворити тако.

Высокомѣріе и гордость Татар были замѣчены путешественниками: „нечестіе и высокомѣріе их (Татар) простирается до того, говорит Винцентій Бовезскій, что они государя своего хана называют сынѡм божіим и поклоняются ему вмѣсто Бога“ (Яковлев. Путешеств. к Татарам, (105). „Кичась своим многолюдством, они думают, что никакой народ не может им противустоять“ (ibid. 109). О том же см. Пляно-Карпини (ibid. 103).

С прїѣздом в Кіев Идолища „сдѣлалась побѣдушка великая“,

Не по старому в Кіевѣ звон звонят...

Обнасильничал Идолище поганое,

Сидит у князя в новом теремѣ,
У княгини руки держит в пазухѣ.
Грустный вид представляет терем княжескій:
Княженецкія гридни с боку на бок пошатилися,
Ставники в окнах помитусились

Кирѣевск. IV, 19.

Владимір князь уже не хозяин в своем теремѣ; его мѣсто занял Идолице. Ср.:

Беззаконный же Шевкал, разоритель христіанскій, поиде в Русь со многими татарами, прииде на Тверь и прогна князя велик. со двора, а сам ста на кн. вел. дворъ, со многою гордостію, и воздвиже великое гоненіе на христіаны, насильством, и грабленіем и поруганіем“ (П. С. Р. Л. XV 415).

Идолице ай ѣсть-то он, пьет хлѣбом за щегу
Другой за другую,
Аи бѣлюю лебедь на закусочку;
Выпивае он вѣдь напитокок
По боченкѣ сороковочкѣ за единый дух,
А во градѣ вина все мало становится.

Гильферд. 905.

„По свидѣтельствам ханских ярлыков послам и гонцам ханским были особы пошлины и сверх того кормы на счет тѣх владѣній, куда послы пріѣзжали“ (Бѣляев, О монгольск. чиновн. на Руси в Арх. истор.-юрид. свѣд., I, 109). При таких условіях представленіе татарскаго посла в образѣ объѣдалы и опивалы могло быть естественным с народной точки зрѣнія.

При Идолицѣ в Кіевѣ

Не просят милостыни спасенныя.

Идолице говорит Ильѣ Муромцу, пришедшему в Кіев в образѣ нищаго:

Отколь пришел ты стар человекъ?

У нас была кладена заповѣдь великая:

Не просить милостыни спасенныя.

Кирѣевск. IV 19—20.

По извѣстіям китайских лѣтописцев у Татар старость

и слабость находятся в презрѣніи (Бестужев — Рюмин Истор. I 273). Винцентій Бовезскій говорит, что Татары, видя, что родители их старѣются и от старости дряхлѣют, кормят их жирною пищею, чтобы они, отягчаясь, скорѣе задушились“ (Путеш. к Татар., 101). „Как шатры их ни изобилуют всѣм, но они не помогают бѣдным и нищим (ibid. 109). По свидѣтельству Пано-Карпини, в бытность его в Россіи прибыл туда татарскій баскак, Сарацин, который, между прочим, „нищих, кои снискивали себѣ пропитаніе милостынею, уводил“ (ibid. 185).

Отношеніе Татар к нищим противорѣчило установившимся на Руси понятіям. Нищая братія пользовалась народною любовью; церковь приняла ее под свое покровительство. Естественным должен представляться поэтому протест и общества и самих калек переходящих против татарских послов запрещающих „сбирать милостыню спасенную“.

4. Илья Муромец.

Глава IX.

Нѣкоторые мотивы былин об Ильѣ Муромцѣ находятся в несомнѣнной связи с житійными сказаніями. Так, былина о чудесном исцѣленіи этого богатыря напоминает сказанія о туровском мнихѣ Мартынѣ и ростовском епископѣ Леонтіи.

В 27 д. іюня. Нѣкто старец именем Мартин, быв прежде повар епископом туровским Симеону, Игнатію и Іоакиму. Сего еписк. Георгій свободи старости ради, и бысть монах. Пребываше же в епископли монастырѣ у святых мученик (Бориса и Глѣба) един живый. Часто же боляше старец лоном, чрево бо его в лоно исхождаше. И егда сіе бываше, тогда лежаше старец вопія, не могій востати и послужити своему тѣлу. Единою же болящу ему тѣм недугом, и лежаше в келліи, от жажды водныя изнемогаше, и никому же посѣтившу его, за не бѣ вода велика около монастыря. В третій же день внидоша к нему святіи мученици Борис и Глѣб явѣ, в своем подобіи, яко и на иконѣ написани суть, и глаголаша: чим болиши, старче? Он же исповѣда им недуг свой. И рекоша ему: хочещи ли воды? И рече старец: „о господіе мой! уже ея издавна жажду“. И взял един ручку старчу (в вар. водонос), и принесе воды, и взявше корец, напоиша старца. И рече старец: чья еста дѣтська? И отвѣщаша ему, глаголюще: Ярославля. И мнѣв старец, яко Георгіевы Ярослава слуги суть. И рече: Бог да сотворит вам многа лѣта, господіе мой, обаче сами взявше хлѣб ядите, аз же не могу послужити вам. Они же рѣша: да бы тебѣ хлѣб был, мы убо отыдем отселѣ, а ты не боли, но почій. И абіе невидими быша. Старец же обрѣтесе здрав, и востав

прослави Бога и святых мученики. И пребысть прочее здрав, сие же сам сказа отцу духовному (Пролог; Ч—Минеи Димитр. Ростовск. Макарій, Ист. р. ц. III, 301).

Об Аврааміи Ростовскомъ разсказывается в его житіи: препод. Авраамій до осмнадцати лѣтъ бысть в разслабленіи великомъ. Случися же быти из новгородцевъ благочестивыхъ мужей во градѣ ихъ и в домѣ отца его; и бесѣдоваху о вѣрѣ в І. Христа и бываемыхъ чудесѣхъ в христіанской вѣрѣ; отрокъ же, лежа на одрѣ, внимаше бесѣдѣ ихъ, удивляясь зѣло; и егда вси разыдошася, нача о себѣ помышляти, како у отца моего боговъ много, а мнѣ не помогутъ, а у Новгородцевъ един Богъ и многимъ исцѣленіе даетъ. Если бы мнѣ оной Богъ далъ здравіе, я бы сталъ ему вѣровать и служить вѣчно. И в тѣхъ мысляхъ призываше себѣ на помощь І. Хр. И абіе внезапно ощутивъ нашедшую свыше силу на него, нача превращатися на одрѣ, руками и ногами владѣти и вскорѣ воста с одра своего возрадовася зѣло (Макарій, Ист. рус. ц., I, 271).

В былинахъ про Калина царя, несомнѣнно относящихся к татарскому періоду (Ровинскій, Русск. нар. карт., IV, стр. 42, прим. 53) говорится, между прочимъ, о томъ, какъ разгнѣванный Владиміръ приказалъ посадить И. Муромца в погребъ,

А поморить его смертию голодною.

А у князя-то вѣдь дочка-та малешенька,

А малешенька-та дочка молодешенька,

Во-потай бере ключи у своей матери

А от тыхъ ли от погребовъ глубокихъ;

Составляетъ она хлѣбъ да Ильи Муромцу.

Когда же подошелъ под Кіевъ Калин-царь и грозилъ покорить Кіевъ градъ, а княгиню Опраксию отнять, Владиміръ запечалился и жалѣлъ о томъ, что посадилъ в погребъ Илью Муромца и поморилъ его голодною смертию.

А дочка его была малешенька,

А ѿ говорила она да таково слово:

„Ай же ты родитель, ты мой папенька!

„А слышала во церкви во писаніи

„А старому казаку на бою смерть неуписана,
„И голодная смерть неуписана;
„А бери-тко князь ты золоты ключи.
А берет-то князь да золоты ключи,
А отмыкает-то вѣдь князь да глубокой погреб,
А во погребѣ Ильюнюша живой сидит,
Ай горит у Ильюши воскова свѣча,
А читает он вѣдь книгу да евангелье
Гильферд. 304—5.

в вар.:

Он во погребѣ сидит-то сам не старится,
Там перинушки, подушечки пуховыи,
Одѣяла снесены там теплыи,
Ѣствушка поставлена хорошая,
А одежица на нем да живет смѣнная

ibid. 448.

Обрадованный Владимір выводит богатыря из погребѣ холоднаго за ручушки за бѣлыя и просит постоять за вѣру и отечество супротив царя Калина.

Мотив вполне бытовой. Он встрѣчается и в сербских пѣснях. Отдѣльныя частности содержания могли возникнуть под вліяніем сходных сказаній церковно-житійнаго характера. Сравн.: о Гуріи архіеписк. Казанском разсказывается в его житіи (Четыи—Мин. Дм. Ростовск.).

Препод. Гурій архіеписк. Казанскій рожденіе и воспитаніе имѣ во гр. Радонежѣ; родом бѣ от меньших бояр, имя ему прежде бѣ Григорій, сын отца Григорія же, прозывашеся Руготин. Живяше же отрок блаженный первѣе у нѣкоего князя, именем Іоанна, смирен и тих имѣя нрав, и в церковь часто хождаше, посту же и молитвѣ, и милостынѣ и прочим добродѣтелем прилежаше, безсупружное живый житіе. Видѣвъ же господин добронравіе его, вручи весь дом свой, и сего ради оболган бысть к господину по зависти от клевет своих, аки бѣ прелюбодѣет с женою его; господин же вѣру емь клеветующим на него, повелѣ его убити. Сын же господина того, разумен сый, умоли отца своего, да не ускорит клеветником вѣру

яти и не посрамить себе: испытавъ убо по тонку о нем, и увѣдав, яко неповиненъ есть, свободи его отъ смерти. Обаче отецъ его отъ ярости побѣждаемъ, всади его в ровъ глубоокъ. И два лѣта в немъ препроводи, алчбою озлобляемый: пища бо подаваема ему бѣ не челоувѣческа, на три дня вметаху по единому снопу овса, и мало воды. Нѣкій же его другъ обща съѣди ему приносити: онъ же нехоташе, но велѣ ему приносити бумаги и чернила, и писаше, сѣдя в ровѣ книжицы в наученіе дѣтямъ, и даеше продавати и цѣну ихъ нищимъ раздавати. По дву же лѣтѣхъ милосердый господь, видѣвъ доброе терпѣніе раба своего, неповинно таковая страждущаго, благоизволи, аки отъ ада, отъ узилища того свободити его, и отверзе ему невидимую силу своєю рукою затворъ темничный. Сравн. Ровинскій, Рус. нар. карт. IV, стр. 37—38, примѣч. 46, 47.

Любопытны былины о пребываніи Ильи Муромца с другими богатырями в Царь-градѣ. „Роль Царь-града в русскихъ былинахъ обращаетъ на себя вниманіе, говоритъ А. Н. Веселовскій. Илья является поочередно в Кіевѣ и Константинополѣ не только в былинахъ объ Идолицѣ, но и в „сказаніи о семи русскихъ богатыряхъ“ (Южно-рус. был. 60).

„Сказаніе“, судя по количеству изданныхъ вариантовъ, пользовалось большимъ распространеніемъ в древней Руси. Суть содержанія его в томъ, что богатыри, узнавъ о намѣреніи царя из Царь-града отпустить на Кѣевъ изгонею 42 богатыря „Кѣевъ изгубити“, безъ согласія Владиміра, самовольно уѣзжаютъ в Царь-градъ. В Царь-градѣ русскіе богатыри побѣждаютъ богатырей царя Константина Боголюбовича, двухъ главныхъ богатырей—Идола Скоропеевича и Тугарина Зміевича берутъ в плѣнъ, и послѣдняго ведутъ в Кіевъ. За вѣрную службу Владиміръ награждаетъ возвратившихся богатырей шубами подасамитными, цѣпями золотыми и сверхъ того казною несмѣтною (Е. Барсовъ. Богатырск. сл. 12—26). Представленный Владиміру Тугаринъ Зміевичъ, на вопросъ князя о царьградскихъ вѣстяхъ, отвѣчаетъ:

Что ты меня, государь, о вѣстяхъ спрашиваешь?

Всѣ вѣсти у тебя, государь: нѣтъ, государь, тебя гро-

знѣ во всѣх царствах, а богатырей твоих нѣтъ удалѣя во всѣх землях.

По просьбѣ И. Муромца с товарищи Владимір отпускает Тугарина в Царь-град. Богатыри провожают его; при прощаньи, на рубежѣ, говорят ему таково слово:

Скажи ты, Тугарин Зміевич, благовѣрной царицѣ Еленѣ, еще есмы в правдѣ устояли, и царское все исполнили: государю служба служена и честь получена“. Богатыри возвратились в Кіев „и стали славно жить в Кіевѣ, и их храбрости слава не минуется“ (Кирѣевск. Пѣсни, IV, 37—38).

Слѣдует ограничить мнѣніе Е. В. Барсова, что в этой былинѣ „характерно выражено наступательное дѣйствіе Кіева на Византію“ (Богатырск. сл. 10). Весьма вѣроятно, что в былинах о хожденіи богатырей в Царь-град скрывается воспоминаніе о дѣйствительных походах Русских Славян на Константинополь; но едва ли одно это обстоятельство вполне объяснит роль Царьграда в русских былинах.

Благодаря исконным политическим связям и церковной зависимости Руси от Греціи, Царь-град, Византія получила в представленіи русских людей особую, идеальную окраску, греческій царь патріарх—силу авторитетов. Идеальныя представленія о византійской власти, рѣшавшей главнѣйшіе вопросы духовнаго и отчасти гражданскаго бытія древней Руси, особенно ярко отразились в кругѣ сказаній легендарнаго характера на мотив — о полученіи русскими людьми славы и чести от царя и патріарха. Так, уже в житіи Петра царевича Ордынскаго ростовскій еписк. Кирилл (1231—61) рассказывает царю Берке в Ордѣ о Леонтіи, „како крести град Ростов и како честь прія от русских князей и от греческаго царя и от патріарха“ (Ключевскій, Древне-русск. житія святых как историч. источн. 20). „О сношеніях Леонтія с греч. царем и русск. князьями ни слова не говорит ни одна редакція его житія“ (ibid.).

К XV и XVI в. идеализація Византіи дошла до высшей степени, особенно в Московском государствѣ. В это

время получила силу мысль, что непосредственное преемство от Византии известного обычая, учреждения служит неизбежным основанием самой необходимости его существования. Являются сказанія, имѣющія задачей связать нѣкоторые наиболѣе важные факты русской жизни с византийскою древностью. Терновскій к этому времени относит происхождение сказанія о присылкѣ царских регалій Константином Мономахом кѣвскому кн. Владиміру Мономаху (Изученіе Византийск. истор.). К той же эпохѣ относится сказаніе о повгородском бѣлом клобукѣ. К этим сказаніям по времени происхожденія, характеру и основной мысли примыкает и „Сказаніе о Кѣвских богатырях, как ходили в Царь-град и побили цареграцких богатырей, *учинили себѣ честь*“. Это не народная былина в тѣсном смыслѣ слова, а книжное сказаніе XV или XVI в., содерѣжащее в себѣ многіе мотивы быливы и былевья формулы (*loci communes*). Очевидно, автор, связав русских богатырей с Царь-градом, эпическим царем Константином, имѣл в виду ту же конечную цѣль, что и авторы сказаній о бармах Мономаха и бѣлом клобукѣ. Всѣ три сказанія относятся к одному литературному направленію и связаны одной мыслью. Благовѣрная царица Елена говорит: „Илья Муромец с товарищи! таких грозных богатырей небывало в цареградѣ, не побивали нѣчьих цареградских богатырей...“ (Богатырск. слово, стр. 24). Тугарин Зміевич говор. Владиміру: „У тебя государя вотчины не во всѣх ли ордах, а богатырей твоих удалее нѣт и во всѣх землях“ (*ibid.* стр. 26). „В древняя бо лѣта, говорится в повѣсти о новгор. бѣлом клобукѣ, изволеніем земнаго царя Константина, от царствующаго сего града царскій вѣнец дан бысть русскому царю; бѣлый же сей клобук изволеніем небеснаго царя Христа нынѣ дан будет архіепископу вел. Новгорода и кольми сій честиѣе оного, понеже архангельскаго чина есть царскій вѣнец есть, и духовнаго сучь... да просвѣтятся и похвалятся о сем православніи... вся святая *предана будет* от Бога *велицѣй рустей земли* во времена своя и *царя рую* кого *возвеличит Господь над многими языки,*

и подо властію их мнози царей будут от иноязычных... и страна наречется свѣтлая Росія, Богу тако изволившу прославити тацѣми благодареніи русскую землю, исполнити православія величеству и честнѣйшу сотворити паче первых сих“ (Памятн. Кушел-Безбор. I, 296).

Максимович полагал, что „кіевское давнее мнѣніе о принадлежности Ильи Муромца второй половиной XII ст. остается в полной силѣ и должно быть признаваемо за положительное свѣдѣніе историческое“ (Сочинен. I, 127). „Признаніе за ним этого столѣтія утвердилось в Кіевѣ особенно со времени митропол. Евгенія; а впервые оно было обнародовано еще в 1638 г., в книгѣ Тератургимѣ, напечатанной в печерской лаврѣ. Сочинитель ея, здѣшній (кіевскій) монах Афанасій Кальнофойскій был один из тѣх ученых сподвижников достопамятнаго Петра Могилы, которые вмѣстѣ с ним открыли гробницу свят. Владиміра в развалинах Десятинной Церкви, как это видно из его Тератургимы. Что он знал все написанное дотолѣ в Кіевѣ о св. Владимірѣ, то видно также из его книги. Конечно, не на угад написал он и свое показаніе о принадлежности И. Муромца второй половиной XII в. В кіевских пещерах, над могилами почивающих там подвижников были стародавнія доски с краткими о них извѣстіями. Тѣми надписями руководились всѣ, писавшіе в том вѣкѣ о св. отцах печерских. Вот древній источник, из котораго Кальнофойскій мог заимствовать показаніе свое об Ильѣ Муромцѣ“ (ibid. 124).

Не заподозрѣвая добросовѣстности Кальнофойскаго, можно сомнѣваться в давности почитанія в Кіевѣ святаго подвижника Ильи Муромца. Ко времени Кальнофойскаго могла существовать надпись на доскѣ над гробницей святаго; но содержаніе ея едва ли основывалось на несомнѣн-

ных фактических данных. Ни в одном из древних агиографических памятников не упоминается святой Илья Муромец ¹⁾. Весьма вероятно, поэтому, что показание свое об Ильѣ Муромцѣ Кальнофойскій почерпнул из народнаго преданія, а не из письменных исторических источников. Замѣчательно, что Эрих Ляссота, бывшій в Кіевѣ в 1594 г., упоминая об Ильѣ Моровлинѣ, не называет его святым. Он говорит: „в другом придѣлѣ, внѣ церкви (св. Софіи) была гробница знаменитаго героя или богатыря Elia Mogowlin, о котором рассказывают много басен. Гробница его нынѣ разрушена, но в том же придѣлѣ сохранилась гробница его товарища“ (Путевыя записки Эр. Ляссоты пер. и прим. Бруна. Одесса 1873, стр. 19). В этих словах Ляссоты можно находить лишь указаніе на реализацію былевых преданій о *положеніи богатырей в Кіевѣ*.

Тот же путешественник, описывая печерскій монастырь, сообщает, что в *пещерах* находились мощи богатыря, называвшагося в народѣ Чоботко. „Item великан и богатырь, прозванный Чоботком, на котораго, как говорят, тогда то внезапно напали непріатели как раз тогда, когда он надѣл было один из сапогов своих. Ненимѣя под рукою другого оружія, он в то время оборонялся от сих другим сапогом, еще ненадѣтым, и перебил им всѣх своих врагов, почему и былъ назван Чоботко“ (ibid. 21). Брун

¹⁾ На мою просьбу, сообщить мнѣ, упоминается ли св. Илья Муромец в древних кіевских рукописных агиологических матеріалах, проф. Н. И. Петров обязательно отвѣтил: „ни в рукописных и печатных прологах, которые я специально изслѣдовал, ни в рукописях Кіевской Академіи я ничего не находил о препод. Ильѣ Муромцѣ“. Проф. И. Я. Порфирьев не встрѣчал упоминаній об И. Муромцѣ в рукописях Соловецкой бібліотеки. Проф. Знаменскій, занимающійся разбором рукописей Соловецкой бібліотеки по отдѣлу агиографіи, „ни в одном из сборников житій, прологов, Четых-Миней не встрѣтил никакого, хотя бы самаго краткаго, упоминанія о св. И. Муромцѣ, почивающаго в кіевских пещерах (из письма ко мнѣ И. Я. Порфирьева).

в примѣч. к записк. Ляссоты полагает, что Чоботко тот-же Илья Муромец, останки котораго были перенесены народом из разрушенной гробницы при храмѣ св. Софіи. Предположеніе это совершенно произвольно; оно не оправдывается ни Ляссотою ни другими источниками. Из слов Ляссоты явственно выходит, что в его время различались Чоботко — мѣстный народный святой герой и Илья Муромец—богатырь, о котором рассказывалось много басень, и котораго народная молва искала приурочить к Кіевским историческим развалинам вмѣстѣ с его товарищем; под послѣдним можно разумѣть не Добрыню (Ор. Миллер, 1. с. 800), а скорѣе слугу Ильи Муромца, того паробка любимаго, слугу вѣрнаго безызмѣннаго, о котором помнит былина (Гильферд. 448). Ко времени Кальнофойскаго, как видно, произошло смѣшеніе преданій об Ильѣ Муромцѣ со сказаніями о Чоботкѣ. Незвѣстный святой хоробер, память о котором сохранялась под прозвищем Чоботка, получил имя Ильи Муромца. Вмѣстѣ с тѣм Илья Муромец был помѣщен в Антоніевых пещерах и назван „по народному“ Чоботком: *zakonnik Ilija, tego darmo lud rospolity Czobotkiem zowie* (Ор. Миллер, 1. с. 709 прим.). Дальнѣйшей реализаціей былевых сказаній об Ильѣ Муромцѣ объясняются извѣстія подобныя слѣд.: „видѣхом храбраго воина Ил. Муромца в нетлѣнии под покровом златым, ростом яко нынѣшних крупных людей; рука у него лѣвая пробита копіем; язва вся знать на рукѣ, а правая его рука изображена крестное знаменіе“ (Путешеств. в св. землю І. Лукьянова, М. 1862, стр. 14). В мѣсяцесловѣ Косолапова под 19 декабр.: препод. И. Муромца. Представился около 1188 г. Мощи его почивают открыто в Антоніевых пещерах в Кіевѣ. Три перста его правой руки сложены вмѣстѣ и пригнуты к ладони. Преподобный почивает в молитвенном положеніи и неотразимо обличает раскол. Вторично вспом. под 21 Сентябр. (сообщ. Н. И. Петров).

На сколько позволяют факты, ясно, что прославленіе Ильи Муромца святым—явленіе сравнительно позднее; оно

принадлежит XVII в. и вѣроятно имѣло мѣсто первоначально в Кіевѣ, куда великорусскіе богомольцы занесли, как имя своего главнаго эпического героя, так и нѣкоторыя былины о нем (*viel fabeln*). Из Кіева частію книжным, частію устным путем оно перешло на сѣвер. К былинам взгляд на И. Муромца как святаго привился слабо. Лишь в концѣ нѣкоторых былин встрѣчается упоминаніе о мощах И. Муромца, в качествѣ позднѣйшей приставки книжнаго происхожденія.

Пріѣзжае он (И. М.) во славный во Кіев град
А ко тым ли он пещерам да ко Кіевским,
А прилетала невидима сила ангельска,
А взимали то его да со добра коня,
И заносили во пещеры-ты во Кіевски,
И тут же вѣдь старый опочив держал.

Гильферд. 313.

Или:

Построил он церковь соборную
Святителю Николы Можайскому
Во славном во городи во Кіеви,
Сам заѣхал во пещеры во глубокія,
Тут-то Илья переставился,
Понынѣ теперъ его мощи нетлѣнныя.

ibid. 1204.

Если справедливо предположеніе, что Ярл Иліас норвежских саг, Илья-шах турецких эпических сказаній (Ровинскій, Рус. н. к., IV, 62—4) — одно лицо с нашим Ильей Муромцем, то, помимо свидѣт. Кальнофойскаго, время записыванія былин об этом богатырѣ приходится отнести къ XIII вѣку и ранѣе. Однако, положительных доказательств в пользу такого именно вывода еще не представлено.

По былинам дѣятельность Ильи Муромца связывается главным образом с Татарами. Он — главный герой татарскаго періода, и в этом прежде всего заключается историческое значеніе былин об Ильѣ Муромцѣ. Илья Муромец „могучій представитель простаго народа и защитник его

интересов“, но только не „перед исключительным господством дружины“ (Буслаев, Истор. Оч. I, 417—18), а первоначально перед вѣшним врагом, Татаринном.

Развѣ нѣтъ у нас да на святой Руси,
Развѣ нѣтъ у нас во стольном во градѣ в Кіевѣ
Развѣ нѣтъ такова да супротивника,
Ай сопротив Калина царя да Калиновича?
Ай какъ есть у нас да во чистом полѣ
И во чистом полѣ да во бѣлом шатрѣ,
Ай есть вѣдь там да удалый добрый молодец,
Еще старья казакъ да Илья Муромецъ,
И про него же славу про великую,
И про него же силу богатырскую,
И во стихахъ поютъ, и в старинахъ скажутъ,
И на бою ему то смерть не писана.
А знаю я об том и вѣрно вѣдаю
А что он можетъ сразиться супротивъ царя да Калина
Гильферд. 863.

Позже, проникли в былины об И. Муромцѣ и другіе мотивы из области гражданскихъ отношеній московской Руси.

Быть можетъ, первоначально Илья Муромецъ былъ излюбленнымъ народнымъ героемъ в родѣ Ивана богатыря крестьянскаго сына, — и в этой степени образъ его отразился в норвежскихъ сагахъ. В татарское же время образъ его сталъ опредѣленнѣе, занялъ центральное положеніе в кругу другихъ богатырей и получилъ извѣстное мѣстное приуроченіе.

Какое прозваніе имѣлъ в старину нашъ герой — Муромецъ или Муровецъ или Моровлинъ или какое либо другое — рѣшить трудно за недостаткомъ мѣстныхъ суздальскихъ свидѣтельствъ. Во всякомъ случаѣ стоять за древность формы — Муромецъ нельзя в виду сильнаго стремленія населенія сѣверо-восточной Руси приурочить историческихъ и эпическихъ лицъ к различнымъ мѣстностямъ старой Суздальщины. Не только Владимір святой помѣщается во Владимірѣ на Клязьмѣ (Бычков. Описаніе рук. сборн. Публ. библ., I, 234);

но „окаянный“ Батый приурочивается к Ярославлю селу Череможскому: в житии ярославск. кн. Василя и Константина говорится, что Батый стоял под Ярославлем 2 года и 6 мѣсяцев, ища отца своего; бѣше бо той окаянный царь Батый родом града Ярославля, от веси Череможскія и дошед отца своего в л. 6745 взят бысть град Ярославль (Истор. Россіи Соловьева, IV, 427).

5. Василий Игнатьевич.

Глава X.

Существенная черта былин о Василии Игнатьевичѣ — стрѣльба в осаждающих — встрѣчается в эпосѣ разных народов. Вот напр. Нартовское сказаніе на этот мотив. Нарты осадили сына Хиза, Челахсартага, в его крѣпости, и очень стѣснили его. Вышла сестра Хизова, красивая Агунда, и сказала: „ах, брат мой, как ты смотришь спокойно на того, кто разоряет твое владѣніе, твой аул; вынеси свои три освященные богом стрѣлы; вѣдь тебѣ надо что нибудь предпринять против тѣх, которые уничтожают твое владѣніе“. Вошел он в дом и взмолился: „о боже богов! ты создал эти стрѣлы; вонзи их в шею тому, кто разоряет мое владѣніе“, и с этим пустил стрѣлу. Первая стрѣла не попала во врага; вторая — тоже миновала его. Третья стрѣла, пущенная Хизовым сыном, полетѣла вверх, с громом упала вниз и попала сыну Дченза прямо в шею. Голова — в одну, туловище — в другую сторону, — так катился Дчензов сын (Сборн. свѣд. о кавк. горц., V, Нарт. сказ., стр. 8).

В виду распространенности мотива, в вопросѣ о происхожденіи былин о Вас. Игн. не имѣет большого значенія извѣстное лѣтописное сказаніе об Адамѣ суконникѣ, убившем стрѣлой нарочитаго татарина, во время осады Москвы Тохтамышем (П. С. Р. Л., VI, 100). Здѣсь — простое совпаденіе дѣйствительнаго происшествія с эпическим старинным сказаніем. Впрочем, случайное совпаденіе традиціоннаго эпического образа с дѣйствительным событіем могло оказать вліяніе на дальнѣйшее развитіе перваго. Поэтический образ, получив новое толкованіе, новое приуроченіе к извѣстному событію, естественно мог

воспринять в себя нѣкоторыя черты послѣдняго. Вѣроятно, в связи с дѣйствительными событіями нашествія Тохтамыша на Москву стоит упоминаніе в былинѣ о голях кабацких, самое прозваніе героя *пьяница, устьянливый*.

Из Кіева всѣ богатыри уѣхали,
А лучилася голь кабацкая,
По прозванію Василій Игнатьевич,
А двѣнадцать годов по кабакам гулял,
Прошил, промотал все житье—бытье свое.

Гильферд. 322.

В осажденной Тохматышем Москвѣ, по словам лѣтописца, „нѣщши недобрїи человекци начаша обходить по двором, и износяще из погребов меда господскыя и сосуды серебрянныя и стѣляницы драгія и ушивахуться до великаго пїана, и к шетанію дерзость прилагаху, глаголюще: „неустрашаемся нахожденія поганых татар, селик тверд град имуща, иже суть стѣны камены и врата желѣзны. И паки влазяще на град, пїани суще и шатаахуся и ругающесе Татаром, образом безстудным досаждающе, и нѣкая словеса износяще исполнь укоризны и хулы кидаху на ня“ (ibid.).

Имя героя, *Василій пьяница*, А. Н. Веселовскій весьма удачно объясняет ассимиляціей поэтических образов. „Василій устьянливый быть может подставился на мѣсто другаго имени, потому что был народным типом пьяницы. В древней русской словесности извѣстно слово „Василія о том, как подобает воздрѣжати от пьянства“; русскій духовный стих перевел эти назиданія в конкретные образы: Василія Великаго, которому является Богородица, побуждающая его оставить хмѣльное питіе. Типическое имя было готово (Южн.-рус. был., 50).

К одному разряду с былинами о Василіи Игнатьевичѣ относится малорусское сказаніе о Михайликѣ (Легенда о золотых воротах).

Любопытную параллель к нему, хотя бы в смыслѣ соотвѣтствія малорусскаго преданія дѣйствительным отношеніям удѣльно-вѣчевой Руси представляет слѣдующее лѣ-

тописное извѣстіе об одном событіи из жизни князя Михалка Юрьевича.

По убіеніи Андрея Боголюбскаго Суздальцы и Ростовцы позвали на княжескій стол Ростиславичей, а Владимірцы приняли Михалка Юрьевича. Поступок Владимірцев не понравился Ростовцам и Суздальцам; они рѣшились силою выгнать Михалка из Владиміра и унижить младшій город. „Пріѣха же со всею силою Ростовская земля на Михалка к Володимерю и много зла сотвориша, Муромцѣ и Рязанцѣ приведоша и пожгоша около города; Володимерци бяхуться с города, Богородицѣ святой помогаючи им; и стояша около града 7 недѣль и святая Богородица избави град свой. Володимерци же не терпяче глада, рѣша Михалку: „мирися, а любо, княже, промышлай о собѣ“. Он же, отвѣщав, рече: „прави есте, чи хотите мене дѣля погинути?“ Поѣха в Русь и проводиша его Володимерци с плачем (Лавр. л., 158).

Михалко Юрьевич был дѣятельный, храбрый и любимый народом князь. О его подвигах существовала цѣлая повѣсть, внесенная в лѣтопись в видѣ сказаній о чудесах пресвятой Богородицы (Хрущев. О древн. историч. повѣстях, 131—37). Удаленіе его из Владиміра по требованію рады трусливых горожан могло стать предметом дружинной пѣсни.

Опредѣлить дѣйствительное отношеніе лѣтописнаго извѣстія к мало-русской легендѣ о Михайлигѣ, за отсутствіем положительных данных, трудно; а сходство между ними есть и довольно сильное. Из извѣстных вариантов легенды наиболѣе интересен сообщенный Трусевичем (Kwiaty i owose. Kijow 1870, 237—8). Герой называется здѣсь *Михалко*. Разсказ приурочен к Киеву и Татарам. Батый осадил Кіев; осада была безуспѣшна: в городѣ был *znakomity rycerz Michałko*. Батый знал, что, пока будет Михалко в городѣ, он не возмет Кіева; но ничего не мог сдѣлать. Однажды Михалко, замѣтив Батыя, пустил стрѣлу с письмом, в котором совѣтовал ему

отступитъ отъ Кіева. Стрѣла попала Батью въ руку и пробила ее насквозь. Батій потребовалъ выдачи Михалка, угрожая въ противномъ случаѣ страшно разорить городъ, а жителей избить. Michałko porzysiał pobić Batego i ocalić miasto, ale przestraszeni mieszkańcy nie zdecydowali się wystąpić przeciwko Batemu. Zbierali się oni tłumami na ulicach, ustawicznie radzili coś pomiędzy sobą i, jak te oto baby, płakali. Cały naród kochał Michałka, cały naród wierzył święcie w jego waleczność, pomimo to więcej daleko jeszcze cały naród bał się tatarów. Наконецъ страхъ взялъ перевѣсъ, и горожане рѣшили выдать Михалка. Dowiedziawszy się o tém Michałko prosił by mu wolno było przynajmniej pożegnać lud i Kijów święty. Wdział ón wtedy na siebie swą śliczną zbroję, siadł na swego ulubionego konia i wyjechał na plac złotowrotsky. Собравшемуся тамъ народу онъ представилъ горькую участь, какая его ожидаетъ по вступленіи Татаръ въ городъ; а въ концѣ, видя непреклонную рѣшимость Кіевлянъ, сказалъ: Kijowlanie! Kijowlanie! rohana wasza rada! Проговоривъ это, Михалко ударилъ копьемъ въ золотыя ворота, поднялъ ихъ на плечи и вмѣстѣ съ ними выѣхалъ изъ города (Веселовскій, Южн.-рус. был., 5—6).

Вариантъ сказанія, изданный Драгомановымъ (Малорусск. нар. пред., 249) такъ близко сходится съ великорусскими былинами Владимірова цикла, не говоря о мотивѣ, въ общемъ характерѣ и отдѣльныхъ выраженіяхъ, что является предположеніе, не есть ли онъ лишь пересказанная Малоруссами великорусская былина. Иначе трудно себѣ объяснить, какъ въ Малороссіи могло возникнуть сказаніе о Михайлигѣ, кіевскомъ богатырѣ, дѣйствовавшемъ противъ Татаръ при Владимірѣ. Нѣкоторыя выраженія, какъ *татарове-юланове* принадлежатъ скорѣе великорусскому эпосу, нежели малорусскому. Да и все вообще сказаніе о Михайлигѣ, занимающее одинокое положеніе въ малорусской словесности, не есть ли прикрѣпленная къ Кіеву старинная великорусская былина Кіевского цикла? Вѣдь, всѣ изданные до сихъ

пор варианты записаны или в самом Кіевѣ или в его окрестностях.

При таком предположеніи лентѣ становятся нити, связывающія малорусское сказаніе с событіем, случившимся в сѣверо-восточной Руси, — главнѣйшей родинѣ былин Кіевского или Владимірова цикла.

Глава XI.

Повѣсть о убіеніи злочестиваго царя Батыя.

Извѣстный Пахомій Логофет къ сказанію объ убіеніи в Одрѣ кн. Михаила Черниговскаго „приложилъ повѣсть „о убіеніи злочестиваго царя Батыя“ в Венгріи; сухое книжное изложеніе пощадило в ней нѣкоторые поэтическіе мотивы, по которымъ легко замѣтить, что это — народная южно-славянская пѣсня о Батыѣ, в книжной обработкѣ пущенная пришлымъ Сербомъ в древне-русскую письменность: в такой формѣ, иногда с вариантами, она встрѣчается в позднѣйшихъ русскихъ житіяхъ и лѣтописныхъ сборникахъ (Ключевскій, Др.-русск. жит. святыхъ, 147).

Вполнѣ раздѣляя взглядъ почтеннаго профессора, мы только отмѣтимъ народно-поэтическіе мотивы, вошедшіе в составъ этой повѣсти. При крайней скудости документальныхъ указаній на объемъ и содержаніе старинной славянской пѣсенности, очень важно отмѣтить фактъ, позволяющій дѣлать хоть какія либо заключенія в этомъ отношеніи. А если мы примемъ во вниманіе, что повѣсть написана в концѣ XV или началѣ XVI в., то отмѣченные в ней народно-поэтическіе мотивы должны пролить свѣтъ на такую эпоху в исторіи славянской народной поэзіи, о которой мы ничего не знаемъ.

Текстъ сказанія помѣщаемъ по Никоновскому сп. лѣтоп. изд. 1786 г., III, стр. 27—30. Лѣта 1248 царь Батыѣ подвижеся ратью и до самаго града Варадина Угорскаго, и многи окрестъ его грады разби, и вся поплени: и никтоже можахе противъ его стати. Приспѣвшу же ему и къ Варадину граду, еже среди земли Угорскія стоит; около же его мало простыхъ деревьевъ, но вся дерева виноградная изобиліемъ всякаго овоція, и всякаго вина. Градъ же

отвсюду водома обведен, и зѣло крѣпок; и от сея крѣпости не боящи никого же; среди же града стояше столп камен зѣло превысок. Бѣ же тогда самодержец тоя земли король Власлов, Угром и Чахом и Нѣмцем, и всего поморія, и до великаго моря. (Опускаем вставку о крещеніи Власлава св. Савою сербским).

Царь же Баты, пришед в землю (У)горскую, вся грады разруши, люди поплени; самодержцу же Влаславу, его же св. Сава именована Владислав, непоспѣвшу обратися с людьми далѣчаго ради земель разстоянія.

Батый же наипаче благополучно време обрѣте творяше елико хотяше, король же Владислав многи дни пребываше на предреченном столпѣ в величѣй скорби, ни хлѣба, ни воды вкушая, и моляще Христа Бога со слезами, да преложит гнѣвъ свой на милость и избавит его от врагов его.

Видѣвъ же со столпа, на нем же сѣдѣше, сестру свою бѣжащу к нему во град, и татарове достигоша ю, яша и отвелоша к Батюю, король же Владислав видѣвъ сія наче на сугубый плачь и слезы обратися, и моляше Христа Бога, да помощію своею и милостію своею избавит его от врагов его.

Сиде же ему молящусь, и слезам текущим от очию его яко рѣчным быстринам, и кдѣже падаху на мраморие, прохожаху насквозь; еже есть и до сего дни видѣти на том столпѣ, на мраморех. И от сего познаша, иже с ним сущіи панове и вси предстоящі ему, помощи и милости Божіи быти.

И мало по сем человекъ нѣкто свѣтел зѣло, и страшен, якож всѣм сущим с королем устрашитися и вострепетати от него, ста пред королем глаголя сиде: ради слез твоих дает ти Бог побѣдити царя Батюя, изыди убо на него в си час. Начаша ж видѣти лице глаголющаго и невидѣша его; к тому изшедше же со столпа оного, видѣша конь осѣдлан никим держим, но о себѣ стоящ и сѣбира на нем. И от сего извѣстно разумѣша помощи Божіи быти.

Король же Владислав в той час вседе на коня оного,

и сѣкиру ту в руку взем, изыде из града с воинствы своими, елицы тамо с ним бѣна, и внезапно безвѣстно приде на стан царя Батыя. Батыю же тогда отнюдь в малѣ сущи, вси бо татарове его в загоны разыдошася, елицы же с ним сущи татарове в той час гнѣвом Божиим побѣжены быша яко мертви, и бѣжаша с великим срамом.

Сравн. с этой частью сказанія о Батыѣ сербск. п. „од Беча крал разби Турке под Бечом“ (Богинић. Сербск. нар. п., стр. 314—15).

Али грми, ал' се земла тресе,
Ал' удара море у мраморје,
Ал' се ори Оринац планина,
Ал' пуцају са Задра лумбарде?
Нити грми, ни се земла тресе,
Нит' удара море у браморје,
Нит пуцају на Задру лумбарде,
Него војска испод Беча иде.
Од Беча је кралу сагледају,
Тер је к ведру небу погледао,
С ведрим си небом разговара:
„Ах што ћу ти, мој Боже велики!
„Ко ће турском силом одолјети?“
И с неба му нешто проговора:
„Не бој ми се кралу, слуго моја!
„Не мој носит' пред војском барјака,
„Него крижак, име Језусово,
„Ти ћеш турском одолети сили.
Кад је кралу ово разумјео,
Тад је ведру небу зафалио,
Из Беча се војском упутио,
И прид војском барјака не носи,
Него крижак име Језусово;
У турску је војску ударио.
Да је коме стати па гледати,
Како турске одметају главе,
А каурске сијевају корде.
Колико је море испод Беча,

Све је црном измијешало крвцом,
Црном крвцом из турскијех глава.
Кад је краљу Турке погубио,
Здраво ми се Бечу повратио,
И велику Богу зафалио,
Да је турске погубио главе!

„Царь же Батый, видѣвъ свою бѣду, и недоумѣвся что сотворити, и побѣже гнѣвом Божиим гоним и сестра королева с ним. Король же Владислав с воинством своим гна велѣд их, и многих татар изби; *таже достиже до самага царя Батыя и сразися сам с ним, и нача сестра королева помогати Батыю. Король же Владислав возопи с великим гласом и со слезами ко Господу Богу, да ему поможет; и тако помощію Божією одолѣе уби царя Батыя и сестру свою с ним.*

И пришед с паны своими и со всѣми воинствы своими ста в станах Батыевых; татарове ж приходяше из загонов в станы своя невѣдяще бывшаго; Угри же полон у них взимаше, а самѣх смерти предаху и все безчисленное богатство их взяша. Елицы же восхотѣша в христіанскую вѣру, тѣх оставиша живых.

Тако убо Господь Бог сотвори своею невидимою силою; смерти предаде нечестиваго царя, и всю безчисленную силу, и сбытсѣя писаніе, глаголюще: мнѣ отмщеніе и аз воздам, глаголет Господь. Сотворен же быв мѣдным лоялом король Владислав на конѣ сидя, и сѣбиру в руцѣ держа, ею же уби царя Батыя с ним же и сестру свою невидимою силою Божією; и водружен на том столпѣ, иже посреди града стоит, на видѣнія и память послѣдному роду. И сице стоит да иже и до сего дне. Да здѣ убо, яже о Батыи, повѣсь конец пріят.

Во второй части „повѣсти“ особый интерес для занимающагося вопросом об устойчивости народно-поэтических мотивов представляет упоминаніе о бѣгствѣ с Батыем сестры Владислава, измѣнѣ ея брату и убійствѣ измѣнницы вмѣстѣ с врагом.

Сказанія на тот же мотив и в настоящее время жи-

вут у Сербов, Болгар, Мало-руссов и Велико-руссов,— с тою лишь разницей что в современных вариантах *сестра* замѣнена *женой* или *невѣстой*. Ср.:

Бановић Срахина (Вуѣ II N 44). В отсутствіи Страхини, Турчин Влах-Алија увел его жену. Страхиня отправился разыскивать похитителя. На Косовом полѣ он находит врага и вступает с ним в бой. Долго боролся Страхиня с супротивником:

Носише се летни дан до подне,
Док Турчина цјене попануше,
Бијеле су, како горски снѣг,
Страхин-бана бјеле, па кржаве,
Искрвави низ прси халине,
Искрвави чизме обадвије.

Утомленный бан говорит женѣ:

Лубо моја, тебе Бог убио!
Које јаде гледаш на планини?
Но ти подби један комат сабле,
Удри, лубо, мене, ја Турчина:
Мисли лубо, кога теби драго.
Али Турчин луто проговора:
„Душо моја, Страхиново лубо!
„Не мој мене, но удри Страхина,
„Нигда нему мила бити не ћеш,
„Пријекорна бити до вијека:
„Кориће те јутром и вечером
„ће си била са мною под чадором;
„Мене бити мила до вијека,
„Одвешћу те Једренету граду,
„Наредићу тридест слушкиница,
„Нек ти држе скуте и рукаве,
„Ранићу те медом и шећером,
„Окитити тебе дукатима
„Саврх главе до зелене траве;
„Удри саде Страхинића бана! стр. 284.

Женску страну ласно преварити! Побѣжала жена Страхини, схватила сабельный осколок и ударила им мужа пря-

мо в лоб. Пробилась кровь алою струею, стала застилать очи Страхинѣ. Видит бан неминуемую гибель, — догадался позвать вѣрнаго пса Карамана. Примчался вѣрный пес на богатырскій зов хозяина, схватил измѣнницу за горло и вмѣстѣ с ней скатился кубарем в долину. Стало Турчину жалко любви, засмотрѣлся он во слѣд; а Страхиня тѣм временем изловчился, наскочил на Турка, ударил басурмана оземь и заѣл его до смерти зубами. С женой возвратился Страхиня домой. В вар. Богинича (Срп. н. п., стр. 109) шурья Страхины убивают свою сестру за измѣну мужу.

Марко Краљевић и невјерна дјевојка (Filipovič, Kral. Marko. Zagr. 1880. N XXII).

Марко Королевич ѣдет домой с дѣвушкой, пожелавшей выдти за него замуж. Пришлось проѣзжать по дремучему бору. Дѣвушка сказала Марку на его просьбу спѣть пѣсню:

Не смијем ти зајевати Марко,
У гори је Мијате гајдуче,
Три пут ме је у мајке просио,
Ал' ме није испросит могао,
Па се бојим освете гајдучке.

Марко успокоил дѣвушку, и она заплѣла. Услышал Миат голос любимой дѣвушки и вышел навстрѣчу.

Он се узе с Краљевићем Марком.
А кад виђе, да ће погинути,
Машио се у свилне джепове,
Па извади од злата јабуку,
Бацио ју прелепој девојци,
А бацајуц овак' говорио:
Помози ми погубити Марка,
Па на дар ти злаћена јабука!
Превари се, уједе ју гуја,
Помогла је Мијату гајдуку,
Нем' помогла, а себи одмогла.

Когда увидѣл Марко бѣду неминуемую, он позвал на по-

моць свою посестриму вилу. Явилась вила и помогла Марку убитъ Мята. А невѣстѣ своей Марко—

Црне јој очи извадио,
Пустио ју у гору зелену,
Да с' пребија од дрва до дрва,
Како пчела од цвѣта до цвѣта,
Нек се каје за невјеру црну.

Болгарск. п. Dozon. N 34. Искрен собирается с женой Милицей посѣтитъ родителей послѣдней. Жена отговаривает его:

Любе, Искрене, Искрене!
Не смѣем, любе, да идем
У моя майка на госте,
Че кога бѣх си код мајка,
Иска мене Първан војвода,
А мене мајка не даде.
Сега је Първан војвода
У тая Стара Планина
Со седемдесет дружина,
Па ке ни, любе, пресресна,
Тебе ке, любе, погуби,
Мене ке, любе, залюби.

Искрен не обратил вниманія на предостереженіе жены, приказал ей собираться в дорогу и положить 70 стрѣлъ для 70 товарищей Парвана и одну стрѣлу, большую, для самага Парвана. Милица для гайдуков положила 70 стрѣлъ, а для Парвана не взяла стрѣлы. Когда они путем—дорогою вступили в лѣс и Милица, по настоянію мужа, заплала пѣсню, Парван узнал ее по голосу и с дружиною напал на Искрена. Искрен побил товарищей Парвана, для послѣдняго недостало стрѣлы.

Парван му тихо говори:
А бре Искрене, Искрене,
Да ли си глава предаваш,
Или ми даваш Милица,
Еднаж сос неѣ да легнем,
Та па тогава да умрем?

Искрен му тихо говори:
Първане, стара войводо;
Нити си глава предавам,
Ни ти давам Милица,
Но айде да са биѐме
До три дни и три ноци
Кой кому може надвити,
Тоя да земе Милица.

Бились три дня и три ноци.

Искрен си пояс распаса,
Искрен Милици говори:
Любе Милице, Милице!
Я прійди та ми поясо,
Та ми поясо забоди.
И Милица го послуша,
Та му поясо отпаса,
Та па го даде Първану.
Първан ъ вързал Искрена,
Назад му рѣцѣ вързахъ
Та па го върза за дърво.
Първан пригърнъ Милица,
Та я пригърнъ цалива,
Паъ салегнъли заспали,
Един другому на рѣка.

Проходившій мимо овчар скалилися над Искреном и освободил его. Искрен отсѣъ голову спавшему Парвану, а Милицу разбудил, привел ее назад в свой дом,

Та ѡ у земник уведе,
Милици главе отсече,
Па ъ на книга написал,
Що ъ Милица чинила . . .

Малорусск. п. Kolberg, Rokucie, II, 17.

Ны мав Иван що робыты,
мусив вин си й-оженыты.
Взев сы жынку Марьяночку,
гей на свою головочку.

Гой, Иване, Иваночку!
Лышы пыты горивочку,
Лышы пыты тай гуляты,
та будемо газдуваты.
Купы плужок тай волюки,
тай истычок тай коньки,
Та пойдем в чисте поле
тай ви-орем файну ныву.
Оре Иванов й-одын денёк,
Маріечка волю гонит,
тай до него ны говорыт.
На другый день поступае,
Маріечка промовляе:
Ой Иване, Иваночку!
Чи выдыш ты дорожечку?
Тов доризжков Турчин грае,
Видай ид нам повертае.
„На день добрый, Иваночку,
„Продай жинку Маріечку!
„Продай мы жинку, Иване,
„Нехай буде моев панев.
„Як ны схочеш продаваты,
„То будем си пробуваты!“
Стали вны си пробуваты,
Став Турчина замагаты.
Став си Турчин поправляты,
Став Ивана замагаты.
Ой як став го замагаты,
Став си Иван поклыкаты:
Ой Маріе, Маріечко!
Поратуй мни цес разочок.
Поратуй мни цес разочок,
Най ны буде загыбочок!
Маріечка як се вчула,
Плечима си й-обернула.
За Иваном бидуваты,
За Турчином пануваты.

Былы Ивана тай зйезалы,
Тай до коне прыжывезалы.
Идут гору, й-одну, другу,
В трети стали, попасалы.
Ой Турчине, Турчиночку!
Буду в тебе за служечку.
Попусты мы били руки,
Най не терплю кыжки мукы.
Ой Турчын си ны здогадав,
Ивановы ручки пускав.
Гей Турчине, Турчиночку!
Цы выдыш ты дубровочку?
Край дубровы два дубочки,
Сыге на них голубочки.
Подай же ж мы, пане, лучкы,
Та най убью голубочки.
Й-одын буде, пане, тоби,
Другый буде паны твойи, (2)
Паны твойи—жинци мойи.
Гей Турчын си ны здогадав,
Ивановы лучок подав.
Ой взев Иван, та як змирыв,
Турчиновы в сердце стрилыв.
Маріечка як то вздрила,
Трохы з страху ны й-умлила:
Ой Иване, Иваночку!
Подаруй мы дес разочок, (2)
Най ны буде загыбочок.
Буду й других научаты,
Треба вирнов мужу бути.
Я ты зараз подарую,
Най лыш лучок наладую.
Наладував тай ы змирыв,
Маріечку бай застрилыв!

Вариант *ibid.* N 18.

К одному разряду принадлежат былины об Иванѣ Годиновичѣ.

Владимір хочет женить своего племянника Ивана Го-
диновича. Невѣста—Авдотья-Лебедь бѣлая, *Марья* Митрие-
вична или *Настасья*—живет „во Кіевѣ“

Во Кіевѣ неѣста в Черниговѣ

У Митрея гостя богатаго

Гильферд., N 188,

или в Золотой Ордѣ (N 83), или в Индіи богатой у куп-
ца у Индійскаго, гостя Митрія торговаго (N 256), или за
славным синим морем (N 51) или в Черниговѣ (N 179).

Ай всим-то Настасьюшка добрым добра,

Тѣлом Настасья как снѣг бѣла,

Походочка у ей вѣдь павлиная,

Ай тихая рѣчь лебединая

А брови-ты у ей черна соболя,

Глаза-ты у ей ясна сокола,

Ай личко у ей вѣдь как маков цвѣт

Гильферд. N 88.

Иван Годиневич ѣдет свататься. Хотя она уже просвата-
на за другого (за царя Коцгега Трипетовича (N 51), за
сына царск. Федора Ивановича (N 83), за царица Коц-
ерица (N 179), но Ивану Годиновичу удастся увести ее в
Кіев, по одним вар. силою, по другим с ее согласія:

Свѣт государь ты мой батюшка,

Митрей князь богатый!

Я нейду вѣдь во землю неѣвѣрную

За того ль за царица за Коцерица,

А иду за Ивана Годиновича

(стр. 915).

На обратном пути в Кіев Ивана Годиновича догоняет
прежній жених его неѣвѣсты и вступает с ним в бой.
В бою Иван Годинович одолѣл супротивника, ударил его
об сыру землю, сѣл ему на бѣлы груди, а сам просит
Настасью Митревну:

▪ Подай ножище кинжалище

Вырвать сердце с печенью татарское,

Татарское сердце царскоё,

Добрым людюшкам на сгяженіё,

Ай старым старухам на роптаньё
Черным воронам всё на граяньё,
Ай сѣрым волкам все на военё

Говорит тут царице Коцерице:

Ай же ты Настасья Митріевична!
Не подай пожища кинжалища,
Как за им вѣдь будешь жить,
Будешь слыть бабой простомывныя,
Будешь старому малому кланяться;
А за мной вѣдь будешь жить,
Будешь слыть царицей вѣковѣчноей,
Будет старый вѣдь малый тѣ кланяться
Гильферд. 916.

в вар.:

За царем за мною быть—царицею слыть,
Пановя всё поклонятся,
Пановя всё улановья,
А нѣмецких языков счету нѣтъ;
За Иваном быть холопкой слыть,
А избы мести, заходы скрести.

Кирша, стр. 98.

У бабы волос долог, а ум короток: соблазнила Настасья словами Коцерица, схватила Ивана за желты кудры, сбילה его о сыру землю. Привязав Ивана Годиновича к дубу а той ли его все кувиль травой, Коцерице с Настасьей свалились в бѣл шатер.

Мало времячко миновалоси,
Прилетѣли три сизых три малых три голуба
Ай друг промеж другом спругурѣнули:
За что эта головушка привязана,
Привязана головушка, прикована,
Ради дѣвьи, . . . , ради сводницы,
Ради сводницы все душогубницы

Гильферд. 917.

в вар.:

Налетал да тут черный ворон,
Садился тут ворон на сырой дуб,

А закрычал ворон громким голосом,
А спроязычился языком человѣческим,
А кричит, говорит он таково слово:
А не владѣть этой Марьей Митріевичной,
А царю да Кощегу да Трипетовичу,
А владѣть этой Марьёю Митріевичной
А тому ли Иванушку Гоудиновичу

Гильферд. стр. 258.

Эта рѣчь татарину не слюбилася; высказывает он из бѣла шатра,

Вытягивает у Ивана Гоудиновича

С колчана у его как вѣдь тугой лук,
берет у него калену стрѣлу, и стрѣляет в голубей (= в ворона). Иван Гоудинович приговаривает:

Уж ты, батюшко, мой тугой лук!

Уж ты, матушка, калена стрѣла!

Не пади-ко, стрѣла, ты ни на воду,

Не пади-ко, стрѣла, ты ни на гору,

Не пади-ко, стрѣла, ты ни в сырой дуб,

Не стрѣли сизых, малых голубов;

Обернись стрѣла в груди татарскія,

В татарскія груди во царскія,

Ай вырви ко сердце со печенью

Добрым людюшкам на сглаженье,

Ай старым старухам на роптаніе,

Черным воронам все на граяньё,

Ай сѣрым волкам все на военье.

Так и вышло: стрѣла не убила голубов, а, обернувшись назад, ударила в татарскія груди, вырвала сердце с печенью у царица Коцерица. Настасьёшка заплакала:

Я от бережка откачнулась,

Я ко другому неприкачнулась

Иван Гоудинович попросил Настасьё отвязать его от дерева. „Отвязала бы я тебя, да будешь бить — мучить“. — Я не буду тебя бить, только дам три науки молодецких. Эта рѣчь не понравилась Настасьѣ. Брала в руки саблю во-струю, хотѣла отсѣчь Ивану буйну голову. У Ивана бога-

тырское сердце разгорѣлося

Сходилсо Иванушко у сыра дуба,
Сырой дуб к земли приклоняется,
Сам весь в штильцы прищербается.

Отходил Иван Годинович на свою волю от дерева. Гильферд. N 188.

В вар. Кирши „опрастывали“ Ивана Годиновича дружина хорошая, прибѣжавшая из Кіева „перва высылка, ровно сто человек“ (стр. 99).

Хватал Иван Настасьюшку за желту косу, сбивал ее о сыру землю,

Отсѣк у ней губы вѣдь как с носом прочь:
Этых мѣст мнѣ не надобно,
Этыма мѣстами нещасливым цѣловаласи.

Копал глаза со косицамы:
Этых мѣст мнѣ не надобно,
Этыма мѣстами нещасливым смотриласи.

Отсѣк ей руки по локотам прочь:
Этых мѣст мнѣ не надобно,
Этыма мѣстами нещасливым обнималаси.

Отсѣк у ней ноги по колѣнам прочь:
Этых мѣст мнѣ не надобно,
Этыма мѣстами нещасливым заплеталаси.

Ай только Иванушко женат бывал.

Гильферд. 918.

Если сравнить между собой всѣ приведенныя сказанія относительно реальности содержанія и мотивировки отдѣльных эпизодов, то преимущество должно остаться за юго-славянскими вариантами. Последніе глубоко правдивы: нельзя в них указать ни одного намека, ни одной черты, которыя бы отличались неестественностью, принадлежали чуждому быту, иным общественным отношеніям.

По мѣрѣ поднятія с юга на сѣвер реальность и естественность мотивов смѣняется натянутостью и связочностью.

Малорусская п. является блѣдной копіей с южно-славянскаго оригинала. Завязка разсказа вышла в ней натя-

нutoй; причина предпочтенія Турчина Ивану непонятной; способ избавленія послѣдняго от смерти неестественным. Малор. п. занимает средину между южно-славянскими сказаніями и великорусскими былинами.

Послѣднія, повторяя буквально нѣкоторыя образы малорусск. п. (ср. За Иваном бѣдувати,

За Турчином панувати

и

За царем за мною быть—царицею слыть,

За Иваном быть—холопкой слыть)

идут еще далѣе в область сказочности.

В малорус. п. стрѣльба в двух голубочков выведена как эпическ. locus communis. Оно встрѣчается напр. в п. о Байдѣ:

Да висить Байда на колючку

Ні одну нічку, ні годиничку.

Аж приходит цар турецькій,

„Що ти робишь, Байдо,

„Байдо молодецькій?“

Ой у полі два дубочки,

На дубочках голубочки;

„Позволь цару погуляти,

„Сізи голубочки постріляти.

Як ударив Байда, Байда з лука,

Та поцілив цара проміж уха,

А царицю в потилицю,

Его доньку в головоньку . . .

(Антонов. и Драгоман., Истор. п., стр. 152).

В былинѣ также выводятся три голубя, но затѣм, чтобы осудить поступок душегубницы Настасьи. Стрѣляет в них уже супротивник Ивана из его лука, и стрѣлы, повинувшись словам хозяина, не попадают в голубей, а, оборотившись, поражают его врага.

Имя врага в малорусской пѣснѣ еще носит отпечаток южно-славянскаго оригинала — Турчин. В былинѣ он замѣнен царем Загорской земли Афромеем Афромеевичем,

купцом Индѣйским, царищем Коцерищем, Коцегом Трипетовичем и др.

Получается, словом, вѣроятность, что великорусская былина об Иванѣ Годиновичѣ есть не туземное созданіе, а—передѣлка зашедшей на Русь юго-славянской пѣсни того же мотива. Переход сказанія мог совершиться независимо от введенія в нашу словесность самаго мотива литературным путем, в изложеніи серба Пахомія Логофета. Естественными посредниками в устной передачѣ мотива были Малоруссы.

Глава XII.

С каких пор перевелись витязи на Святой Руси.

Былина о гибели русских богатырей не стоит особняком в славянской народной поэзии. Мотив о появлении в бою силы небесной, воскрешении побитых воинов в возрастающей прогрессии и бѣгствѣ из битвы витязей, уstraшенных грозным движеніем против них сил земных и небесных, вызванным их гордостью и высокомеріем, — встрѣчается в южно-славянских пѣснях. Пѣсни эти приурочиваются к нашествію Турок на Балканскій полуостров и паденію перед грозной ордой разных центров прошлой исторической жизни Болгар и Сербов. Особый интерес представляет пѣсня о паденіи города Сталака (сербск. Сталач; в настоящее время развалины замка и село при слияніи рѣк Сербской и Болгарской Моравы в Сербіи), как по своим художественным достоинствам, так и по сравненію с русскими былинами о гибели богатырей (Период. Спис. 1884 г. XII стр. 104—109).

Пишет письмо Сулейман царь, посылает его в город Сталак ко Федору Стала, ^{герою} Сталака, с приказаніем ему выдать свою жену, Вираву, коня, ратную сбрую (джубе и покрове), которую не берет ни сабля, ни пуля, и острую саблю, которая съчет дерево и камень. Федор отвергает требованія султана, полагаясь на твердыни сво-

ей крѣпости. Султан собрал сто тысяч войска и осадил Сталак. Цѣлые три года осаждал Сулейман Сталак, а взять никак немог. Медленность осады надоѣла Федору; вышел он на стѣны крѣпости и крикнул, что было мочи: „слышишь ли меня, Сулейман царь! будет бросать тебѣ ядра: достаточно ты глушил мои уши: тверда моя крѣпость, не под силу тебѣ взять ее. Вот как сойду с крѣпости, покроюсь ратною одеждой, что не берет ни сабля, ни пуля, возьму в руки острую саблю, что сѣчет дерево и камень, осѣдлаю коня „ждрелятаго“, что бьется с туманами и облаками, — живой птицы нигдѣ не оставлю“. Убоялся царь Сулейман и отступил от города. Ренегат Папаз-паша предложил иной план взятія Сталака — посредством подкопа. Сулейман поручил ему свое войско, с которым Папаз-паша подступил к Сталаку, подкопался под крѣпость и проник подземным ходом в погреба Федора; немог лишь отворить ворот погребов. Наступила Свѣтлая Недѣля. Было дѣло в Великій Четверг: гуляла Виисава по бастіону, заглядѣлась на Саву и Мораву, видит, течет вода мутная и грязная. Говорила молодая Виисава: „Господин мой, Федор Визирь! мутная и грязная течет Сава“. Федор отвѣчал: „теперь тают снѣга, оттого и вода грязна“. На Велик-день Федор пошел в церковь, отстоял святую обѣдню, возвратился домой, и посылает служанку в погреба набрать вина и ракки. Умная и разумная Виисава непустила в погреба служанку, а сама пошла, надѣв на себя одежду служанки. Отворила ворота погребов; что там видит — великое чудо! Всѣ погреба наполнили Турки, выпустили вино и ракию, пьют вино — кто феской, кто туфлей. Тот час схватили Виисаву. Она так говорила Туркам: „отпустите меня на свѣт бѣлый! Я служанка Федорова; сегодня болгарскій Велик-день: меня Федор послал за вином. Я легко могу вам выдать его: живым его захватите“. Поддались Турки обману и отпустили Виисаву. Затворила Виисава погреба, поднялася на высокой терем, вошла в свои прохладные покои и так говорила мужу: „Господин мой, Федор Визирь! По-лынью будь наша ѣда, отравой стань наше питье! Всѣ

погребѣ наполнили Турки, открыли вино и ракію, пьют вино кто феской, кто туфлей“. Тогда сказал Федор: „исполать тебѣ, милый Боже! На Велик-день мнѣ приходит-ся проливать кровь!“ Покрылся своей ратной одеждой (облече джубе и покрове), что защищает коня и юнака, что неберет ни сабля, ни пуля, взял в руки острую свою саблю, сѣл на коня „ждрелятога“, воскликнул, что было мочи: „вылѣзайте, Турки, на бой! Кому Бог даст, тот и будет владѣть“. Всѣ Турки вылѣзли из погребов на бой. Как выхватил Сталакинец Федор, как выхватил свою острую саблю, так побил всѣ сто тысяч войска. Стало крови коню по колѣна. Оглянулся Федор назад, что он видит — великое чудо! Гдѣ был один, там два Турка стало. (Од еднога двоица станули). В другой раз Федор повернулся, побил — потоптал то сильное войско: стало крови коню по удила (по зенгвию). Оглянулся Федор назад, что он видит — великое чудо! На мѣстѣ двух три воина стало. Побил Федор то сильное войско: стала кровь литься уж через сѣдло. Оглянулся Федор назад: из трех становятся четверо. Тогда увидѣл Федор, что перед турецкой ордой идет сам Святой Илья, несет им зеленое знамя.

Картина возстанія побитой силы и шествія ея в бой под предводительством Илиі представлена еще в слѣдующем отрывкѣ, любопытном по приуроченію к гор. Варадину и герою Петру Вайрадинцу:

„Удри, Петре, удри, Вайрадинче!“

—И я радим, майко, и конь ради,

—Кога Господ, майко, не помага!

—Триста души пот сабя пресекох,

—Уште триста пот кона подгазих,

—Кога назат, майко, се опулих,

—Сите души на нозе станале,

—Настанале и по мене търчат!

—Пред них оди сам свети Илија,

—В раци носи кръстатна байрака.

—Па погледнах поле Вайрадинско,

—Под Вайрадин войска испѣлнило,

— Конь до кона, јунак до јунака,
— Юнаци те како горски пиљци,
— А чадъри еден до другъего,
— Ал байраци как небо облаци,
— А мждраци како честа гора.
— Уште тако, майко, кажуйќи,
— Уште така поле гледајќи,
— Па пуштиха два млади телала:
— „Кой ѓ с' кона, конак да си сака,
— „Кой ѓ пешак, метерис да фане.

Запис. ок. Велеса, Период. Спис. кн. IX—X стр. 95—6.

Сталакинец Федор сошел с коня, преклонился пред святым Ильею: „прости меня, наш святой Илія!“ „Прощается, Сталакинец Федор! До сей поры повелѣвал Болгарин, а от сей поры будет царствовать Турчин. А знаешь ли (за что), Сталакинец Федор? Когда были вы в бою на Косовом, вы на конях въѣзжали в церковь, потоптали триста старух, подавили триста младенцев некрещеных, неміропомазанных, копытами антидор брали (със маждраци навару узосте), — за то теперь пусть властвует Турчин“. Тогда сказал Сталакинец Федор: „и я могу, и конь может, но Господь нам непомогает: юначество не удержит царства“. Снял с себя ратныя одежды (джубе и покрове), изрубил их на мелкія части. Разсѣк саблей своего коня: „лежи конь! пусть съѣдят тебя псы; пусть Турчин на тебѣ земли не воюет“. Сломал свою острую саблю: „лежи, сабля, пусть ѣст тебя земля!“

В неудачно изданном отрывкѣ болгарск. п. „о прекращеніи общенія между юнаками послѣ Косовской битвы“ (Качановск. Памятн. болгарск. нар. творч. I, 431) дѣйствіе переносится на Косово поле; бѣгство юнаков освѣщается рѣшеніем самаго Господа:

Рано ми е сълнце огрѣјло,
Марко слезал од доброга коня,
Та го шета по Косово-поле;
Дружина му потію говори:
Бога тебе, Марко Кралевич!

Дали ты неможешь,
Или конь неможе,
Али сам си Господ не дае?
Тагай си Марко потно говори:
Кад си бiше у Косово поле,
Та газише кърви по зенгю,
Сам си Господ пошел,
Видел и рекал:
Нема инат! да бѣгамо!
Тагай си рипнали та побѣгли,
Тагай изайде Реля Крылатич,
Тагай изайде Муса кеседжия,
И изайде Момчило добер юнак,
И изайде дете Груянич,
И изайде дете Мияилъче,
Тагай су се дружина раздвоили.

Покончив с ратной сбруей, Федор побѣжал в свой терем и стал говорить женѣ: „Госпожа моя, Виисава молодая! Согласна ль ты встрѣчать Турок и служить им, или желаешь бѣжать вмѣстѣ со мной?“ Виисава отвѣчала: „Господин мой, Федор Визирь! Не хочу я и смотрѣть на Турок, а не то, чтобы служить им. Гдѣ ты умрешь, там и я с тобою“. Подхватили своего ребенка-мальчика и поднялись на самый верх крѣпости. Поглядѣв вокруг Сталакинец Федор, крикнул громко, что было в нем мочи: „оставайтесь, башни, пустыми! Пусть межъ вами куют цыгане: Федору в вас ужь невходить!“ Бросились с верху в рѣку Мораву; разступились Сава и Морава: они пали на сухой песок. Как пали, так и стали святыми. Выстроилось там три монастыря. Тогда-то земля потурчилась.

В вар. „Султан Селим и Салаким Тодор“ (Миладинов. 303 стр.) ничего неговорится об оживленіи побитой турецкой силы и походѣ св. Или: Федор счастливо побивает всѣх Турок.

В п. Период. Спис. 1874 IX и X, пѣтой другим размѣром, но развивающей мотив п. о паденіи Сталака, нѣтъ конца:

Кара-Видо вино пиѐ,
На той поле на Венале,
Пот той дърво дафиново,
Слуга му ѐ мила сестра.
Долетале два галаба,
Кондисале на две гранки,
Му пуштиле бела книга.
Кара-Видо книга гледа,
Книга гледа, съдзи рони.
Што му книга кажуѐше:
„Стани, стани, Кара-Видо!
„Турци двори испълнило!“
Тува стана Кара-Видо,
Си отиде у дворови,
Си затвори вити порти,
Си искачи на дивани, —
Му говори Катерина:
„А што стоиш, Кара-Видо,
„А што стоиш, та што чекаш,
„Сильна войска довтасала!“
Кара-Видо и говори:
„Катерино, първна лубо!
„Иди, пушти малку вино,
„Малку да се понациям“.
Па отиде Катерина,
Си отвори девет врати,
Девет врати земни клетки,
Кога виде, што ке види!
Земни клетки Турци пълно!
Каде пият руйно вино:
Кой со чизма, кой со емения.
Назат ми се повратила:
„Кара-Видо, стопанине!
„А што стоиш, та што чекаш?
„Земни клетки Турци пълно!
„Каде пият руйно вино“.
Тува стана Кара-Видо,

Си истръгна остра сабля,
Се размаха на лево, на десно,

.
Кога се врати на дивани,
Па погледна на сокаци,
Кога виде, што ќе види!
Сека порта зелен байрак,
На нашата дванаесет,
Дванаесет ал-байраци.

Поле Венале — на правом берегу р. Вардара к югу от Велеса на 3 или 4 часа пути.

Запѣвъ послѣдней п. и нѣкоторые намеки предыдущих встрѣчаются в болгарской колядкѣ — Качановск. Памятники N 19:

Сив сокол принес царю Константину письмо. Призванный для прочтения письма поп Никола од Прокопа,

Погледнал книжле-то ¹⁾,
И поронил дребни сълзи;
Па си дума одговори,
Леле, варај, цару Костадине!
Е-те глава, е-те и сабья—
Земи сабья, посѣчи ме:
Царето ни е достаяло.

Царь не повѣрил словам попа Николы, заключил его в тюрьму и присудил к смерти.

Изведе го, да го сѣче;
Ал погледна на-нагоре,
На нагоре, па на доле:
Колко на гора листье,
Колко на земни трѣва-та,
Толко иде иня вѣра,
Иня вѣра—клетви Турци.
Царь Костадин договаря:
Леле, варај, вѣрны слуги!
Яхайте, та бѣгаме.

¹⁾ Пришѣвъ: коледе! опускаем.

Вѣрны слуги одговарат:
Леле, варай, царь Костадин!
Я се надах, да полетим
Ясно небо с ясны дзвѣзды
Ниес тебе да повернем,
Ато нели гиня вѣра,
Иня вѣра—клетви Турци.
Царь Костадин одговори:
Леле, варай, вѣрны слуги!
И я мога и конь може,
Когі Господь поможе.
Бутна конѣ—конь не верви,
Тергна сабья—невадесе,
Но се преби до крестеве,
До крестеве позлатены;
Проговори царь Костадин:
Леле, варай, вѣрны слуги!
Кой ште с мене да бѣгаме?
Сви са слуги останали,
Само пошел един слуга,

который послѣ отрубил Константину голову и правую руку, когда тот хотѣл зачерпнуть воды в колодцѣ.

Сербских пѣсен на тот же мотив пока неизвѣстно; но герои—Федор из Сталача и Петр Варадинец и города Сталач и Варадин принадлежат главным образом Сербскому эпосу; приуроченіе паденія царства к Косовскому бою указывает на то, что этот мотив был знаком Сербам и входил в Косовскій цикл пѣсен. Предположеніе о сербском происхожденіи пѣсни о паденіи Сталача, может быть, покажется смѣлым, но едвали неумѣстным: образ Федора в ней представлен таким же величавым и строгим, как и в извѣстной сербск. п. „Женидѣба Федора из Сталача“ (Вук II N 82).

Обратимся теперь к соотвѣтствующим русским сказаніям.

Былина о гибели богатырей рассказывает: выѣхали богатыри к Сафат-рѣкѣ и расположились опочив держать.

Здѣсь у нихъ произошло столкновение с татарченкомъ, не пропускавшим мимо себя ни коннаго, ни пѣшаго. Потом—

Было такъ на восходѣ краснаго солнышка

Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,

Выходилъ онъ на Сафат-рѣку,

умывался студеной водою, утирался тонкимъ полотномъ, молился чудну образу,

Видитъ онъ черезъ Сафат-рѣку

Переправляется сила басурманская

И той силы добру молодцу необѣхати,

Сѣрому волку необрыскати,

Черному ворону необлетѣти.

И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:

„Ой, ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,

„Удалые братья названные!

Какъ сбѣгались на зовъ его витязи,

Какъ садились на добрыхъ коней,

Какъ бросались на силу басурманскую,

Стали силу колоть-рубить,

Не столько витязи рубятъ,

Сколько добрые ихъ кони топчутъ;

Бились три часа и три минуточки,

Изрубили силу поганую.

И стали витязи похваляться:

„Не намахались наши могучіи плечи,

„Не уходились наши добрые кони,

„Не притупились мечи наши булатные!

И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:

„Подай намъ силу нездѣшнюю,

„Мы и с тою силою витязи справимся.

Какъ промолвилъ онъ слово неразумное, такъ явились двое воителей и смѣло вызвали витязей бой держать:

Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.

Въ вариантѣ (Кирѣевск. Пѣсни IV 2-е изд. 169) богатыри сказали:

„И со небесной мы бы силою супротивились,

„А не то что с силою проклятой!

Тут Господь на них прогнѣвался,
Спустил на них столѳп огненный:
Они как столѳп перерублят, так два станет,
Два станет все поединчики . . .

Ср.: в л. 1110 бысть знаменіе в Печерстѣм монастырѣ...:
явися *столп огнен*, от земли до небеси, а молнья освѣ-
тиша всю землю, и в небеси прогремѣ в 1 час ноци, и
весь мир видѣ. *Се же бѣаше не огненный столп, но
вид ангелеск: ангел бо сице является ово столпом о-
гненным, ово же пламенемь* (Лавр. л.).

Неузнали витязи воителей. Разгорѣлся на их слова
Алеша Попович, налетѣл на воителей и разрубил их на-
попы со всего плеча:

Стало четверо — и живы всѣ.

Налетѣл Добрыня, разрубил их по полам со всего плеча,
Стало восьмеро и живы всѣ.

Налетѣл Илья Муромец, разрубил их со всего плеча,
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.

Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить,
А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.
Не столько витязи рубят,
Сколько добрые их кони топчут:
А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.

Бились витязи три дня, три часа, три минуточки, намахали
их плечи могутныя, уходились их кони добрые, при-
тупились мечи их булатные:

А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.

Испугались могучіе витязи, побѣжали в каменные горы,
в темныя пещеры: как побѣжит витязь к горѣ, так и о-
каменѣет, как побѣжит другой, так и окаменѣет, как
побѣжит третій, так и окаменѣет. С тѣх пор перевелись
витязи на святой Руси (Кирѣевск. Пѣсни IV 108—15).

В изданной г. Ефименком „Старинѣ про Илью Муромца“ (Материалы по этнограф. Арх. губ. II стр. 32—35) дѣло происходит иначе. Илья Муромец и другіе богатыри наѣхали на силу Мамаю,

Тѣже во поли быки кормленые,
И начали силу рубить со краю на край.
Не оставляли они ни стараго, ни малаго,
И рубили они силу сутки пятеро,
И неоставили они ни одинаго на сѣмена,
И протекла тут кровь горячая
И пар шел от трупья по облака.

Два брата Суздальца, выѣзжая из боя похвалились:

„Кабы была теперь сила небесная,
„И все бы мы побили ея по полю.
Вдруг от их слова сдѣлалось чудо великое,
Возстала сила Мамаева
И стало силы больше впятеро.

Илья Муромец и товарищи были уже в своем лагерѣ, когда приѣхали Суздальцы

И начали они рассказывать,
Что мы ѣхали дорогой похвалялися
И возстало силы впятеро,
И сами им во всем повинилися.
Тут поѣхала дружинушка хоробрая
Во ту рать силу великую,
И начали бить с краю на край,
И рубили они сутки шестеро,
А вставают силы больше прежняго.

Подобно Федору из Сталака, Илья Муромец узнал старшій пред собой вину

И покаялся старшій Спасу Пречистому:
„Ты прости нас в первой винѣ
„За тѣже слова глупыя
„За тѣхже братьев Суздальцевъ“.
И повалилась тут сила кроволитная,
И начали копать мать сыру землю,
И хоронить тѣло да во сыру землю,

И протекла рѣка кровью горячею.

А богатыри садились на добрых коней, ѣхали в крашен Киев град в честные монастыри, в кievскія пещеры, там всѣ они и представилися.

Вариант, записанный г. Петровым (Рус. Филол. Вѣст. XIII 51), значительно удалился от того типа, который развит в приведенных сказаніях о гибели богатырей:

Собиралосе на поле боканово 300 богатырей;

Енѣ думали думу крѣпкую,

Думу крѣпкую за единую:

„Кабы было кольцо кругом всеѣ земли,

„Кругом всеѣ земли кругом всеѣ орды,

„Мы всю землю святорусскую вниз повернули,

„Самого бы царя в полон взяли;

„Кабы была на небо лисница,

„Мы бы выстали на небо,

„Всю небесную силу присѣкли,

„Самого бы Христа в полон взяли“.

Услышал Христос рѣчь похвальную, супротивную, спустил на богатырей с неба поленицу удалую, которая прибила всѣх богатырей, кромѣ трех: Ильи Муромца, Добрыни и Олещи.

Этот извод можно сравнить со сказаніем Хронографа о гибели гигантов: „мудрый Пизандр о гигантах в твореніи своем сказа: челоувѣкы от земля рождены, имуща ноги змѣвы *дрзгнувша на нькыя Божьскыя силы*, рець сия розличными козньми потреблены от Бога. Мудрый же Тимофей ту же повѣсть толкует сице: яко сего дѣла творець нарече я чедѣкы на змѣиных ногах, елма же звѣрин ум и муть, ничто же блага небеснаго на умѣ имуще, но имуще нозѣ ходяща на земная злая дѣла и неправедная, того дѣла божество . . . овѣм от тресновенія огнем повелѣ погибнути и другим *каменным стати*, инѣм же скорѣйшими смертными стрѣлами устрелонем быти яко лущью и другим множества воды потопленом быти. Тако вси гиганте нарицаеміи змѣепозѣ злѣ потреблены скончаша живот свой. Сервѣй же мудрый повѣдает сия на *широць полъ*

живша, имѣвша рать с нѣкими жившими на высоких горах, и возлѣзша на горня аки змievѣ на руках и чревѣ сы ползающе и избіени быша от живущих на горах“ (А. Попов. Обзор Хронограф. I, 8).

Сказанія об участіи небесной силы, ангелов, в битвах людей нерѣдко встрѣчаются в древней письменности. С явленіем двух воителей нашим богатырям сравн. слѣд. эпизод из сказанія о Мамаевом побоищѣ, о явленіи святых мучеников Бориса и Глѣба: нѣкто муж имен. Фома Халцибеев ради извѣстнаго своего мужества поставлен блше от великаго князя ваправо стражи от поганных и откры ему Бог видѣти видѣніе на высотѣ облак изриден и се аки полки нѣкія зѣло великія от востока исходяху; от западныя же страны придоша два юноша свѣтлы, имущи в руках своих свѣщи и мечи остры. Сія же баху святіи мученицы Борис и Глѣб. И рѣкоша полковником татарским: кто вам повелѣ отечество наше от господа нам даровашное потребляти? и начаша сѣщи и, яко ни един от них неизбыть цѣл. И воутріе повѣда оный страж ноцное видѣніе великому князю (Дим. Донск.). Ровинск. Рус. нар. карт. II, 40.

Вѣроятно, возникшій из таких книжно-церковных мотивов какой либо цѣльный апокриф, лег в основаніе указанных южно-славянских п. и русских былин о гибели богатырей. Событія XIII—XV вв. благоприятствовали созданію и распространенію подобных сказаній на Востоцѣ. Православныя царства одно за другим пали пред грозной силой Татар и Турок. Нашествіе иноплеменников считалось карой Божіей: ждали свѣтопредставленія. Русскія и юго-славянскія пѣсни могли возникнуть независимо друг от друга из одного общаго книжнаго источника, подобно различным изводам письменных сказаній о Соломонѣ. По крайней мѣрѣ, нѣтъ данных предполагать иное—заимствование самых пѣсен Русскими ли у юго-славян, или на оборот.

С объясненіем Сафат-рѣки, как перегласовки названія Иосафатовой долины (Примѣч. к Пѣсн. Кир. IV, 116) можно бы согласиться, если бы были указаны дѣйствительно сходныя черты в русских сказаніях о Сафатѣ и книжных палестинских о Сафатовом потокѣ, Сафатовом долѣ (Хожд. Арх. Грефеня, стр. 82). Пока же дѣло ограничивается сближеніем одних названій, я позволю себѣ предложить слѣд. сопоставленіе.

Нам кажется, что *Сафат-рѣка* есть *Евфрат* Византійских сказаній. Эпическая роль Евфрата (*Αφράτης*, *Αῦράτης*) в греческих богатырских сказаніях средневѣковаго періода очень похожа на роль Сафат-рѣки (Салфа, Софа) в русских былинах:

Сафат и Евфрат — пограничныя рѣки, за которыми в русском и византійском эпосѣ находится область врагов.

На Сафат-рѣкѣ происходят непріязненные встрѣчи русских богатырей с врагами (Збут Королевич. Кирѣевск. I, 11; Злой татарченоч-басурманченоч. *ibid.* 3—5, Татары): герои греческих сказаній сталкиваются с Сарацинами при Евфратѣ.

Русскіе богатыри при Сафат-рѣкѣ разбивают бѣл полотноя шатер, устраивают крѣпкую заставу для наблюденія за врагами: Дигенис Акрит строит великія полаты при Евфратѣ поближе к кровным врагам греческой земли, Сарацинам.

В Сафат-рѣкѣ, как и в Евфратѣ, богатыри поят своих коней (Дестунис. Разысканія о греческ. богатырск. былинах, стр. 37, 102—3).

На тожество названій *Сафат* и *Евфрат* указывают и русскія быliny. В разных вариантах одного и того же сюжета о встрѣчѣ Ильи Муромца с Сокольником,—встрѣча эта происходит по вар. Кирши (N 47, 3-е изд.) при *Сафат-рѣкѣ*, по вар. Рыбникова (I 80) при *Сахатар-рѣкѣ*, а по вар. Гильферд. стр. 627 при *Евфрат-рѣкѣ*: в Ефрат бросает Илья Муромец ногу убитаго Сокольничка¹⁾.

¹⁾ Названіе другой русской эпической рѣки *Самородина*

Проф. Дашкевич в ст. „былины об Алешѣ Поповичѣ и гибели богатырей“ пытается приурочить былины о гибели богатырей к Калкинской катастрофѣ. При несомнѣнно книжном происхожденіи сюжета этихъ былин, я думаю, что можно говорить лишь о тѣхъ туземныхъ историко-эпическихъ фактахъ, к которымъ пристало бродячее книжное сказаніе. Последніе едва ли нужно соединять всецѣло с событіемъ на Калкѣ 1224 г.

Калкинское пораженіе небыло бѣдствіемъ общерусскимъ. Силы сѣверно-русскія [не участвовали в битвѣ на Калкѣ. Владимірскій князь Юрій Всеволодич послалъ было Василька Ростовскаго; но его, по словамъ лѣтоп., Бог тогда соблуде, прииде бо с полки ко Чернигову в помочь; слышавъ се зло, случившееся в Руси, възвратися в свой Ростов, съхранен Богомъ (П. С. Р. Л. XV, 343).

Не было Калкинское пораженіе бѣдствіемъ, выходящимъ изъ ряду вонъ. Какъ само татарское нашествіе было лишь продолженіемъ давно начавшагося движенія в Европу народовъ Азіятскаго материка, такъ и Калкинская битва была не первой и не послѣдней попыткой русскихъ устоять противъ натиска дикихъ ордъ. Къ тому же, Татары внезапно появились и также внезапно послѣ битвы скрылись. Русь скоро забыла ихъ, потому что тотчасъ по уходѣ Татаръ начались прежнія усобицы. В письменной кievской литературѣ Калкинское пораженіе оставило послѣ себя лишь небольшую замѣтку; пораженіе Игоря Половцами оставило болѣе прочныя слѣды даже в лѣтописи. Слѣдовало бы наоборотъ, если бы оно считалось у современниковъ событіемъ, выходящимъ изъ ряду вонъ, если бы своей колоссальностью оно поразило воображеніе народа.

А. А. Потебня объясняетъ какъ *Само-родина*. Къ аналогіямъ, приводимымъ глубокоуважаемымъ профессоромъ (К истор. зв. IV, 68), я могу прибавить слѣд. назван. в Москвѣ: *Самотека*, *Самотечны*. В Курск. губ. Фатежск. у. есть село *Смородинное* на р. *Смородинкѣ* т. е. быть можетъ *Само-родинкѣ*.

Таким образом, не было фактических оснований, по которым народ мог бы признать калкинскую битву событием, с которого перевелись витязи на святой Руси.

Когда явились в сѣверо-восточную Русь Татары в 1237 г., тогда произошла здѣсь дѣйствительная гибель и князей и войска и храбров. Автор сказанія о нашествіи Батыя на Рязанскую землю так рассказывает о пораженіи Татарами рязанских князей. Близ границ рязанских напали на князей Татары. „И начаша битися крѣпко и мужественно. И бы сѣча зла и ужасна, мнози бо сильнии полки падоша Батыеви. Царь Батый видяше, что господство Рязанское крѣпко и мужественно быашеся, и возбоися вельми. *Но противу гнѣву Божию кто постоитъ?* А Батыевъ бо силѣ и величѣ и тяжчѣ, един быашеся с тысящею, а два со тмою И едва одолѣша их сильнии полки татарскія“. Побиты были князья, „и мнози князи мѣстныи и воеводы крѣпкіи, и воинства удалцы и рязецы Рязанскія — вси равно умроша, и едину чашу смертну испиша. Ни един от них возвратися вспять, вси купѣ мертви легоша; *сія бо наведе Бог грѣх ради наших* (Срезневск. Свѣд. и Зам. XXXIX, 84). Это — самое раннее, почти современное событію, историческое упоминаніе о гибели богатырей (храбров). Гибель русской силы в бою с силой басурманской была явленіем общерусским. Убѣжденіе в роковом характерѣ татарскаго нашествія, в том, что оно есть наказаніе Божіе за грѣхи людскія, за гордость князей, было господствующим. „Бог вѣсть един, кто суть, и отколѣ изыдоша (Татары), премудріи мужи вѣдят я добрѣ, кто книги разумѣет; мы же их невѣмы кто суть, но и здѣ написахом о них памяти ради русских князь и бѣды, яже бысть от них; но не сих же ради случися сіе, по гордости ради и величанія русских князь попусти Бог сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози и высокоумны, и мнящеся своею храбростію содѣловающе; имѣяхуть же и дружину многу и храбру и тою величающеся (П. С. Р. Л. XV, 336).

Несомнѣнно существовали народныя пѣсни о гибе-

ли храбров в бою с Татарами не только на Калкѣ, но и на Сити и на других мѣстах. В народном сознаниі была подготовлена почва для воспріятія литературныхъ сказаній, книжныхъ образов, об участіи небесной силы в битвахъ смертныхъ, о наказаніи возгордившихся своей силой людей. Воспріятіе совершилось. Усвоенное литературное сказаніе, ассимилировавшись с туземными пѣснями, возродилось в художественной былинѣ о гибели витязей на Сафат-рѣкѣ. Разлитой в пѣснѣ трагизм положенія витязей в борьбѣ с роком, силой небесной, ставит ее в рядъ прекраснѣйшихъ произведеній безыскусственнаго народнаго творчества.

В періодъ объединенія всѣхъ былинъ во Владиміровъ цикл, и былина о гибели богатырей была введена в Кіевскій круг. А московскіе грамотѣи приурочили гибель витязей исключительно к Калкацкой катастрофѣ. Основаніемъ такого приуроченія могло быть книжное преданіе о гибели на Калкѣ Олеси Поповича с дружиной. Автор Никоновской лѣтописи, вѣроятно, имѣлъ в виду уже вполнѣ сложившуюся былинку о гибели богатырей: воинственныхъ людей толико бысть побіено (на Калкѣ), яко ни десятый отъ нихъ возможе избѣжати, и *Александра Поповича и слугу его Горона и Добрыню Рязанича Златаго пояса, и семьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей, всѣ побіени быша и нѣвомъ божіимъ за грѣхи наша отъ Татаръ* (изд. 1768 г. стр. 354).

РЯД ТРЕТІЙ:

БОГАТЫРИ МОСКОВСНАГО ПЕРІОДА.

Между былинами Владимірова цикла есть значительное количество слабо связанных с Кіевским богатырским кругом, особенно с тремя главными его представителями: Ильей Муромцем, Добрыней и Алешей. О Татарах в них или вовсе неупоминается, или упоминаніе невыходит существенно в содержаніе быliny. При отсутствіи явственных черт Кіевщины, в них очень много бытовых фактов московскаго времени. Таковы быliny: о Микулѣ Селяниновичѣ, Хотѣиѣ Блудовичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Данилѣ Ловчанинѣ, Сорока каликах и Соловьѣ Будиміровичѣ.

Кіев и Владимір в них не болѣе, как псевдонимы; так что господствующее мнѣніе о принадлежности их кіевскому періоду русской исторіи не имѣет за собой ни малѣйшаго основанія. По обилію черт московской жизни, происхожденіе их с большим правом слѣдует отнести к московскому періоду русской исторіи. Так:

Былина о Хотѣиѣ переносит нас в среду чваннаго и спѣсиваго московскаго боярства, с его вѣчными, пустыми спорами о мѣстничествѣ.

Свидѣтельства иностранных путешественников и наших обличителей о распаденіи семьи, о развращенности общества дополняются яркими образами былин об Алешѣ Поповичѣ и братьях Збродовичах, о Чурилѣ и Бермятѣ, об атаманѣ калик и княгинѣ Евпраксіи ¹⁾ и др.

¹⁾ Мотив, развиваемый в былинѣ о 40 каликах, был извѣстен Гомеру: Повелитель Ахеян, Прет Беллерофонту неповинному гибель умыслил:

Данило Ловчанин, предпочитающій добровольную смерть княжескому гнѣву — не вольный дружинник старого, удѣльнаго, времени, имѣвшій право отбѣхать к другому князю, а холоп московскаго князя, слабый своим беспиліем. Заключая в себѣ нѣкоторыя черты довольно древнія, в цѣлом былина эта принадлежит тому времени, когда „воля вольным“ дружинникам миновалася; когда они от младости до старости обязывались служить вел. князю московскому; отставлялись от службы за старостью и болѣзнью; на мѣсто их назначались их сыновья. Послѣдніе с 15 лѣт уже поспѣвали на службу (Соловьев. Ист. Рос. VII 19). Такое положеніе служилаго сословія весьма мѣтко рисуется в запѣвѣ былины об Иванѣ Даниловичѣ, по основному мотиву относящейся к до-татарскому періоду, но в московское время подновленной и передѣланной: Данило, на вопрос Владиміра, почему он неѣст, нещет и ничѣм нехвастает, отвѣчает:

Ише чим мнѣ-ка, Владимір князь, видь хвастати?
Ни двора-то у меня широко́го не было,
Золотой у меня казны видь не лучилося,
А и сила та была видь во мнѣ ровная.

Злобно его из народа изгнал

С юношей Прета жена возжелала, Антія младая,
Тайной любви насладиться, но к ищущей был непреклонен,
Чувствъ благородныхъ исполненный, Беллерофонтъ непорочный
И жена, клевеца, говорила властителю Прету:
Смерть тебѣ, Прет, когда сам не погубишь ты Беллерофонта:
Он насладиться любовью со мной хотѣл с нехотящей.
Так клеветала; и разгнѣвался царь, таковое услыша,
Но убить не рѣшился: в душѣ он его ужасался;
В Анкію выслал его

Иліад. п. VI 157—168 ст.

Тот же мотив развивается в житіи св. Моисея Угрина. Стало быть, еще вопрос, дѣйствительно ли „вся исторія Сорока калик со каликою, с Потыком во главѣ их, есть перелицовка исторіи Иосифа, из Еврейской мѣстности пересаженной на Русскую, из исторіи священной в дѣйствительную и бытовую“ (Примѣч. к IV т. Кирѣвск. L).

Видь служил я у тебя да пятьдесят годов
Да убил я тобѣ видь пятьдесят царѣв,
А мелкой силы убил—да той и счету нѣтъ.
Теперь от роду мнѣ стало девяносто лѣтъ:
Ты спусти-тко, спусти, Влад., в монастырь пречестные,
Да во тѣ ли спусти ѿ кельи низкія,
Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.

А отвѣтъ держал Владимір князь:
„Ой нельзя, нельзя спустить тебя, Данилушко,
„Ище некому дѣлать видь защиты Кіеву.

.
Говорил же Данило да Игнатъевич:
„А и будет тѣ ограда бѣлокаменной,
„Да и будет тѣ защита всему Кіеву:
„Есть видь у меня да сын Михайлушко.
Владимір отпустил Данилу в монастырь.

(Кирѣевск. III 42—3).

В московское же время, по всей вѣроятности, произошло усвоение великорусским народным творчеством сюжетов, зашедших литературным путем. Посему, в ряд былин Московскаго періода слѣдует помѣстить и — носящіе на себѣ болѣе-менѣе явственные слѣды заимствованій.

Глава XIII.

1. Соловей Будимірович.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океан море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Так начинается вариант Кириши Даниловича. Этот запѣвъ, привлекавший вниманіе изслѣдователей силою поэтического взмаха, едва ли, однако, принадлежит простому, безыскусственному, народному творчеству. Он напоминает пріемы московских витій, любовных „преукрашать начала своих сочиненій „граматичными художествами и риторскою силою“. Вот напр. как патр. Іовъ начинает свою исторію о Федорѣ Іоанновичѣ: небеси убо величества и высота недостижна и неописуема, земли же широта неосязима и неизслѣдима, морю жъ глубина неизмѣрима и неизпытуема, святыхъ же и крестоносныхъ преславнѣйшихъ російскихъ царей и великихъ князей многая добродѣтелемъ исправленія неизчетна и недоумѣваема... (Никоновск. лѣт. VII, II. С. Р. Л. стр. 316) ¹⁾.

Незнаем, насколько авторы были здѣсь самостоятельны и насколько повторяли общія мѣста современной книжной словесности, но близкое сходство их с запѣвомъ были-

¹⁾ Еще раньше этого, именно в XV в., Пахомій сербъ в своей передѣлкѣ жизнеописанія Сергія Радонежскаго говорит: „земли убо широта и моря глубина и святыхъ чудеса неизчетна суть“. Эта оговорка Пахомія в XVII в., именно в списокѣ миней Милютинскихъ, является изложенною в стихотворной формѣ, а также повторяется и другими древне-русскими писателями (И. Некрасов—Пахомъ сербъ, стр. 98—99).

ны о Соловьѣ Будиміровичѣ склоняетъ мысль къ предположенію о возможности книжнаго происхожденія послѣдняго. Къ тому же, запѣвъ вар. Кириши стоитъ особнякомъ; прочіе варианты начинаются безъ обращенія къ широтѣ земной, высотѣ поднебесной и *омутамъ Днѣпровскимъ*:

Из-под дуба, дуба было сыраго,
Из-под вяза, вяза с-под черленаго,
Из-под кустышка да с-под ракитова,
С-под ты березы с-под кудрявыя,
Из-под камешка было из-под бѣлаго,
Пала, выпала мать Нѣпра-рѣка,
Выпала она в море, море Черное;
С-по морю, по морю, морю Черному
Выходила она да во турецкоѣ

Гильферд. стр. 172.

По турецкому морю, по Черному, из города Леденца, от заморскаго царя выбѣгало, выгребало 30 хорошо изукрашенныхъ кораблей и одинъ корабль славнаго гостя богатаго, Соловья Будиміровича. Корабль Соловья отличался особенно богатымъ убранствомъ. Корабли бѣгутъ ко городу Кіеву и ласковому кн. Владиміру.

Прибѣжали корабли подъ стольный Кіев-град,
Якори метали в Днѣпр рѣку,
Сходни бросали на кругъ бережокъ.

Взявъ подарковъ для князя, княгини и племянницы князя, Соловей идетъ съ корабельной пристани в бѣлокаменныея княженицкія палаты (Кириша Данилов, 3-е изд. 1—3).

Былина о Соловьѣ Будиміровичѣ стоитъ в самой тѣсной связи съ *великорусскими* свадебными пѣснями. В сравненіи съ символическою послѣднихъ выясняются какъ общій смыслъ быliny такъ и значеніе отдѣльныхъ частныхъ ея.

В великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ прибѣгаетъ из-за моря:

Государыня моя матушка!	Какъ первое окошечко
Ты построй мнѣ новъ высокъ	На чистое поле смотрѣть,
	[теремъ,
	А второе окошечко
Со время окошками:	На зеленый садъ смотрѣть,

А третье окошечко
 На синее море смотрѣть.
 Как на синем морѣ
 Три корабля плыли:
 Как первый корабль
 С дорогими с товарами;
 А второй корабль
 С брульянтами, конями;
 А как третій корабль
 С удалым молодцом NN.
 Сударыня маменька!

Время пришло, — и вот:
 Как из-за горья—горья
 Вѣтерок поныхает,
 Да из-за моря, моря
 Чернен корабль выбѣгает;
 Выбѣгал чернен корабль
 Из-за синяго моря
 О двѣнадцати парусах,
 О тринадцати ярусах;
 Тонки парусы полотняны,
 Всѣ отуги шелковыя,
 Знамена государевы.
 Выходил чернен корабль
 Из-за синяго моря,
 Подходил чернен корабль
 Под N славному волость;
 Подбѣгал чернен корабль
 Под круту гору высокую,
 Ко святой Божьей церкви;
 Вымощали с корабля
 Славны мосты калиновы,
 Разстилали по мостикам

Поймай ты мнѣ тот корабль
 Со удалым молодцем NN.
 Дитѣ ль мое, дитятко,
 Дите моё милое!
 Когда пора, время придет,
 Сам корабль к берегу при-
 [плывет,
 NN с корабля долой сойдет,
 Во высок терем зайдет,
 И тебя за ручку возьмет.
 (Шейн Р. н. п. I 442 — 3)

Все ковры семишелковые.
 Выходил со корабля
 Удамый добрый молодец.
 Как садился добрый молодец
 На комонь добрую лошадь,
 Он поѣхал добрый молодец
 На круту гору высокую
 Ко N славному волости.
 А о ту пору, о то время,
 У меня ли красной дѣвицы
 Тихой, дѣвѣй дѣвичничёк,
 Да слезливо плаканьеце.
 Сдивовались люди добрые
 Удалому добру молодцу:
 Это чей-то добрый молодец?
 Он по платью по цвѣтному
 Сын купца, гостя торговаго;
 Он по низким поклонам
 Сын попа—отца духовнаго;
 Он по ласковым словечушкам
 Сын крестьянина богатаго.

(Москвитянин 1853 г. N 13).

Сам Соловей -- купец, его дружина—гости корабельщицы, цѣловальники любимые: в свад. пѣснях сваты—купцы корабельщички.

Ты родимый мой батюшка!
Это что у нас были за люди,
Что за гости торговые?
Торговал мнѣ родимый батюшка
Шубу да соболиную;
Торговала мнѣ родимая матушка
Серьги жемчужныя;
.
Я сама млада знаю, вѣдаю,
.
Каки то были да корабельцики
Среди зимы да студеныя
Во вьюги да во падеры,
Во морозы да во лютые:
То были да сваты свататься
.
По меня да молодешеньку
Со чужой дальнѣй сторонушки.

Пермск. сборн. I 65.

Одарив богато Владиміра и княгиню, Соловей Будимірович просит у князя:

. . . ты дай мнѣ загон земли
Непаханыя и неораныя
У своей, осударь, княженецкой племянницы
У молодой Запавы Путятичной
В ея, осударь, зеленом саду,
В вишеньѣ, орѣшеньѣ:
Построить мнѣ, Соловью, снаряжен двор.

Символика свадебной поэзіи поясняет желаніе Соловья:

Не буйные вѣтры понавѣяли,
Не званые гости понавѣхали!
Обломились сѣни новыя,
Обломились с переходами,
Растоптали, раздавили
Чару золоту, чару финисову.
Выпугали, выпугали
У саду соловья молодого, залетного.

Как расплакалася свѣтъ,
Да расплакалася великая княжна NN
О своем высоком теремѣ:
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Изрубит сѣни новыя?
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Сольет чару золоту?
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ
Сольет чару финисову?
Кто же в моем, кто же в моем
Во саду сядет соловьем
Молодым и залетным?
Кто же меня, кто же меня,
Рано будет будить?

.
Отвѣтъ держал великій князь (жених):
Ты не плачь, не плачь и не тужи,
Великая княгиня, боярыня (NN)
О своем высоком теремѣ:
Я сам тебѣ изрублю сѣни новыя,
Я сам тебѣ изрублю с переходами,
Я сам тебѣ солью чару золоту,
Я сам тебѣ солью чару финисову,
Я сам в твоём саду
Сяду соловьем молодым залетным,
Я сам тебя рано буду, свѣтъ, кликать,
Я сам тебя рано буду будить.

(Терещенко, Быт рус. нар. II 155—6).

В переводѣ образной рѣчи былины на простую просьба
Соловья значит слѣд.:

Да я (Соловей) зашел то да здѣ доклад держу
А о добром дѣлѣ здѣ о сватовствѣ.
Да есть у ты любимая племянница,
А нельзя ли то отдать да за меня замужь

Гильферд. стр. 288.

Получив позволеніе Владиміра, Соловей с дружиной в одну ночь выстроил три терема златоверхіе.

Одна свад. п. рассказывает о диковинкѣ, возникшей чудесным образом:

У ворот вереюшки	Плотнички работнички,
У широких точены,	Мастера корабельные,
Не сами становились,	Стружечки заморскіе,
Ставовили плотнички	Топоры литовскіе.

Ефименко, Матеріалы II 88.

По свадебным пѣсням жених строит для невѣсты терем „петесан, нескоблен, только хорошо разукрашен, всякими разными красками наведен“ (ibid. I 117).

Любопытно сравнить, что и по греческому героическому обычаю брачную комнату строил сам жених (Одиссея XXIII 178—203).

Выстроенные Соловьем терема были хорошо изукрашены:

На небѣ солнце, в теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяц, в теремѣ мѣсяц,
На небѣ звѣзды, в теремѣ звѣзды,
На небѣ заря, в теремѣ заря
И вся красота поднебесная.

Ниже, при разборѣ былин о Дюкѣ, мы пытаемся объяснить украшенія теремов Соловья помимо символики колядок: ясен мѣсяц — хозяин, заря — хозяйка, звѣзды — дочери (Веселовскій, Южно-русс. был. II 70).

Увидѣвъ в своем саду чудесные терема, Завава Пуятична пошла посмотреть на них. Пошла она в вишенье, орѣшенье, послушала в первом терему — тут молчит: соловьева казна лежит; послушала во втором терему — там молитву творят: молится мать Соловья; послушала в третьем терему,

Ино в том терему да млад сидит да Соловей
Со своима со дружинамы со хоробрима,
А на тоем стулѣ золоченоѣм,
Ай сидит-то, сидит забавляется:
Там вси скачут, пляшут оны, пѣсенки поют,
Во музыки да во скрипочеи наигрывают.

Гильферд. 287.

Игры играют Царя-града,

Напѣвки напѣвают Еросолима. Ibid. 954.

Завава перестушила порог терема, но испугалась, рѣзвы
ноги подломились. Соловей был догадлив, подхватил дѣви-
цу за бѣлыя руки, клал на кровать слоновых костей:

Чего де ты, Завава, испугалась?

Мы де оба на возрастѣ.

—А и я дѣвица на выданьи,

Пришла де сама за тебя свататься

Кирша. 6.

В вар. Гильферд. послѣдній эпизод иначе рассказы-
вается (N 199). Когда Завава вошла в терем Соловья, он

Подергивал тут ременчат стул,

на него усаживал Зававу.

А стали играть они в шахматы,

А и тут ли Соловей сын Будимірович

Раз тот сыграл, Зававу поиграл,

Другой тот сыграл, Зававу поиграл,

Третьей тот сыграл, Зававу поиграл.

А говорит тут Завава дочь Путятична:

—Ах, молодец, ты заулишек добр!

—Кабы взял за себя, я бы шла за тебя.

Соловей соглашается на ней жениться.

Тот же мотив встрѣчается в свад. пѣснях.

Среди царства Россійскаго

Государства Московскаго

Тут стояли палаты бѣлокаменны,

Бѣлокаменны палаты, златоверхія.

Как во тѣх во палатах златоверхих

Поставлены столы дубовые,

На столах столешницы кедровые,

Испродерганы скатерти шиты, бранья,

Наставлены яства сахарныя,

Изналиваны питья мѣдвяныя.

Что за тѣми за столами за дубовыми

Тут сидѣли князя, бояра;

Промежь ними сидѣл доброй молодец NN,

На руках он держит звончаты гусли,
Что на тѣх ли звончатых гусях
Он выгрывает волю батюшкину,
Великую нѣгу матушкину.
Подошедши к нему, красна дѣвица,
Подошедши, послушалася,
Отошедши, сама заплакала:
Уж, ты, свѣт, воля батюшкина!
Велика нѣга матушкина!
Отставать будет от воли батюшкиной,
.
Приставать будет к волѣ свекровой,
Отставать будет от обычая дѣвичья,
Приставать будет к праву молодецкому.

Пермск. сборн. I 136.

В слѣд. пѣснѣ *семейной* замужняя женщина, противопологая своего старого мужа молодому любовнику, говорит:

.
Пойду млада по Дунаю,
Погуляю млада по тихому,
Зайду млада во бесѣду,
Зайду млада во веселую.
Во бесѣдѣ сидит молодой,
Мой то милой, любезной,
На колѣнях держит гусли,
Новы гусли звончатые;
На гусельцах струны,
Новы струны, золотые.
Молодой в гусли играет,
Мое сердце шевелит.
Скору ноги расплясались,
Бѣлы руки размахались,
Очи ясны разглядѣлись.

(Сахаров, I 105—6).

Была винная рѣченька,
Сахаринная источинка;

Што по сахару рѣка течет,
По изюму разливается;
Далеко она во сад прошла,
Далеко в зеленой протекла.
Было умное дитяtko
У родителя у батюшка,
Было умное и разумное,
Душа красна дѣвица N.
Она ходила, похаживала,
Она гуляла, погуливала
Из высока нова терема во сад,
Што из саду в бѣлой шатер,
Из шатра зашла в горницу
Б удалому добру молодцу,
Да ко князю первобрачному N.
Она будила, побуживала:
Уж, ты, встань, душа, умной мой,
Пробудись, душа, разумной мой!
Я пришла к тебѣ не пить, не ѣсть,
И не чаю, кофе кушати,
Я пришла разгулятися
Во таблени играть, во шахматы
И во всѣ игры нѣмецкiя.
Обыграла красна дѣвица душа
Удалого добра молодца,
Насмѣялась красна дѣвица душа
Над удалым добрым молодцем;
Проиграл добрый молодец — сокол
Со правой ручки злачен перстень
Со любимаго мизинчика.

Москвитянин 1853 г. N 13.

В вар. этой пѣсни, зап. г. Ефименком в Арханг. губери.
прибавлено еще:

Проигралася красна дѣвица душа
Удалому добру молодцу,
Проиграла свою вольну волюшку,
Свою буйную головушку,

Со головки кунью шапочку,
Хаз повязку красна золота
Со присадкой скатна жемчуга

(т. II, стр. 88).

Запава Путятична сама пришла свататься за Соловья. В. В. Стасов, встрѣтив такую же подробность в сборникѣ сказок Сомадевы, назыв. Кахта-Сарит-Сагара, в рассказѣ о красавицѣ Калингасенѣ и красавцѣ царѣ Удаянѣ, спрашиваетъ: „что это за сватовство самой невѣсты, что это за странность? Эпическая ли это черта, желающая изобразить каприз и порыв срасти героини, или просто случайная выдумка тѣх, кто слагал русскую пѣсню и индѣйскую сказку? Ни то ни другое. В нашей пѣснѣ эта подробность не имѣет никакого смысла, но в индѣйском оригиналѣ она имѣет историческое и народное значеніе. В древней Индіи, в числѣ многих форм брака, исчисляемых законами Ману, существовал и брак по свободному выбору невѣсты. Этому выбору, когда он был разсѣлан, немогли болѣе противиться родители невѣсты: они обязаны были покориться рѣшенію своей дочери, да этому выбору принужден был, сверх того, покориться и сам избираемый, иначе ему грозило проклятіе и всѣ сопряженныя с ним бѣдствія. В индѣйских поэмах, легендах и сказках очень часто идет рѣчь о таком бракѣ“ (Вѣстн. Евр. 1868 Февр. 703—4).

Сам же почтенный автор оговаривается, что „брак по свободному выбору недолжно считать учрежденіем исключительно только индѣйским, что этого рода брак был вообще в употребленіи на востокѣ из времен глубокой древности“ (ibid. 704 примѣч.). Для нас особенно важно, что подобный обычай существовал и у Славян в древнее время; остатки его до сих пор доживают свой вѣкъ у нѣкоторых славянских племен.

У Сербов, дѣвушка сама пожелавшая выдти за мужъ за парня, называется *добѣлница*; то се догади кад родители не даду дјевојци поћи за кога она хоће, а она не ће за кога је они дају. То су понајвише рѣаве дјевојке;

јер поштена дјевојка, и од поштена рода, не ће своје род теле и браћу осрамотити. У Србији добјеглица дође управо момку у кућу, па је онда одведу у какву кућу момачком роду, те тамо стои, док се не вјенчају, а у Сријему и у Бачкој дође поповој кући и ондје стоји док се не вјенчају (Караджич. Рѣчник).

О сущестованіи такого же обычая в южной Россіи преподав. І Харьк. гимназін М. Д. Линда сдѣлал слѣдующее сообщеніе в одном из засѣданій Харьковск. Истор.-Филологич. Общества: „В том углу, гдѣ сходятся Курская, Харьковская, Полтавская и Черниговская губерніи, существует слѣдующій обычай: если какая либо дѣвушка захочет выйти замужъ за понравившагося ей парня, то она, выбравши время, когда вечером, по ея расчету, должны быть дома родные парня и он сам, связывает небольшой узелок своих пожитков и идет в дом родных парня. Войдя в хату, она, никому некланяясь и не говоря ни слова, пробирается на печь и там молча усаживается в уголок. Родители парня спрашивают его, что это значит? Если он не против брака с пришедшею дивчиною, то он дѣлает вид, что он „засоромился“, становится лицомъ к нечи, подложивши лѣвую руку под голову, а указательнымъ пальцемъ правойъ руки ковыряя глину на припечкѣ, и говорит: „я ничего, якъ ваша воля, якъ вы“. Сказавши это, онъ выходит в сѣни, за дверь, и тамъ ожидаетъ рѣшенія своей судьбы. Между тѣмъ отецъ и мать парня, по уходѣ сына в сѣни, обращаются к дѣвушкѣ со словами: „ну, доню, злізай, будемо знаты тебе“. Она слѣзаетъ с печи, кланяется иконамъ и хозяевамъ и объявляет, потупивши очи в землю, кто она; ее просятъ присѣсть на лавку противъ печи, кличутъ сына из сѣней, даютъ дѣвушкѣ напиться воды и потомъ втроем (отецъ, мать и парень) провожаютъ ее домой; при чемъ дѣвушка должна идти впереди этой процессіи, а парень в концѣ. На слѣдующій день или черезъ день посылаютъ к роднымъ невѣсты сватов, и дѣло идетъ обычнымъ порядкомъ. Если же парень не согласенъ на бракъ с пришедшею дѣвушкой, то на задаваемый родителями вопросъ, онъ

ничего неотвѣчает и уходит в сѣни, гдѣ становится за двери. Тогда родители парня обращаются к пришедшей дѣвушкѣ со словами: „ну, доню, бачишь, як воно скоілось; иди же собі до дому: мы тебе не знаемо“. Послѣ этих слов дѣвушка должна, молча, слѣзть с печи со своим узелком, молча поклониться одним общим поклоном, выйти из хаты и „задами“, т. е. по-за огородам уйти домой. Отказавшійся парень неимѣет права разглашать о своем отказѣ; иначе, дѣвушка имѣет право обратиться к деревенским парням за помощію в мести, и парни должны поколотить проболтавшагося. Впрочем, послѣднее, т. е. обращеніе к парням, рѣдко практикуется, потому что влечет за собою явную огласку позора дѣвушки. Этот обычай существует и в сѣверной Бессарабіи, и в западной части Подольской губерніи и даже в Молдавіи с тѣм только различіем, что к этому способу обращаются большею частію дѣвушки далеко зашедшія в жениханьи; в Молдавіи—только в послѣднем случаѣ“.

Великорусскія (Веселовскій, Ю.-русск. был. 74) и бѣлорусскія (Потебня, Объясненія малорус. и сродн п. 9) народныя пѣсни заключают в себѣ намеки на существованіе такого обычая и у этих племен.

Стало быть, упоминаніе в былинѣ про Соловья Будиміровича о самокрутствѣ Забавы Пугачичны имѣет „историческое и народное значеніе“.

Подобно тому, как Соловей Будимірович приѣзжает за Забавой на корабль и на корабль же увозит ее с собою, в свад. п. поется:

Я (жених) тебя (невѣсту) перевезу на ту сторону,
Я за тобою корабль пришлю,
Корабль пришлю, судно крѣпкое, колыхливое.

Сахаров I 120.

Когда везут невісту к вѣнцу, поют:

Как перед нашими широкими воротами,
Разлилося, разлелѣлось, синее море,
Унесло, улелѣло, со двора три корабля:
Как первый-то корабль с красной дѣвицей душой,

А другой-то корабль с перинами, с подушками,
А третій-то корабль с коваными сундуками.

Шейн Р. н. п. 454.

Соловей Будимірович — *завъзжій* богатырь потому, что он *жених*:

Как при вечерѣ было вечерѣ
У Настасьи было на стоворѣ
Прилетал к ней млад ясен сокол,
Ясен сокол добрый молодец,
Ясен сокол залетный,
Добрый молодец приъзжій. Ibid. 434.

И самое названіе *Соловья* должно быть поставлено в связь с тѣм, что он жених. „В числѣ символов жениха *соловей* занимает очень видное мѣсто, как между великорусскими так и малорусскими пѣснями“ (Ящуржинскій, Р. Ф. В. IV 13). С именем героя — *Соловей* — стоит в связи прозваніе его — *Будимірович*. Соловей в нар. поэзіи будит:

Свѣт, ты, мой соловей в саду!
Кто ж меня рано будить буде,
Рано будить, поздно утѣшать
Шейн Р. н. п. 461.

Ай, свѣт, ты мой, соловей в саду!
Соловей в саду, он рано вставал,
Голосисто пѣвал, меня младу разбуджал.

Ibid. 458.

По мѣткому выраженію А. А. Потебни Соловей Будимірович = Соловей Соловьевич, по аналогіи с Орел Орлович, Сокол Соколович (Обзор поэтич. мотивов колядок и щедровок, 81).

Представленныя сближенія былины о Соловьѣ Будиміровичѣ с великорусскими свадебными пѣснями дѣлают шаткими культурно-историческія объясненія ея. По мнѣнію А. Майкова, „Соловей Будимірович — знаменитый строитель, напоминающій тѣх западных мастеров, которые с XII в. приходили на Русь“ (О был. Влад. ц. 43). Соловей Будимірович — не строитель только; он — и купец, и

моряк, и художник, и артист, он — молодец на всѣ руки, каков всегда, по идеальному представлению народа, жених.

Слабо мотивированным представляется и мнѣніе г. Бу-слаева, видящаго в Соловьѣ норманскаго пирата, варяга (Русскій богатырск. эпос. Русск. Вѣстн. 1862 г. V 93).

Связь былины о Соловьѣ Будиміровичѣ со свадебной народной поэзіей так жива и так глубока, что не может, кажется, имѣть мѣста мысль о литературном заимствованіи ея сюжета. Поэтому, мы не можем согласиться с мнѣніем акад. Ягича, видящаго в нашей былинѣ передѣлку того эпизода сказаній о Соломонѣ, содержаніе котораго составляет увоз Соломоновой жены (Arch. f. Slav. Phil. I 114); причем самое названіе *Соловей* является, будто-бы, народно-поэтическим толкованіем имени *Саломон* или *Соломон*, а также *Соломан* (ibid. 117). Сближает с былинной о Соловьѣ литературныя и народныя сказанія о Соломонѣ и Ор. Ф. Миллер (Ил. Муромец 560 и слѣд.).

Былины о Соловьѣ Будиміровичѣ и книжно-народныя передѣлки сказаній об увозѣ Соломоновой жены представляют совершенно различныя категоріи как по основной мысли так и по первоначальному источнику. В этом легко убѣждает безпристрастное сравненіе тѣх и других.

Болгарская п. „Митре Поморянче и Марія Бѣлоградска“ (Миладинов. Болгарск. п. N 184) рассказывает слѣдующее: невѣсту Дмитрія, Марію, пересватал Петре Вайрадинче. Дмитрій с горя и тоски незнает, что дѣлать. Мать совѣтует ему снарядить корабль, набрать в него дорогих матерій, одежд и женских украшеній, плыть в Бѣлоград, и там, под предлогом продажи товаров, замануть на корабль Марію и увезти ее. Дмитрій так и сдѣлал.

Той си зеде малу—многу азно,
Та си собра млади-не майстори,
Си напра'и нова-на геміа,
Та си пойде во града Прилена,
Си прекупи свила и коприна,
Си прекупи свилени кошули,
Си прекупи мѣдени елеци,

Що 'и носат свѣршени дeвoйки;
Ся прeкyпи чo'а парангoра,
Щo ми прa'ѣт джyбина за нe'сти,
Ся нaпoлна нoвa-нa гeмiа,
Ся oткyпи млaди гeмиджии,
Ся прeфѣрли прeкy црнo мoрe,
Ся излѣзe вo Бѣлeгo гpaдa.

Кoгдa вѣстники oбъявили пo гoрoдy o пpибытiи кoрaблa
с дoрoгими тoвapaми,

Тoгa рeчe кир бѣлa Мaрiа:
„А eгиди тpи млaди тeляли!
„Яс кe дoйдaм пѣрвo нa гeмiн,
„Дa ся кyпaм свилa и кoпpинa;
„Ай рeчитe нa млaд гeмиджiа,
„Дa пoстeлит плaтнo бaмбaкepнo,
„Oт пoрти-тe дyри дo гeмiа“.

Мaрiа нaрядилaсь хoрoшo и с тpидцaтью дѣвyшкaми пpи-
шлa к кoрaблy. Кoгдa Димитpий oткaзaлcя пoкaзывaть тo-
вaр внѣ кoрaблa, cocлaвшиcь нa дaннyю мaтepи клятвy—
нeвынимaть тoвaр из кoрaблa,—Мaрiа с пoдpyгaми взoшлa
нa кoрaбль.

И им фѣрли Митpe Пoмoрянчe,
Щo им фѣрли свилeнa joргaнa,
И им тyри свилa и кoпpинa.
С' oпyл'e свѣршeни дeвoйки,
Дa глeдaет свилa и кoпpинa.

Тoгдa кpикнyл Митpe мoлoдым кoрaбeльщикaм:

Али сeгa, бpaдa, aль никoгa!
Oдтyрнeтe нoвa-нa гeмiа,
Ся имaтe п' eднa нa юнaкa.

Кoрaбли oтѣхaли. Кoгдa бyли cpeди мoрa, тoгдa Мaрiа
дoгaдaлaсь, чтo oнa oбмaнyтa. Митpe с нeвѣcтoю пpибыл
к cвoeй мaтepи, жeнилcя нa Мaрiи, a eгo тoвapищи нa eя
пoдpyгax.

Тoт жe мoтив c oдинaкoвыми пoчти пoдpoбнocтями
рaзвивaeтcя в пepвoй чacти вeликopyccк. былинy, пpeдcтa-
вляющeй пepeдѣлкy cкaзaнiя o Сoлoмoнѣ, „o цapѣ Сaлa-

манѣ, царицѣ Саламаніи и Василю Окульевичѣ“ (Рыбн. II N 52). Герой, увозящій Саламанію, называется Ивашко Торокашко *Заморянин*, что прямо соотвѣтствует прозванію Митре *Поморянче*.

Василій Окульевич поручил Ивашкѣ увезти красавицу, жену Соломона,

Построил три корабля, три черные,
Исправные всем корабли снарядные,
Опушил эти корабли лисицами,
Лисицами, куницами заморскими,
Нагружал эти корабли товарами,
Неоцѣнными камешками драгоцѣнными,
Отпуцал Ивашка Торокашка за сине море,
За сине море, во град Еросолим

(вар. 2 стр. 291).

Прибыв в город и представив богатые дары Соломоніи, Ивашко говорил ей:

Ты прекрасная царица Саламонія!
Приходи-тко на крутой на бережок
Поглядѣть наших товаров заморскіих.

Умывалася царица бѣлешенько,
И надѣвалася она хорошохошенько,
Приходила она на крутой на бережок
И заходила на суда на черленья.

На кораблѣ было на что заглядѣться царицѣ: она

. . . увидала кроватку тесовую,
И наволочки она увидла шелковыя,
И занавѣски увидла крупчатой камки
И грядочку увидла орленую;
На той на орленой на грядочкѣ
Сидит-то птицынька райская,
Поет-то пѣсенки царскія;
И пива увидла бочек сорок сороков,
И пивную чашу полтора ведра,
И много ѣствушек сахарніих,
И больше питьицев медвяных. *

(стр. 280).

Для увоза Соломоніи Ивашко употребил прием отличный от способа Петра Поморянче:

Как стал он убаивать,
Как стал уговаривать,
И около обхаживать:
„Ай же ты, царица благовѣрная Соломанья!
„Выпей-ка наших напитокков сладких,
„Сладких заморских нешняных . . .
Подергивал ей столик дубовый,
Ко столику подергивал золотой он стул.
Садилася она на золот стул,
Садилася ко столику дубовому;
Как становил он напитокков,—
Все напитокки сонные;
Как начала она пить напитокков заморских,
Чарочку пить за чарочкой,
И напилась она до пьяна,
Обвалилася на черном корабли,
Обвалилася, сонна лежит.

Ивашко Торокашко, заморскій гость, приказал кораблям отплыть. На синем морѣ Соломонія проснулась и узнала, что она увезена для царя Василия Окульевича (Рыбн. II 293—4).

В сербск. п., развивающей тот же мотив, находится и эта послѣдняя черта. Петруша, дочь Ледянскаго царя, рѣшается похитить себѣ жениха из Бѣлграда, Влаховича Стояна. Многіе женихи домогались ея руки, приходили со всѣх концов свѣта, она всѣм отказывает и просит отца:

Већ ти бави орахову грађу,
И набави тридесет мајстора,
Те ми гради орахову лађу,
И у лађи тридесет весала,
Свако весло дрво шимширово
И у лађи тридесет возара
.
И у лађи шеја свакојака
А при томе вина и ракије,

А највише перја окатога.

На этой ладѣ Петруша ѣдет в Бѣлград, чтобы достать себя в мужа красиваго Влаховича Стояна. Сестра его пришла к берегу по воду, когда увидѣла диковинный корабль о котором рассказала брату; тот отправился поглядѣть на него, его приняли, напоили и пьянаго увезли; когда он проснулся на другой день, он был женихом Петруши (Веселовск. Южно-руск. был. II, 76).

Все то, о чем говорят приведенныя славянскія сказанія, идет от книжных сказаній о Соломонѣ. „Нѣкій гость Паша“, на пиру у Пору сообщил послѣднему о красотѣ и добротѣ жены царя Соломона. Друг царев, боярин, рѣшается украсть ее для Пору. „Снаряди боярин корабль всякою красотою и сотвори боярин в кормѣ чердак зѣло красен, а в нем написа образ царя своего, краснаго и наличнаго, в корабли же написа всяким умыслом, сотвори небо под верхом корабля, и сотвори мѣсец и звѣзды, и противу их постави стекла хрустальныя, и бысть свѣтлость велія; и дивляхуса людие красотѣ кораблю тому и хвалиху зѣло“. Под видом купца или прохожаго человѣка боярин Пору прибыл в царство Соломона. Ему удалось соблазнить царицу; она рѣшается оставить Соломона для Пору. „И рече посланник царицѣ: дам тебѣ забыдущаго зелья, про тебя мертву доспѣю да унесу на корабль. Царица обмерла от забыдущаго зелья, ее похоронили; посланник Пору напустил мертвый сон на приставленных к ней сторожей, прониц в ея усыпальницу и унес ее на корабль. Там он помазал ее другим зельем, и она ожила. Так он привез ее к Пору (Веселовскій, Сказ. о Солом. и Китовр. 231—3).

Разница между разсмотрѣнными рефлексами сказаній о Соломонѣ и былинами о Соловьѣ Будиміровичѣ очевидна. Ясно, что первые говорят о насильственном похищеніи женщины; тогда как Соловей Будимірович пріѣзжает „о добром дѣлѣ — о сватовствѣ“, с совершенно мирными цѣлями. Терема были построены Соловьем вовсе не для того, чтобы замануть туда Забаву и украсть ее (Ягич. Arch. f. Slaw. Phil. I, 115). Этот эпизод достаточно объ-

ясняется символической свадебных пѣсен. А. Н. Веселозскій справедливо замѣтил, что „это — не былина об увозѣ невѣсты“ (Южно-русск. был. II, 77); совсѣм только невѣрно, что „в основѣ это — былина о брачной поѣздкѣ какого-то *заморскаго* молодца, прельщающаго невѣсту роскошными диковинками“ (ibid.). Соловей Будимірович — такой же чужой, заморскій, как и всѣ ясен-соколы залетные, добрые молодцы прїѣзжіе — женихи, о которых поют свадебныя пѣсни.

„Всѣ изслѣдователи, заключает Ор. Ф. Миллер, свое изслѣдованіе о Соловьѣ Будиміровичѣ, сходятся в одном — в признаніи иностраннаго строя в личности Соловья Будиміровича. И дѣйствительно, . . . в нем замѣчается слой бытовой, значительно отличающійся от бытовых условій богатирства кіевскаго. Уже по одной *своей* работной дружинѣ и по *трояким* сходам, — он явно не кіевскій богатырь, а, как называет его в одном вар. Забава Путятична, дивом наѣхавшая *богатая богатыня*. Рыбник. III 194 (курс. в подл. Ил. Муром. 562). Полагаем, предыдущее изложеніе дает нам основаніе этому взгляду на Соловья Будиміровича противопоставить слѣдующій: этот эпическій образ, как в цѣлом, так и в частностях, вполне туземный, русскій; в нем народ выразил конкретно свои идеальныя воззрѣнія на жениха. Жених — предмет очень любимый народною поэзіей. Народная фантазія нескужится на краски для изображенія излюбленнаго объекта. В одной малор. п. о женихѣ говорится:

Мати Ивася (жениха) родила,
Місяцем обгородила,
Зорею підперезала

(Чубинскій, Труды Экспед. IV, 87).

В записанной мной п.:

Хто у нас хорош,	Манерна ступая,
Хто у нас пригож?	Чюлков ни валяя,
Иванушка хорош,	Сапох ни ламаа.
Васильявич пригош.	Он на каня садитца,
Он хораша ходя,	Пад ним конь висялитца;

Глава XIV.

2. Тугарин Зміевич.

Наши былины о Тугаринѣ Зміевичѣ принадлежат к одной группѣ с южно-славянскими сказаніями о змѣях и змѣевичах.

У Болгар много пѣсен о сношеніях змѣев с людьми. Большею частію онѣ отличаются художественными достоинствами. Глубокій лиризм особенно ярким становится, когда пѣсня изображает страданія человѣка от ласк змѣя, тоску, сожалѣніе змѣя, поддавшагося хитрости человѣка и открывшаго секрет отворотнаго зелья. Чары властны и над змѣями; только помощію чар человѣкъ может освободиться от ласк непрощенаго любовника. Нетолько змѣи — существа мужескаго пола — вступают в связь с женщинами, но и змѣицы любят мужчин.

Стано ле мари хубава!
Шо съхниш, Стано, и вехниш,
Като гората под зима,
Под зима по Дмитровден?
Не ли ти драго, Стано ле,
И ти с момите да ходиш
И ти смин китка да носиш?

Стана отвѣчает:

Че драго ми је, мамо ле,
Яла не смеѡ от змеѡ,
От змеѡ от златокрила,
От змеѡ, от каскандѡ.

Змѣй замѣтил, что она приготовляет для кого-то свадебные подарки и ревнует ее (Період. Спис. 1876 г. кн. XI и XII, 166). Чаще в подобных случаях змѣй уносит свою возлюбленную в горы, в свои палаты. Однажды Рада по-

шла за водой к змѣвым колодцам, набрала воды и шла домой. На встрѣчу ей два змѣя огненика. Старшій миновал Раду, младшій заступил ей дорогу, напился из ея водоносов и заговорил: „Рада, милая Рада! ты каждый вечер прежде ко мнѣ ходила, по букету цвѣтов носила; отчего же в этот вечер ты не принесла ничего?“ Рада отвѣчала: „пусти меня, змѣй, пройти: мать моя больна лежит, сильная жажда мучит ее“. Змѣй отвѣчает: „обманывай, Рада, когонибудь другого, а не меня:

Змѣйно си хвърка високо
И гледа змѣйно широко,
Сеги над вази предхвъркнѣх,
Майка-та сѣди в горен кат,
Майка ти магесница-та,
Майка ти омайница-та,
За тебе ризи съшива,
Сѣкавки билки ошива,
Сѣкавки билки омразни,
Омразни билки, раздѣлни,
Да но те, Радо, намразѣх.
Майка ти магесница-та
Магйоза гора и вода,
Жива ѳ зѣмя хванѣла,
В ново ѣк гърне турила,
С бѣл ѣк бодил поделада,
Зѣмя се в гърне виѳше,
Виѳше ѳоце пищеше,
А мама ти нарича:
Както се виѳе тѣз' зѣмя,
Тѣй да се виѣкт за Рада,
За Рада Турци, Бѣлгари,
Дано ѣк змѣйно намрази,
Намрази да ѣк остави.

Но неудалось ей тебя заворожить: вот сейчас я тебя возьму. Только что сказал это, подхватил Раду и унес — горѣ в небеса,

Де високи-те канари,
У широки-те пещери

(Dozon Българск. п. N 8).

В п. N 12 *ibid.* вмѣсто змѣя является солнце. По тону пѣсни можно судить, что матери Радки удалось отворотить солнце. Оно ограничивается горькой жалобой на коварство матери Радки. Пѣсня начинается превосходным запѣвом:

Пусти-те мои двѣ тѣги,
Я да станете двѣ мъгли,
Че се високо двигнете,
Дигайте мъгли прахове,
Та затулѣте слънце-то,
Слънце-то още мѣсеца.

Радка пошла за водой; ее встрѣтило солнце и так говорило:

Радке ле, мома хубава!
Бог да убиѣ майка-та,
Майка-та магесница-та,
Че магѣосала слънце-то,
Слънце-то още мѣсеца,
Гора-та, още трѣва-та,
Земя-та, още вода-та.
Зъмии-те живи ловеше,
Със бѣл си бодил бодеше,
Бодеше и наричяше:
Какво аз бодж тѣ зъмии,
Тѣй да се боджт иргени
За Радка, мома хубава.

Змѣй не один является за своей возлюбленной, а с цѣлой толпой себѣ подобных.

Дмитра говорит своей матери: ты, мать, выдаешь меня замуж, а неспросишь моей воли. А меня, матушка, змѣй полюбил и сегодня возьмет к себѣ,

До вечера щжт да доджт
Змѣѣви с бѣли атови,
Змѣици с злати кочии,

Змѣйчета в злати люлчици,
Гора без вѣтър ще легне,
Село без огън се пламне
И без кучета ще лавне.

Что же ты, говорит мать, об этом прежде не сказала:

Мома ти да те полѣе
На пусто огнище с пуст бакрач?

Тот час явились змѣи и взяли Димитру (Dozon N 9).

Тяжелы и для мужчины ласки змѣицы.

Мать спрашивает Стояна, отчего он прежде был бѣлый, румяный, а теперь стал желтый, зеленый. Стоян отвѣчает, что к нему ходит „мечка-стрѣвница“: каждый вечер медленно приходит, головнями разгоняет овчаров, собак—каменьями, а его, Стояна, милует. Мать отвѣчает, что то не медвѣдица, а Елка змѣица; научает Стояна вывѣдать у ней хитростью секрет отворотнаго зелья. Когда пришла Елка, Стоян и спросил у ней:

Елко ле, либе змѣице,
Ти като толко ходиш,
Сички свѣт обходиш,
Не знаш ли биле омерно,
Омерно биле отдѣльно?
Че имам сестра по-малка
Та ъ Турчин ѡ залюбил,
От него да ѡ омерѡ,
Омерѡ, Елко, отдѣлѡ.

Елка поддалась хитрости: пусть мать твоя, говорит она ему, наберет

Синя-та бѣла тентава,
Жѣлта-та вратига и куманила;

пусть варит это в полночь в необожженном горшкѣ, да потом обольет твою сестру: она Турчину опротивѣет. Мать так и сдѣлала; но вмѣсто сестры облила самого Стояна. Когда к вечеру пришла к Стояну Елка,

От далеч иде и вика:
Либе Стоѣне, Стоѣне!

Що ме лесно излъга,
Те ме от себе отдѣли? Doz. N 7.

У Болгар для Змѣевича существует даже особое слово — *витяк*. У Дозона есть интересная п. о витякѣ, женившемся на дѣвушкѣ.

Янчо ли гиди младу **Я**нчо,
Прочул се **Я**нчо от край ду край зжмя-та
Болку за нжгову юнасту,
Още толку чи имал *златни криля*,
Златни криля пуд мишница.
Спчки мислѣха чи си **Я**нчо *витяк*,
Витяк от зжми' породжн.

Всѣх юнаков превосходил он силою и ловкостію; а когда ходил в хороводѣ, то дѣвушки немогли налюбоваться им. Однажды, на Великдень, ходя в хороводѣ, он услышал, что Богдана сказала своим подругам, что она непрочь бы и выдти за муж за Янча. Янчо тотчас оставил хоровод, пришел к матери своей — *змѣицѣ* и передал ей рѣчи Богданы. Мать совѣтует ему похитить Богдану. На другой день Янчо стал дожидаться Богданы на перекресткѣ, чрез который она должна была проходить на ниву с подругами.

Дж си сж и тия с друшки зададж,
Лю си ду **Я**нчо приблизи,
И сж облаци зададоха,
Змжювя на имдат дойдоха,
Да си на **Я**нчо помогнат,
Мома Богдана да грабнат,
Богдана си трѣска затрѣсж,
Та си падна умржла на зжмя.

Старый змѣй достал из-за пазухи живої воды и оживил Богдану. Когда Богдана вдохнула глубоко и вернулась к ней ея душа,

Та си **й** змжювя забараха
На гора зжлжна,
При вода студжна,
Дж си змжници джже баняха (дѣтей);

от купанья в этой водѣ у змѣвичей вырастают позолоченныя крылья.

Тога се Богдана дусети
Чи **Ж**нчо си е змѣй
И сж е чляк присимосувал,
Дур да си нѣя измами.

И по русскому вѣрованію есть молодые молодцы зазорливые, которые умѣют прикидываться по змѣиному и по человѣческому (Аванасьев, Поэт. Возр. II 523).

Через год Богдана родила сына, искунала его в той водѣ, у него выросли крылья —

Со злату позлатѣни
И сж бисор поднизани
(Doz. Болг. п. 128—30).

Наш Тугарин — тоже витяк, змѣвич, сын змѣя: он имѣет крылья, впрочем бумажныя, вмѣсто древних б. м. золотых, на которых он летает по поднебесью; он — оборотень:

Невѣжа-то среди дня летает черным вороном,
По ночам ходит Змѣем Тугариновым,
А по зарям ходит добрым молодцем.

(Рыбник. II 16).

Как Янчо, он пользуется любовью женщин: княгиня Апракѣевна до того заглядѣлась „на мил живот, на молода Тугарина Змѣвича“, что обрѣзала рученьку лѣвую; Алешѣ Поповичу, убившему Тугарина, она говорит:

Деревенщина ты засельщина!
Разлучил меня с *другом милым*,
С молодым змѣем Тугаретиним.

(Кирѣевск. II 80).

Сербская п. „царица Милица и змай од Јастребца“ (Вук II N 43) рассказывает об убійствѣ Змѣй-Деспотом-Вуком Змѣя от Јастребца, повадившагося летать каждую ночь к Милицѣ и измучившаго ее своими ласками. По совѣту Лазаря Милица выпытала у Змѣя, боится ли он когонибудь на свѣтѣ; он ей проговорился, что боится Змѣй-

Деспота-Вука. Последній тоже — витяк. Когда он родился, Жерина рассказывала Туркам:

У мог сина, слијешца Гргура,
У нега се мушко чедо нађе;
Није чедо чеда каквано су:
Вучја шапа и орлово крило,
И змајево коло под пазуом,
Из уста му модар пламен бије,
Матери се не да задојити (Рѣчник).

Лазарь попросил Вука приѣхать к нему в Крушевац и избавить его от насильника. Вук приѣхал на крушевацкое поле и на нем распыл свой шатер. Лазарь пригласил его к себѣ на вечерю, но Вук отклонил просьбу князя, а Милицѣ наказал ничего неговорить Змѣю о его прибытіи. Когда настала ночь,

Засија се Јастребац планина —
И полеће змаје од Јастрешца,
Право паде на бијелу кулу,
Те царици сједе у душеке.

Подобно тому и в былинах:

Вот как вѣтра нѣт и тучу поднесло,
Тучи нѣт да быдто гром гремит,
Грому нѣт да искры сыплятсѣ,
Налетѣло Змѣйчицо Горынчицо

(Гильферд. 800).

Только змѣй усѣлся в покоях царицы, вскрикнул Вук:

Ко се луби на бијелој кули,
Нек излази из бијеле куле,
Зар не види, ње је погинуо!

Укорив Милицу за измѣну, змѣй

..... из куле утече,
На не бјежи Јастрешцу планини,
Већ побјеже небу под облаке,
А ћера га Змај-Деспоте-Вуче,
На високо нега сустигао,
Удари га тешком топузином,
Те му преби у рамену крила,

Змаје паде у зелену траву,
На зашишта, као змија лута:
„Вако било свакоме јунаку,
„Који свашта дуби својој каже!

Долетѣл Вук, отсѣк голову змѣю и отнес кн. Лазарю. Благодарный Лазарь богато одарил избавителя.

Ср. с этим, что рассказывается в сказкѣ о битвѣ Добрыни Никитича с Тугарином Змѣвичем (Кирѣевск. II, IX): „Не вѣтры буйные в полѣ подымались, не желты пески со дна моря разсыпалися: то свѣзжались, сходилися Добрыня с Тугарином. Поднимается Тугарин выше лѣсу стоячаго, а у Тугарина, собаки, крылья бумажныя, и летает он, собака, по поднебесью. Взвился конь под Добрынею выше лѣсу стоячаго до облака ходячаго. Сам-то Добрыня мечем рубит Тугарина, а Тороп-то пускает калену стрѣлу в Тугарина Змѣвича, во его крылья бумажныя. И ушал от, Тугарин, на сыру землю. И тут ему Добрыня главу свернул, на коньѣ воткнул, а сам коня ко граду Кіеву вернул.

И посылает Владимір к Добрынюшкѣ золот перстень с правой руки, а княгиня Апраксѣевна ширинку шелковую златошвейную“.

Несомнѣнно, многое в разбираемых сказаніях объясняется и книжными средневѣковыми сказаніями о сношеніях демонов с людьми. Нельзя напр. не сравнить с нашей былинной о Тугаринѣ слѣдующаго эпизода из Александрии о зачатіи Александра Великаго от волхва Нектапева. Неблудная Алимціада призвала Нефтанаву и вопрошала о житіи своем и чадородіи еже от Филиппа царя. Нефтанав, прельщенный красотой царицы, отвѣчал: родиши Филиппу сына, но не от него зачнеши, приидет бо ти Аммон бог Ливійскій и от того зачнеши, ты же буди готова ему на царской постели, преже бо явитися во снѣ во образѣ змѣином, и потом тѣм же образом и яве приидет к тебѣ, и бѣв с тобою, наки во образѣ орла великаго преложитися и изыдет от тебе. Се же изрече ей и отыде от нея. Ей же спящу обратися Нефтанав волхв во образ змѣин, и быт

с нею, и зачат Александра. Яви же ся Нефтанав и Филиппу царю во снѣ, и изрече ему еже Алимпіада от Аммона бога Ливійскаго зачала сына. Потом же Филиппи приде в дом свой и видѣ Алимпіаду жену свою чреватую, и невѣрова о том, еже от Аммона бога зачат, и сотворил Филиппи вечерю на воевод своих. Егда же веселишеся Филиппи с гостьми своими, Нефтанав же обращаеся во образ змія великаго, и вниде пред всѣми гостьми в палату цареву; вси же видѣвши, устрашишася, царица же Алимпіада даст руку змію, змій взыде и ляже на лоно ея, и цѣлова ея, и паки пред всѣми превращеся во образ орла великаго, и излетѣ из палаты вон. Филиппи же ят вѣры, еже от Аммона бога Ливійскаго во чревѣ Алимпіады зачатое (из Хронографа, принадл. одн. извѣстн. мнѣ старовѣру).

В основаніи же своем славянскія сказанія о сношеніях людей со змѣями туземны; наша былина о Тугаринѣ представляет варіант их. Очевидно, Тугарин Зміевич — личность мифическая. Как в исторіи Лазаря Сербскаго нѣтъ ничего такого, что могло бы быть основаніем изложенной п. о царицѣ Милицѣ и змѣѣ от Ястребца; так точно слѣдует оставить всякія попытки историческаго объясненія и пріуроченія былины о Тугаринѣ Зміевичѣ.

Очень зыбким, хотя и заманчивым, нам кажется сближеніе Тугарина Змѣевича с половецким ханом, Тугор-ханом „Тугарин почти несомнѣнно (?) есть извѣстный Тугоркан или Тугаркан лѣтописей, говорит П. В. Безсонов, у коего Святополк Михаилъ взялъ дочь в замужество и на внучеѣ котораго Мономахъ женилъ сына Андрея. Эти исторически-родственныя с ними связи выражены в былинах тѣм, что Тугаринъ весьма часто в Кіевѣ как свой, союзится с кіевскими женщинами, кладетъ руки в пазуху женѣ Владиміра. Но, как хан Половецкій, онъ же былъ и постояннымъ врагом, онъ и убитъ в битвѣ с Русью и — замѣчательно — похороненъ под Кіевом, напоминая о себѣ пѣснямъ своею могилою, подобно какъ, мы знаемъ, могила Олега Святославича под Овручемъ ввела его в пѣсни об Олегѣ Вѣщемъ“ (Примѣч. к IV т. Кирѣевск. 115—16).

Любовь Евпраксії к Тугарицу и родственныя связи кievских князей с Тугорханом, убійство Змѣевича Тугарина Алешей или Добрыней и смерть Тугорхана под Кіевом—черты существенно весьма различныя. А при отсутствіи явственных слѣдов сходства между былицой и летописными извѣстіями о Тугорханѣ гораздо основательнѣе видѣть в звуковом сходствѣ имен Тугарина и Тугорхана случайное созвучіе, на котором нельзя строить никаких убѣдительных выводов об историческом тождествѣ этих двух личностей.

Глава XV.

3. Жидовин.

Еще болѣе произвола допущено нашими изслѣдователями в объясненіи былины о Жидовинѣ. „По эпохѣ, в которую эта сказка сочинена, она, кажется, древнѣе всего собранія Кириши Данилова, за исключеніем может быть сказок о Дунаѣ Ивановичѣ и Волхвѣ богатырѣ. Ни разу нѣтъ упоминанія о Татарах, но за то ясная память о *Хазарах, и богатырь из земли Козарской, названной справедливо Жидовскою, является соперником русских богатырей*; это признак древности неоспоримой. В дѣйствіи является уже не отдѣльный какой нибудь богатырь, а цѣлая богатырская застава, которой атаман Илья Муромец. Эта застава принадлежит вѣроятно княжеским пограничным стражам, хотя имя князя не упоминается нигдѣ. Стоит она на лугах Цицарских, под горою Сорочинскою: оба названія указывают, если не ошибаюсь, на южныя области за Кіевом“ (Сочиненія Хомякова I 487).

Это мнѣніе, повторяемое без измѣненія до сих пор в ученой и учебной литературѣ, есть в сущности не болѣе, как культурно-историческій мираж. Казары никогда небыли народом строго еврействующим. „Большинство Хазар мусульмане и христіане. И есть между ними идополоклонники. И самый немногочисленный класс у них Евреи. Царь их исповѣдует еврейскую религію“ (Изв. Ал-Бекри о Руси и Славянах. Куника и Розена I, 60). В лѣтописи Нестора Хазары называются своим именем; упоминаются старцы козарстїи. В разсказѣ об испытаніи вѣр ясно различаются Жиды и Козары: *жидове козарстїи придоша*, рекуще. Владимір рече: гдѣ есть земля ваша? они же рѣша: в Ерусалимѣ (Лавр. л. 83). Нѣтъ никаких данных

утверждать, что Козары были миссіонерами еврейства на Руси. Не было, стало быть, оснований для древней Руси нѣтъ их и для нас — отождествлять Жидов и Козар, землю, Жидовскую и Козарскую, Жидовина и Козарина; тѣмъ болѣе, что в былинѣ не заключаются ни одного упоминанія о *Козарах*, и все Хомяковское толкованіе ничѣмъ немотивировано.

Былину о Жидовинѣ по содержанію слѣдует считать позднимъ варіантомъ довольно распространеннаго в нашемъ эпосѣ сказанія о встрѣчѣ Ильи Муромца с сыномъ. Послѣдній в разныхъ варіантахъ носитъ разные названія, обнаруживающія книжное происхожденіе самого сюжета: Збут-Борис-Королевичъ (Кирѣевск. I, 10); Аполлонище, сынъ дѣвки Сиверьяничны (Гильферд. N 246); Петре Царевичъ Золотничанин, сынъ Сиверьяничны (ibid. N 226); Василей сынъ Сиверьяничны (N 219); Татарской сынъ, Михайло Долгомѣровичъ (N 114); Соловниковъ (N 46); Сокольникъ сынъ Латыгорки (Кирѣевск. IV, 12). Былина о Жидовинѣ (Кир. I, 47; IV, 6) построена по одному плану с этими и развиваетъ почти одно и то же содержаніе. Вся разница сводится главнымъ образомъ къ слѣдующему: в былинахъ о встрѣчѣ Ильи Муромца с сыномъ, послѣ паденія перваго, грубыхъ, оскорбительныхъ для старика-героя рѣчей втораго и сшибки нахвальщика на землю, происходитъ узнаніе отца сыномъ; в былинахъ о Жидовинѣ этотъ эпизодъ цѣликомъ выпалъ. Послѣднее обстоятельство я думаю поставитъ в связь с введеніемъ в кругъ былинъ этого мотива *названія* супротивника *Жидовин*. Жидовинъ в значеніи врага, с которымъ предстоитъ бороться богатырю, вѣроятно, первоначально являлся в книжно-народныхъ сказаніяхъ, подобныхъ слѣд.: в русск. духовн. стихѣ о Федорѣ Тиронѣ Константина Самойловича осаждаетъ в Іерусалимѣ царь *Іудейской*, сила *жидовская*; в былинѣ о хожденіи русскихъ богатырей в Царь-градъ является Идолице *Жидовское*; южно-славянская легенда объ обрѣтеніи креста выводитъ на сцену проклятаго царя *Еврейна* (А. Н. Веселовскій, Южно-русск. был. VIII, 288). Позже, эпитетъ сталъ собств. именемъ: явился богатырь Жидовинъ, в об-

щем смыслѣ врага. В этом значеніи Жидовин перешел в былины о встрѣчѣ И. Муромца с сыном и повліял на видоизмѣненіе сюжета послѣдних: о родственных связях И. Муромца с Жидовином немогло быть и рѣчи.

Очевидно, былина о Жидовинѣ и по строю и по содержанию принадлежит позднѣйшему времени и не заключает в себѣ ни малѣйших намеков на древне-русскія международныя отношенія. Введеніе заставы богатырской, словной характеристики богатырей принадлежит московскому періоду, а не древне-кіевскому.

Из сказаній сходных с былинной о Жидовинѣ, помимо указанных Ор. Ф. Миллером в кн. „И. Муромец“ и пр., остановимся на слѣдующих двух:

У Болгар сюда принадлежит п. о борьбѣ трех юнаков — Петра, Марка и Груицы — с змѣем трехговым и троехвостым, засѣвшим на царской дорогѣ и грабившим царскую казну (Миладин. стр. 166 — 67)

Прочуло ся е люта змѣя,
Люта змѣя осойница,
Со три глави, с три опашки
На царьови-те друмове,
Та воспря на царя хазна,
Та не може да му мине.

Три славных юнака Петар, Марко и Груица, по приказанію царя идут против змѣя. Первым вышел Петр,

В друми вѣрви, песен пее:
„Де си, да си люта змѣя,
„Я си изляз на друмове.
И излезе люта змѣя,
Претегна му на конь нозе,
Па си вдигна втора глава,
Та му вѣрза бѣли рѣце,
Па си вдигна третя глава,
Да му ніе цѣрни очи.
Уплашися дели Петар,
Бутна коня та назади.

Тоже сталося и с Марком, выѣхавшим против змѣя, не смотря на предостереженія Петра.

Ср. с этим в нашей былинѣ про Жидовина: узнав о проѣздѣ через заставу Жидовина, богатыри рѣшаются ѣхать за нахвальщиком,

Настигать нахвальщика в чистом полѣ,

Побить нахвальщика в чистом полѣ,

По плечь отсѣчь буйну голову,

Привести на заставу богатырскую.

Выбор пал на Добрыню. Выѣхав в поле и увидѣв нахвальщика, он закричал:

Вор, собака, нахвальщина!

Зачѣм нашу заставу проѣзжаешь?

Атаману Ильѣ Муромцу не бѣш челом?

.

Учул нахвальщина зычен голос,

Поворачивал нахвальщина добра коня,

Напуцал на Добрыню Никитича.

Сыра мать земля всколебалася,

Из озер вода выливалася,

Под Добрыней конь на колѣнца пал.

Добрыня Никитич млад

Господу Богу взмолился

И мати Пресвятой Богородицѣ:

„Унеси Господи от нахвальщика!

Под Добрыней конь поисправился,

Уѣхал на заставу богатырскую.

Когда выѣхал на бой со змѣем Груица,

Изляла бѣ люта змѣя,

Ка си виде мало дете,

Па си вдигна еѣна глава,

Претегна му на кон позе;

Па си вдигна втора глава,

Претегна му половина,

Па си вдигна третя глава,

Па му вѣрза бѣли рѣце.

Провиенѣ сѣ мало дете:

„Я чуй ма, боже, я вижд ма,
Ослаби десна рачица,
Да извада остра сабя!“
Па извади остра сабя,
Та погуби люта змя,
Па си узе до три глави,
Занесе ги на царьови,
На царьови равни дворове.
И цар си им одговоря:
„Ой та Грую, мало дете,
Просто тебѣ столнина-га,
Аз да стана, ти да седнеш“.

У Ильи Муромца в бою с Жидовином,
Поскользит ножка лѣвая,
Пал Илья на сыру землю;
Сѣл нахвальщина на бѣлы груди,
Вынимал чинжалище булатное,
Хочет вспороть груди бѣлыя,
Хочет закрыть очи ясныя,
По плечь отсѣчь буйну голову . . .
Лежит Илья под богатырем,
Говорит Илья таково слово:
Да неладно у святых отцов написано,
Не ладно у Апостолов удумано.
Написано было у святых отцов,
Удумано было у Апостолов:
Не бывать Ильѣ в чистом полѣ убитому,
А теперь Илья под богатырем!

У Ильи лежучи прибыло силы втрое; махнул нахвальщика в бѣлы груди, шибал выше дерева жароваго; падал нахвальщина на землю, Илья отсѣк ему голову, поднял на копьѣ и повез на заставу богатырскую (Кирѣевск. I 46).

Сходный мотив развивается в одном кабардинском рассказѣ о Нартѣ Сосрыко (Сборн. Св. о Кавк. горц. V, 56—59). Рыская по горам, Сосрыко замѣтил вдали черное пятно: он кликнул, но крик его небыл услышан; погнался за ним, но немог нагнать. Тогда тот, обернувшись,

крикнул, и крик его пронзил Сосрыко; преслѣдуя потом и нагнав Сосрыко, он нартовское двуглавое копьё припер к сѣдлу и вышиб его из сѣдла. Вынув шашку, всадник подѣхал снять голову Сосрыко; но тот прибѣг к хитрости, попросив назначить для боя иной день. Возвратившись домой, Сосрыко рассказал матери о своей встрѣчѣ с неизвѣстным всадником и описал его наружность. Мать признала в нем своего племянника, сына своей сестры. В назначенный день выѣхал Сосрыко на бой; коня своего он, по совѣту матери, увѣшал колокольчиками. Тотыреш Альбеков — так звали противника Сосрыко — уже ждал его. Сосрыко обернулся вокруг него туманом. Тотыреш, размышляя о том, откуда мог появиться туман, задремал. Тогда Сосрыко заставил коня своего мотнуть головой и хвостом. Колокольчики зазвенѣли, и конь Тотыреша, испуганный, понесся. Желая удержать коня, Тотыреш слишком сильно дернул за поводья, разорвал ему челюсти, отчего он тут же и умер. Сосрыко наскочил, вынул мечь и снял голову Тотырешу.

Глава XVI.

4. С в я т о г о р .

Выраженіе „старшіе богатыри“, встрѣчающееся в былинѣ о поѣздкѣ Ильи Муромца в Кіев, было понято нашими изслѣдователями слишком широко. Наши былины не заключают в себѣ опредѣленных указаній на великанов, представителей до-богатырскаго періода, „старших“ богатырей; отсюда и в изслѣдованіях о старших богатырях неясность, сбивчивость и произвол.

К старшим богатырям, обыкновенно, относят Святогора, Микулу Селяниновича, Вольгу, Сухмана, Дона и Дуная (Порфирьев, Истор. рус. слов. I 50), Полкана, Колывана и Самсона (Шѣсни Кирѣевск. Указатель). Но Полкан и Самсон, очевидно, имена, заимствованныя книжным путем. О Колыванѣ былины так мало говорят, что нѣтъ основаній относить его к старшим богатырям. Дон, Дунай, Микула, Сухман и Вольга не заключают в себѣ ничего титаническаго, ничѣм неотличаются от таких „младших“ богатырей, как Добрыня ¹⁾.

¹⁾ Относительно Вольги, нам кажется довольно вѣроятным мнѣніе о связи былеваго образа этого богатыря с князем Олегом Вѣщим. Доказать этого, однако, нельзя, и мы оставляем пока в сторонѣ вопрос о том, принадлежит ли эта былина до-татарскому періоду и составляет ли она древне-кіевское наслѣдство, или возникла на сѣверо-востокѣ Руси самостоятельно и не в особенно древнее время. С сказаніем былины о рожденіи Вольги ср. арабскую легенду о чудѣ, сопровождавшем роженіе Магомета. „В ту ночь, когда он родился, чудовищная рыба, величайшая из всѣх нѣмых обитателей соленых вод, рыба о 700000 хвостах, носящая на своем хребтѣ 700000 тельцов, из которых каждый больше земнаго шара,

В сказаніях о Святогорѣ указано так много элементов книжных (о сумочкѣ переметной, о смерти Святогора), что вопрос о литературном происхожденіи былин об этом богатырѣ кажется близким к положительному рѣшенію. Замѣчательно, что сами былины неприсвоят русской землѣ этого богатыря:

Святогор был Богом данный, не русскій,

И жил Святогор во землѣ не русскія.

Не ѣздил он на святую Русь,

Не носила его да мать сыра земля.

Он нашел на всей землѣ только одну гору, могущую выдержать его, и лежит на ней. На ней лежит огромный богатырь, сам как гора. „Видишь, какой я урод: меня и земля недержит, нашел гору себѣ и лежу на ней“ (Кирѣевск. IV, 2-е изд. стр. 233). Описаніе Святогора напоминает сказаніе Александрии „о великом мужѣ, котораго видѣв Александр подивися“ (Христом. Буслав. стр. 1341): „и оттуду (от брахманов) мало (Александр) пошедь и мѣста нѣкоего дошедь и ту обрѣте гору високу суцу, за нюже человекъ привязан веригами желѣзными; высота же человекъ того 1000 сажен, а широта 200 сажен; царь же Александр и все воинство его видѣвъ великаго онога мужа вси убоаяся и приступити къ нему не смѣяша и минувше того 4 дни гласъ его слышаша, человекъ того“ (ср. А. Н. Веселовскій, Ж. М. Н. Пр. 1884 г. Июнь, 176).

Для сравненія с русскими сказаніями о Святогорѣ и „старших“ богатырях представляют интерес кавказскія сказанія о столкновеніях Нартов с Великанами. В послѣдних образ „старших“ богатырей очерчен весьма ясно. Вот

каждый украшен 700000 рогов из чистаго изумруда и каждый скакал и прыгал в эту почву на огромной массѣ, носящей его и даже вовсе этого нечувствовавшей, — Тамоаза, царица рыб, до того разыгралась в минуту рожденія Магомета, что непремѣнно опрокинула бы вселенную, если бы Аллах не укротил ея восторгов“ (Черты из Жизни Магомета и арабек. легенды о нем. Москвитянин 1853 N 14).

напр. сказаніе о нартовском богатырѣ Сосрыко (Сборн. Свѣд. о Кавк. горцах VII Нар. сказ. 1—4). Сосрыко погналъ однажды скотину пасты к берегу Чернаго моря. Вдали он замѣтил огромнаго роста человѣка, приближавшагося к нему. То был Тых-Фирт Мукара, т. е. сын силы, Силлич, Мукара. Подѣхав к Сосрыко, великан с ним поздоровался и спросил про Нартовских знаменитостей. Сосрыко назвал поименно главнѣйших нартовских героев. Великан попросил показать ему нартовскія игры. „А вот как у нас играют: я помѣчу себѣ на груди, стану поодаль, а ты должен попасть мнѣ в помѣченное мѣсто на груди стрѣлой; если я выдержу, это значит хорошо; или ты станешь, я буду стрѣлять“, сказал Сосрыко. „Хорошо, стрѣлай ты, а я стану“, сказал Мукара и стал поодаль, обнаживши грудь. Стал стрѣлять Сосрыко; но к его удивленію стрѣлы, ударясь о грудь великана, ломались и отскакивали назад. „Нѣтъ, пустая это игра!“ воскликнул Мукара: „покажи что либо другое“. Вторая игра состояла в том, что Сосрыко, поставив великана под горою, сам взобрался на гору и сбросил оттуда ему на лоб огромный камень. Ударившись о лоб, камень разсыпался по сторонам мелким песком. Сосрыко предложил третью игру: „вот стань в море; когда оно замерзнет отверху до низу, то повернись в нем, и разбей лед; это хорошая игра; если сможешь,—ты богатырь“. Мукара вошел в воду. Когда море замерзло отверху до низу, попытался Мукара повернуться; но гдѣ же ему взломать сплошной морской лед. „Что же мнѣ дѣлать с тобой?“ спросил Сосрыко. „Надулъ ты меня нартовец! ты хочешь убить меня; но своим оружіем тебѣ неубить меня; поэтому ступай к моей женѣ и возьми в кухнѣ мой кинжал в шерстяном чехлѣ: этим только кинжалом ты убьешь меня“. Сосрыко отправился. Одна женщина посоветовала ему, войдя в хоромы Мукары, переговорить ни слова: в противном случаѣ, кинжал соскочит с гвоздя и вонзится в его грудь. Сосрыко так и сдѣлал. Кинжал взял, Мукару убил, а на его женѣ, красавицѣ, сам женился.

Мукара, по словам сказанія, был *князь скал* (стр. 3); это прозваніе напоминает нашего *Святогора*.

В вар. (Сборн. Св. о К. г. V 53—56), когда Сосрыко бросился с мечем на замороженного в морѣ великана, послѣдній, дунув, отбросил его на полдневный путь назад. Как на крыльях припѣл вновь Сосрыко и когда, вынув мечь, он подѣхал снимать голову великану, тот сказал: „если бы я небыл глухой великан, как было мнѣ догадаться по двум твоим колѣням, что ты Сосрыко“.

И Святогор хотѣл дохнуть мертвым духом на братца названнаго, Самсона. Послѣднему достался мечь—кладенец Святогора, как Сосрыко чудный книжал Мукары (Кирѣвск. Пѣсни IV 2-е изд. 283).

В былинѣ о Святогорѣ рассказывается, что он носил свою жену в ларцѣ. Такая же черта встрѣчается и в нартовских сказаніях. Хамиц был женат на маленькой и безобразной дѣвушкѣ; он нежил с нею, а только носил ее в карманѣ всюду, куда пойдет: очень ужь она полюбилась ему (Всевол. Миллер. Осетинскія этюды I 148).

Приведенных сближеній, разумѣется, недостаточно, чтобы, опираясь даже на аналогію бабы Горынянки, говорить о возможности вліянія кавказских сказаній о горных великанах на русскія былины о Святогорѣ. Дальнѣйшія изслѣдованія в области нартовскаго эпоса быть может представят больше матеріалов для такого или иного рѣшенія этого вопроса. — Наше дѣло отмѣтить, что есть.

Глава XVII.

5. Дюк Степанович.

Различныя подробности былины о Дюкѣ Степановичѣ наши изслѣдователи старались объяснять большею частію путем заимствованій из разных книжных и устных народных источников. В. В. Стасов „диковинки“ житья-бытья Дюка объяснял из подробностей восточных поэм (Вѣстн. Евр. 1868 г. Июнь, 644 и слѣд.); г. И. Жданов из греческой поэмы о Дигенисѣ Акритѣ (К литературн. истор. русск. былев. поэзиі. Кіев 1881 г., стр. 232 и слѣд.); А. Н. Веселовскій из средневѣковых сказаній об Индѣйском царствѣ (Ж. М. Н. Пр. 1884. Февр. Ю.-рус. был. VI). В этих поисках за источниками чудес Дюковой Индѣи богатой оставлена без вниманія возможность отраженія в былинѣ черт быта и обстановки жизни русскаго общества. Между тѣм, безпристрастное сравненіе частностей былины с извѣстными фактами бытовой обстановки Московскаго боярства XVI и XVII вв. обнаруживает поразительное обиліе в ней чисто русских, туземных, Московских, бытовых черт.

Одна из былин о Дюкѣ начинается слѣдующим заголовком, замѣчательным, как по широкому поэтическому размаху, так и по присутствію мифологическаго элемента. Во Индѣи во богатой, во Корелѣ упрямой, в гор. Волин-

цѣ жил был боярскій сын Дюк Степанович. Брал он свой тугой лук, брал 30 каленых стрѣл и три стрѣлы золоченых, ходил стрѣлять гусей лебедей.

Разстрѣлял он тридцать три стрѣлы,

Не попал он ни в единую.

„Миѣ не жалко тридцати-то стрѣл,

„А только жалко миѣ-ка трех-то стрѣл.

„Эти три стрѣлы да вѣдь каленыи,

„Оны вси да золоченыи,

„И перьями сажонныи,

„Оны перьями орловыма;

„Не того орла, который летает во чистом
полю,

„А того орла, который сидит на мори,

„На мори сидит, на камени;

„А ще той орел сворохнется,

„Сине морюшко сколыблется,

„А в деревнях пѣтухи спюют.

„Тут ѣздят гости корабельщики,

„Обирают перья-ты орловыи,

„Оны привозят к моей матушкѣ,

„Емельѣ Тимоѣевной“ (Гильферд. 628).

Этот мифическій орел встрѣчается в Калевалѣ: он так громаден, по представленію Финнов, что зѣвъ его подобен шести водопадам; одним крылом разсѣкает он морскія волны, а другим — небесныя тучи; в другой п. говорится об орлѣ, перья котораго пынут пламенем (Афанасьев. Поэтич. Возвр. Сл. на прир. I 493). В Исландіи думают, что орел производит бурныя грозы взмахом и запусканіем своих когтей (ibid.).

Этот молодец собирается поѣхать в Кіев град, по-смотреть, так ли он хорош на самом дѣлѣ, как о нем разсказывают. Получив от матери благословеніе, Дюк отправляется в Кіев. Выѣхав из Волянца послѣ утрени великодной, Дюк посѣл в Кіев к обѣднѣ. Отстояв обѣдню, Дюк, по приглашенію Владиміра, идет в княжескій терем, садится за дубовый стол с прочими богатырями; — начина-

ется пир. На пиру Дюк похвастал своим богатством, но нашел себѣ соперника в лицѣ кievскаго щеголя, щана, Чурилы сына Пленковича:

Да тут-то Чурилу стало заторко,
Да и сам говорил таково слово:
Да свѣт, государь, ты, Владимір князь!
Да когда правдой дѣтина похваляется,
Даκ пусть ударит со мной о велик заклад:
Щапить-басить по три года
По стольному городу по Кіеву,
Надѣвать платья на раз, на другой не перена-
шивать.

Порок поставили 500 рублей.
Который из них а не перещипит,
Взять с того 500 рублей.

Извѣстно, наши предки любили щеголять роскошью и разнообразіем одежд.

Премладый Чурило сын Пленкович,
Обул сапожки ты зелен сафьян,
Носы—шило, а пята—востра,
Под пятау хоть соловей лети,
А кругом пята хоть яйцо кати.

(Гильферд. 1076).

„Всѣ русскіе, говорит Ад. Олеарій, носят короткіе сапоги, с длинными острыми носками, из юфти, или персидскаго сафьяну. Женщины, особенно дѣвицы, носят башмаки с весьма высокими, в четверть локтя, каблуками, подбитыми снизу кругом маленькими, красивыми гвоздиками; в таких башмаках онѣ немогут и ходить много, потому что должны ступать только на цыпочки, едва касаясь земли передком башмака“ (Описаніе путешеств. Голшт. посольства, сост. Олеаріем; пер. Барсова. М. 1870, 162). В XVII в. и мужчины носили сапоги с высочайшими каблуками — до 3-х вершков (Прохоров. Русск. Древности 1876 г. стр. 29).

Дюк обул

... лапотцы ты семи шелков,

И в этия лапотцы были вилетаны
Каменья все яфонты.
Да который же камень самоцвѣтные
Стоит города всего Кіева,
Опришно Знаменья Богородицы (ibid.).

Чурило Пленкович

Да наложил ён шапку черну мурманку,
Да ушисту, пушисту и завѣсисту,
Спереди-то невидно ясных очей,
А сзади невидно шеи бѣлыя (ibid.).
У молодого у Дюка у боярина,
На головушку надѣта есте шапочка,
Спереду введен да то свѣтел мѣсяц,
А ѿ вокруг-то введены звѣзды часты,
На верху шелом как быдто жар горит

Гильферд. 527.

В старину шапки шились из дорогих разноцвѣтных матерій, украшались золотым шитьем, драгоценными камнями и жемчугом. Мѣховыя опушки, как у мужчин, так и у женщин, ниспадая, закрывали болѣе половины лба и шеи (Прохоров. Рус. Древности, 1876 г. 4, 16 и др.).

Молодой Чурилушка-то Пленкович,
Надѣвал одежицу снарядную,
Ен снарядную одежицу, хорошеньку:
У рубашечки манешечки шелковеньки,
Кунью шубу он надѣл на плечка на могучи,
Еще строчка строчена-то чистым серебром,
Друга строчена так красным золотом,
Петельки-ты вшиваны шелковыя,
Пуговки положены да золоченыя.

Всѣ эти черты вполне русскія; далѣе слѣдуют образы иного пошиба:

Ай во этия во петелки шелковыя,
А то вилетано по красной по дѣвушки,
Во эвты пугови-ты в золоченыя,
Ай то вливано по доброму по молодцу

Как застегнутся, так и обоймутца,
Поростегнутся, так поцѣлуются.

Такая точно одежда и такія украшенія на ней были у Дюка Степановича (Гильферд. 527). Неизвѣстно, носили ли русскіе бояре XVI и XVII вв. такія украшенія в петлицах и пуговицах. Слѣдующія подробности, относящіяся къ пуговицам Дюка и Чурилы, показывают, что здѣсь мы имѣем дѣло с аллегоріей, источник и значеніе которой невыполнѣ ясны. Чурило Пленкович как поведет по петелкам, так красны дѣвушки наливают зелена вина

И подносят добрым молодцам;
А по пуговкам поведет,—
Добрые молодцы играют в гусли яровчаты,
Развеселяют красных дѣвушек.

(Рыбников II 179).

Как Дюк Степанович поведет плеточкой по бѣлой груди,
Еще петелки-ты свищут по соловьему,
Ай то пуговики крычат-то по звѣриному.

От того свисту и крику народ падал на кирпичен мост (Гильферд. 528). В вар. Гильферд. N 225 в пуговицах шубы Дюковой были литы люты звѣри, в петлях были вшиты люты змѣи.

Да подернул Дюк-то по пуговкам,
Да заревѣли во пуговках люты звѣри;
Да подернул он по петелкам,
Да засвистали во петелках люты змѣи.

От того свисту и реву в Кіевѣ „старой и малой на землѣ лежит“. Приз в 500 рублей остался за Дюком (Гильф. стр. 1076).

А. Н. Веселовскій весьма основательно сближает этот эпизод былин с средневѣковыми рассказами о чудесах во дворцѣ знаменитаго пресвитера Іоанна. Так, в одном сказаніи встрѣч. слѣдующія диковинки: дворец правителя стоит на 900 колоннах; у каждой „sunt . . . facte ymagines, ad unam ymago regis et ad aliam ymago reginae, habentes ludos et cyphos, deaturos in manibus suis. Tunc ymago reginae habet cyphum aureum in manibus suis

sibi propinando, et sic et contra". Едва ли может быть сомнѣніе, что здѣсь разумѣются механическія фигуры, игравшія на инструментах и наливавшія друг другу в кубки (cyphos = scyphos). Средневѣковые памятники полны описаній таких диковинок. Диковинки в пуговицах и петельках Чурилы „суть образы пресветерова дворца, снустившіеся лишь с шлястров к пуговкам и петелькам". (Журн. М. Н. Пр. 1884 Февр. 393—4).

Побѣжденному в умѣньѣ хорошо нарядиться Чурилѣ стало зазорко. Он научает Владиміра послать оцѣнщиков или переписчиков на Дюкову родину „в Волянъ землю" провѣрить „правдой ли дѣтина похваляется". Послы отправляются.

Послѣ трехмѣсячнаго путешествія, они

Усмотрѣли Индѣю да богатую,

Усмотрѣли тут Корелу да проклятую,

подумали, что

Вся Индѣя что ли нас да перепаласи,

Вся Индѣя вдруг да загорѣласи.

Оказывается, что не испугалась их Индѣя, а

Вся Индѣя тут стоит да у них в золотѣ;

Ай палаты тут у них да бѣлокаменны,

Столбики у них были точены,

Крышки-ты у них да золочены

(Гильферд. 85).

А тут церкви были всѣ каменныя,

Стѣны известочкой избѣлены,

На церквах маковки самоцвѣтныя,

На домах крышечки да золоченыя,

Мостовыя рудожелтыми песочками приусыпаны,

Сорочинскія суконца поразостланы.

(ib. 825).

Вопреки мнѣнію г. Жданова (К литературн. истор. был. поэт. 235) мы полагаем, что это описаніе взято прямо из русской дѣйствительности, а не откуда либо изчужа. Богатый древнерусскій город с золочеными маковками церквей, с золотоверхими теремами, с разными украше-

ніями на зданіях мог производить подобный же эффект. Вот как описывает внѣшній вид царскаго дворца конца XVII в. Забѣлин в сочиненіи „Быт русск. царей“ стр. 108: „внѣшній вид дворца в концѣ XVII в. представлял чрезвычайно пеструю массу зданій самой разнообразной величины, разбросанных без всякой симметріи, единственно по удобству, так что дворец в строгом смыслѣ неимѣл фасада. Зданія тѣнились друг против друга, возвышаясь одно над другим и еще болѣе увеличивая общую пестроту своими разнообразными крышами, двускатными, епанечными, в видѣ шатров, скирдов, бочек, с прорѣзными значеными гребнями и золочеными маковицами на верху, с узорочными трубами, искусно сложенными из поливных изразцов. В иных мѣстах возвышались башни и башенки с орлами, единорогами и львами, вмѣсто флюгеров. По свидѣтельству итальянца Барберини, кровли и куполы на царском дворцѣ были покрыты золотом . . .“

Двор у Дюка на семи верстах,
Да кругом двора да все булатный тын,
Столбики были точеные,
Да точеные да золоченые,
Да на каждом столбичку по маковки,
Маковки то были мѣдныя (Гильферд. 1143).

У людей зажиточных на Руси дворы огораживались тыном или столпьем. Дворы были иногда весьма обширны; мы имѣем примѣры, что они дѣлились, как удѣлы и что два князя владѣли одним двором (Костомаров, Очерк домашней ж. и пр. великор. нар. в XVI и XVII вв.). Вообще обширность двора соотвѣтствовала, повидимому, знатности и богатству хозяина (Древности Труды Моск. Общ. 2 сл. жилище).

В вар. Рыбникова III N 31 у Дюка тридцать три терема; верхи теремов свивают в одно мѣсто.

В трех теремах златоверхих Соловья Будиміровича тоже свиваются верхи с верхами. „Это напоминает, говорит Ор. Ф. Миллер, тѣ дубы, в которых свито гнѣздо Соловья Разбойника — дубы свивающіеся верхами“ (стр. 554

Ил. Мур.). Сравненіе это мало помогает уразумѣнію даннаго общаго мѣста былин о Дюкѣ и Соловьѣ Будиміровичѣ. Свиваніе верхов теремов — архитектурная подробность древне-русскаго обычая строить зданія. Слово *верх* в этих мѣстах былин употреблено не в смыслѣ кровли зданія, а в значеніи верхняго этажа, верхняго жилья (Даль). „Верхом, говорит Забѣлин, назывался в XVI и XVII в. верхній этажъ; в царских хоромъ—верхній этажъ дворца, который занимали князья и цари; выраженіе: „быть у государя в верху“ значило тоже, что во дворцѣ“ (23). Соединялись отдѣльныя постройки сѣнями. „Из всѣх мѣст лѣтописи, гдѣ упоминается о сѣнях, видно, что онѣ были в верхнем этажѣ“ (ibid. 22). Сообразно с этим, приказанію Соловья Будиміровича построить

А три терема-то златоверхих,

Что верхи бы с верхами завивалиси

(Гильферд. 286)

соотвѣтств. в вар. (ibid. N 68) постройка трех теремов

Со троима со синями со нарядными.

У Кириши:

Ко полуночи двор Соловья послѣл:

Три терема златоверховаты,

Да три сѣни косящатыя,

Да трои сѣни рѣшетчатыя.

Да еще у Дюка у Степановича

Ворота были вольячныя (рѣзные, точеныя),

Подворотенки были хрустальныя,

Надворотенки да дорог рыбій зуб.

Наши предки заботились о тщательной отдѣлкѣ ворот. „По уборкѣ и отдѣлкѣ ворот всегда можно было судить о достаточности хозяина, ибо двор красился воротами, изба—углами, т. е. внутренним нарядом, хоромы—теремом“ (Забѣлин, Быт рус. цар. 37). Рѣзные костяныя украшенія и хрустальныя цѣнились (ibid. 212). Рыбій зуб, часто употребляемый нашими былинами, был дѣйствительно дорог—по рублю фунт (Прилож. к Быт. рус. цар. Забѣлина, стр. 66).

Да еще у Дюка у Степановича
Над воротами да над широкима,
Да стоя у Дюка чудны образы,
Да горя свѣчи неугасимые (Гильферд. 1143).

По исконному старо-русскому обычаю, на воротах дворов всегда становились иконы или кресты. „Русскій чело-вѣкъ не входил и не выходил из дома без молитвы и без крестнаго знаменія“ (Забѣлин, Быт р. ц. 116).

Да еще у Дюка у Степановича,
Да стоят три церкви три соборныя,
Да на каждой церкви по три маковки,
Маковки ты были мѣдныя,
Дорогою мѣди все казарскіе,
Да пекут лучи да солнечныя
По тому по городу по Галицѣ
Да по той Волынь-земли богатые.
Да во первую церкву соборную
Ходит Дюкова та матушка,
Да во другу церкву соборную
Туда ходит Дюк Степанович,
А во третью церковь соборную
Туда ходит дружина-та Дюкова.

По свидѣтельству Котошихина, „у больших бояр, не у многих, учинены на дворах своих церкви“ (О Россіи, изд. 3, стр. 166).

Да еще у Дюка у Степанова
Среди двора его широкаго
Да стоят три терема высокіе,
Да высокіе да златоверхіе.
Да во первом тереме высокѣм
Да живет тут Дюкова-та матушка,
А во другом тереме высокіем
Да живет тут Дюк сын Степанович,
Да во третьем тереме высокіем
Да живет дружина тут вѣдь Дюкова

(Гильферд. 1144).

Три терема — для Дюка, его матери и дружины — не совѣмъ эпическая черта, а в значительной степени бытовая. О великокняжеских хоромъ нам извѣстно, что онѣ состояли из трех особых отдѣленій: во первых, хоромы *постельныя* или *покоевыя*; в них проводил обыкновенно время вел. князь; во вторых, *княгинина половина*, хоромы государевых дѣтей и родственников, стоявшія отдѣльно от хором государя; в третьих, прочія хозяйственныя постройки и службы. Несомнѣнно, что подобнымъ образом распредѣлялись и усадьбы бояр. Отдѣльный разряд в великокняжеских хоромъ представляли хоромы *непокоевыя*, назначенныя для разных торжественныхъ собраній (Забѣлин. I 39).

Эпитет теремовъ *златоверхіе* восходитъ давностию к Сл. о П. Игорев. и несомнѣнно имѣетъ в основаніи бытовые факты (*ibid.* 23 — 24).

На пиру Владиміра Дюкъ похваляется своимъ теремомъ:

У васъ в палатахъ-то бѣлокаменныхъ
Противъ нашего — послѣдній домъ.
У насъ на небѣ солнце, и в теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ и в теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ луна и в теремѣ луна.

И послы Владиміра находятъ, что то не пустое хвастовство:

И точно, правду хвасталъ Дюкъ Степановичъ
(Рыбникъ. II 154—5).

Тоже самое в теремѣ Соловья Будиміровича:

На небѣ солнце, в теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ, в теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, в теремѣ звѣзды,
На небѣ заря, в теремѣ заря
И вся красота поднебесная.

(Кирша Данил. 3-е изд. стр. 6).

У Чурилы —

Пол-середа одного серебра,
Печки-ты были все муравленныя,
Да потики-ты были все серебряныя,

Да потолокъ у Чурила из черных соболей,
 На стѣны сукна навиваны,
 На сукна-ты стекла набиваны,
 Да все в терему-де по небесному,
 Да вся небесная луна де принаведена была,
 Ино всякіе утѣхи несказанные.

(Гильферд. 1063).

Уже давно наши изслѣдователи обратили вниманіе на сходство нѣкоторых эпизодов былины о Дюкѣ с извѣстным, очень распространенным в средніе вѣка, сказаніем об Индіи. Древнѣйшая русская редакція „Сказанія об Индѣйском царствѣ“ принадлежит XV в.; по изслѣдованію Баталина, она имѣла своим источником, вѣроятно, греческій текст (Филолог. Зап. 1874 г. III и IV в., 1875 г. в. III и V). По формѣ оно представляет письмо попа-царя Ивана к царю греческому Мануилу. В нем встрѣчается, между прочим, слѣд.: „двор у мене, пишетъ царь-поп, таков: 5 ден ити около двора моего, в нем же суть полаты многи златыя и серебряныя и древяни, изнутри украшени, аки небо звѣздами, а покровени златом, и в той полатѣ огонь негорит: аще ли внесут, в той час огонь погасает“. В романтическом путешествіи Іоанна de Hese, при описаніи замка пресвитера Іоанна, рассказываются об одной палатѣ такія подробности: „есть отдѣльная палата пресвитера Іоанна и ученых, гдѣ они держат совѣщанія: эта палата вращается на подобіе колеса и со сводом на подобіе неба; в ней много драгоценныхъ камней, претворяющихъ ночь в свѣтлый день“ (Баталин I. с. Веселовскій Ж. М. Нар. Пр. 1884. Февр. 392).

Можно бы признать, что из подобныхъ книжныхъ источниковъ ведут свое начало солнце, мѣсяц и звѣзды в теремахъ Дюка, Чурилы и Соловья Будиміровича, если бы данныя московскаго быта XVII в. педали основаній для другаго объясненія даннаго locus communis нашихъ былин. Остановимся на внутреннемъ убранствѣ комнат московскаго боярства XVI и XVII в.

Стѣны жилыхъ комнатъ драпировались сукнами и украшались рѣзьбою. „С особенною заботливостію украшались *подволоки* или потолки. Большею частію они украшались рѣзьбою изъ дерева и составлялись изъ отдѣльныхъ штукъ, щитовъ или рамъ. вмѣстѣ съ деревянною рѣзьбою подволоки убирались чаще всего слюдою съ рѣзными украшеніями—изъ жести. Иногда подволоки устраивались даже изъ серебра. Деревяныя рѣзныя подволоки золотились и расписывались красками“ (Забѣлицъ, Бытъ I 117). Подволочная живопись особенно интересна. „Въ царской столовой избѣ, построенной цар. Алексѣемъ в 1662 г. в подволокахъ написано было *звѣздотечное небесное движеніе, двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесныя*“. „Звѣздотечное небесное движеніе царской столовой палаты пользовалось в то время особеннымъ уваженіемъ и нѣсколько разъ служило образцомъ при украшеніи другихъ комнатъ, преимущественно столовыхъ, в постельной половинѣ дворца“ (ibid. I 135). Изъ царскихъ хоромъ оно перешло в боярскія и княжескія. „В каменныхъ хоромахъ кн. Голицына (1689) в большой столовой палатѣ в подволокахъ были также изображены небесныя бѣги: в серединѣ подволоки солнце с лучами вызолочено сусальнымъ золотомъ; кругъ солнца бѣги небесныя с зодіями и с планеты писаны живописью... А по другую сторону солнца мѣсяцъ в лучахъ посеребрен... В крестовой палатѣ того же боярина в подволокахъ находился деревянный рѣзной репей с лучами по мѣстамъ вызолоченный и раздѣченный красками, а около репья 12 мѣсяцевъ рѣзныхъ же. В спальнѣ в подволокахъ были написаны по потолку 12 мѣсяцевъ с планеты (ibid. 137).

Мнѣ думается, что упоминаніе в былинахъ о красотѣ поднебесной в теремахъ богатырей возникло подъ вліяніемъ дѣйствительнаго обычая московскихъ бояръ XVII в. украшать потолки комнатъ изображеніемъ солнца, мѣсяца и звѣздъ, „бѣговъ небесныхъ“. Несомнѣнно, подъ вліяніемъ этого обычая, в одной редакціи „Сказанія объ Индѣйск. царствѣ“ XVII в. сказано: „да есть у меня палата зѣло прекрасна, и велика, вся серебромъ содѣяна, а покрыта златомъ, и внутри

украшена каменіем драгим и частым жемчугом и всякими мудростми . . . *и планетами и звѣздотечіем* (Баталин I. с. 86).

В слѣдующей похвальбѣ Дюка заключаются послѣднія бытовые указанія относительно внутренняго 'убранства боярскихъ комнат и неменѣе интересныя образно-поэтическія выраженія, характеризующія роскошь и довольство жизни московскаго знатнаго боярства:

Уж ты солнышко Владимір князь да столецъ Кіевской!

У васъ все да не понашему:

Я пришолъ какъ къ вамъ во грѣднѣ во столовыи,

У васъ стоятъ столы дубовыи,

А на столахъ все скатерти сбранныи;

А у насъ столы да все кленовыи,

А скатерти-ты все шелковыя,

А семи шелковъ да шемаханскіихъ.

У васъ все да не по нашему:

У васъ печки-ты кирпичныя,

А у насъ печки изразцовыя,

Карнизы золоченыя.

У васъ все да не по нашему:

У насъ вина виноградныя,

А у васъ вина-то простыя вѣдь;

У насъ меды стоялыя,

А у васъ-то меды кислыя;

У насъ колачики крупивчаты,—

Колачикъ-отъ ѣшь, а по другомъ душа горитъ,

Потому душа горитъ: у насъ помяльца-ты шелковыи,

А мочатъ ихъ въ меды да вѣдь стоялые;

У васъ помяльца-то сосновыя,

Такъ колачики-то на хвойку пахнутъ.

У насъ какъ матушка Емельфа Тимофеевна

Пойдетъ-то въ церковь во соборную,

Впереди идутъ лопатчики,

А во слѣдъ идутъ метельцики,

Дорожку разгребаютъ да песочкомъ посыпаютъ;

А подъ рукой идутъ вѣдь няньки,

А во слѣдѣ идутъ служанки;
У нея лапотики на ножкахъ шелковыя,
Семи шелковъ да шемаханскихъ,
А одежда на себи да шуба соболиная, —
Придетъ-то въ церковь во соборную,
Крестъ владетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На вси стороны да покланяется;
А идетъ какъ она изъ церкви изъ соборныя
На свой на широкій дворъ,
У насъ-то на дворѣ да сукна посланы да одинцовыя.
У васъ все да не по нашему:
У васъ дорожки не розглажены,
Песочкомъ не засыпаны;
У васъ на двори, хоть звѣрь ногу ломи;
Дворники да слуги въ шапки да въ бабки играютъ,
Въ красныхъ рубахахъ гуляютъ (Гильферд. 632).

Выйдешь на нашъ широкій дворъ,
По нашему широку двору
Разостланы сукна одинцовыя;
Наши любимыя конюхи
По этимъ по сукнамъ катаются,
Въ кости, въ зернь, въ шашечки поигрываютъ.
Зайдешь во гридню во столовую,
Вся окошечки скутаны,
Вкладены въ стѣны камни драгоценныя,
Видно молодца станомъ, лицомъ, возрастомъ.

(Рыбн. II 144).

Двери и окна въ болгарскихъ и царскихъ хоромъ XVI и XVII в. почти всегда обивались сукномъ; завѣшивались тафтяными, камчатными или суконными и стамедными завѣсами, которыя задергивались на проволоку посредствомъ колецъ (Забѣлинъ, Быт I 125). Полы жилыхъ помѣщеній устилались сукнами; пѣтъ ничего невозможнаго или индѣйскаго (Веселовск. Ж. М. Н. Пр. 1884 г. Февр. 387) въ словахъ былины, что у Дюка на дворѣ были разостланы сукна

одиночкова. За чистотой и опрятностью в хоромах и дворах тщательно наблюдали. В царских хоромах наблюдение за чистотой лежало на Истопничьей палате. „Крыльца, лѣстницы, рундуки, площадки, переходы, дворики, открытые и находившіеся в сѣнях, каждый день начисто выметались и подсыпались просѣянным песком желтым или красным, который сыпали в подсыв, через рѣшета для того, что б ложился ровно и чисто (ibid. 193).

Особенный интерес представляет обстановка, в которой представлена Дюкова матушка в былинах. Когда Добрыня прибыл в Галич свидетельствовать Дюково хозяйство,

И не знает как найти Дюковой матушки.

Погляди как народ идет от обѣдни воскресенскія.

Он спросил у нѣкоторых людей про Дюкову матушку;

Говорили ему таковы слова:

„А не найди тебѣ палат Дюковых бѣлокаменных скоро,

„А дожидай,—идет Дюкова матушка от обѣдни воскресенскія,

То она сама покажет полаты бѣлокаменны.

Он и поглядит: ведут стару старуху, староматеру,

Под руку пять дѣвиц и под другую пять дѣвиц.

Он зашел спереду и поздравствовал:

„Здрастуйте, Дюкова матушка!“

Она говорит: „я не Дюкова матушка,

„А я Дюкова халуїница (прислужница).

„Дюкова матушка назади идет“.

Поглядит, а ижно ведут другую

Старую старуху, старо-матеру,

Под руку десять дѣвиц

И под другую десять дѣвиц.

Он зашел спереду и поздравствовал:

„Здрастуй, Дюкова матушка!“

Она говорит: „я не Дюкова матушка,

„Дюкова я рукомойница“.

Третью ведут старуху, старо-матеру

Под руку ведут 15 дѣвиц

И под другую ведут 15 дѣвиц;
Он зашел спереду и поздравовал:
„Здрастуйте, Дюкова матушка!“
Она говорит: „я не Дюкова матушка,
„А Дюкова постельница;
„Дюкова матушка позади идет“.
Поглядит, а ижно четвертую ведут
Старую старуху, старо-матеру,
Под руку 20 дѣвиц
И под другую 20 дѣвиц.
Он зашел спереду и поздравовал:
„Здрастуйте, Дюкова матушка!“
— Я не Дюкова матушка,
— А я Дюкова калашница;
— Дюкова матушка позади идет.
Наконец-то идет сама Дюкова матушка:
Под руку ведут тридцать дѣвиц,
И под другую тридцать дѣвиц;
Над ней несут подсолнечник,
Что б от краснаго солнца незапеклось ея лицо бѣлое;
Спереди стелют сукна одинцовья,
Сзади сукна убирают;
У ней надѣто платье цвѣтное,
На платьѣ подведена луна поднебесная,
Пекет красное солнышко,
И свѣтит свител мѣсяц,
Разсыпаются частья, мелкія звѣздочки.

Ткани с изображеніем солнца, мѣсяца и звѣзд существовали в XVII в. (Забѣлин, Быт р. цариц 333 и примѣч.).

В вар. Гильферд. 1113:

Идут как тутова три женщины,
Несут подсолнечник-от подсолнечный.

У Рыбник. III N 29:

Подсолнечник — сорока сажен.

Стало быть, балдахин в послѣднем случаѣ и зонтик в первых.

Подобный же эпизод встрѣчается в нѣкоторых старо-французских поэмах и разсказах о хожденіи Карла Великаго и его Палладинов в Константинополь и Иерусалим. Путники сначала встрѣчают свинопасов царя Гугона, потом пастухов коров, потом царских овчаров, наконец самаго царя Гугона: он пашет, у царскаго плуга сошники и омешики золотые, ярмо из драгоцѣннаго камня; за волами Гугон ѣдет на золотом стулѣ, везомом мулами; под ногами у него серебряная скамейка, на руках дорогія рукавицы, на головѣ золотой вѣнец, *над головой шелковый балдахин от солнца, прикрѣпленный к краям стула на рѣзных золотых жердях*; в руках он держит вмѣсто бича золотую трость, а борозды проводит прямыми и красивыми. То же описаніе, говорит А. Н. Веселовскій, повторяется с отмѣнами и в других вариантах: *вездѣ характерный балдахин, оберегающій царя от солнечных лучей, — как подсолнечник Дюковой матушки, которую послы Владимира, послѣ первых встрѣч с ея прислужницами также видят впервые в торжественном шествіи*“ (Ж. М. Н. Пр. 1884. Ф. 391).

Это сравненіе, во всяком случаѣ интересное, невыясняет вполне значенія даннаго эпизода наших былин. Тѣм менѣе можно говорить о заимствованіи подсолнечника Дюковой матушки из каких либо иноземных источников. Шествіе Дюковой матушки из церкви с толпой прислужниц и под зонтиком или балдахином — черта вполне туземная, русская, бытовая-московская XVI—XVII в. В подобной обстановкѣ происходили праздничные выходы в церковь цариц и, вѣроятно, знатных московских боярынь. В описаніи путешествія в Московію Мейерберга помѣщены два рисунка, изображающіе такіе выходы. Оба они могут служить иллюстраціей к былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ. „Первый рисунок изображает, как царица Марья Ильинична шествует в монастырь к панихидѣ. Головной ея убор, или убрус, простой, без царскаго вѣнца, спереди с вышитым начельником; ожерелье унизано сплошь жемчугом. Оплечье мѣховое. Верхняя одежда ея парчевая с откидными с прорѣ-

хами рукавами. *Впереди ея идут четыре дѣвицы с зажженными свѣчами и двѣ сзади царицы с солнечником.* Сзади их боярыня, с женским головным убором спереди вышитым начельником. В таких же одеждах и головных уборах идут двѣ боярыни впереди, одна несет кутью, другая держит в правой рукѣ ширинку (Русск. Древности Прохор. 1876 г. стр. 21).

Солнечник, говорит Забѣлин, выносился в обыкновенные воскресные и праздничные дни; но употреблялся ли он собственно для защиты от солнца, или выносился для большого парада, неизвѣстно“ (Быт р. цариц 321). „Должно думать, что он служил и вообще для украшенія обстановки выхода“ (ibid.).

„Другой рисунок Мейерберга изображает торжественное шествіе царицы в церковь в большіе праздники. На головѣ у нея свѣрх убруса царскій вѣнец; лѣтник или шубка парчевая, накладная, два ожерелья, одно жемчужное (ошейник), другое мѣховое (оплечье), в рукѣ у нея ширинка. Впереди царицы дѣвица несет на руках царевича, а впереди ея три царевны в золотых шубках, с корунами дѣвичьими на головах. *Четыре дѣвицы несут над ними большой солнечник.* Шествіе отгрывают дѣвицы, идущія попарно, младшія впереди. Царицу сопровождают крайчая и двѣ боярыни“ (Прохоров ibid. 21).

„В повседневных выходах, говорит Забѣлин, царицу сопровождали только ея комнатные люди, ближайшія дворовыя боярыни, крайчая, казначея, двѣ-три верховыя боярыни и столько же постельниц, носивших подножіе (род ковра) и другія необходимыя при выходѣ вещи. Праздничные выходы совершались, разумѣется, торжественнѣе, с большим числом дворовых людей. Без сомнѣнія при этом соблюдался и какой либо церемоніальный порядок шествія, младшіе чины, дѣвицы боярышни, постельницы шли впереди по-парно, старшіе позади“ (Быт р. цариц 331).

Угостив богатырей, послов кн. Володимира, Дюкова мать повела их оцѣнивать Дюковы животы. Здѣсь былины говорят о таких чудесах во владѣніях Дюка, которыя мо-

гут быть объяснены только заимствованием из каких либо книжных источников, — всего вѣроятнѣе, из сказаній о чудесах Индіи богатой.

На широком дворѣ у Дюка течет струйка золоченая (Гильферд. 784),

А по той было Индѣи по богатя
Увидали (послы) тут рѣку да золоченую
(*ibid.* 87).

В погребах Дюка находятся, кромѣ золота и серебра, три камешка,

Да когда от тых вѣдь тут камешков
По всему по городу по Галичи
Всякіе огни горя, лучи пекут.

Ср. в редакціи XV в. сказанія об Индѣйском царствѣ: есть у мене иная палата злата велика, как очима видѣти, на столпѣх золотых: два велики камени кармакул в ноци свѣтят в той же палатѣ у меня (Баталин, Ф. Зап. 1875 г. 86). Латинская редакція того же сказанія говорит о чудесном источникѣ во дворцѣ пресвитера. „В устах того, кто его отвѣдает, он имѣет вкус желаемой пици или напитка. Он наполняет палату таким благоуханіем, как еслибы по ней протекали всевозможные благовонные бальзамы и духи“ (*ibid.* 135).

В концѣ концов, послы сознаются, что описать животы Дюковы невозможно:

Негдѣ оцѣнить нам Дюковы животы,
Ай велики вѣрно что у Дюка животы.
Как нам спродать надо весь город Кіев-от,
А еще семь раз спродать его повыкупить,
Накупить бумаги да чернил то,
То нехватит нам у Дюка животов уписать.

(Гильферд. 1010—11).

Подобным образом оканчиваются русскія редакціи сказаній об Индѣйском царствѣ XVII в.: и вы, послове, послушайте, да скажите своему царю Мануилу Греческому, да продайте свою землю Греческую да на то купите бумаги и чернил, на чем вам писать моя земля и чудеса

индѣйская, да садѣте себѣ писати со всѣми своими книжники и скорописцы, ино вам ненаписать моеѣ земли и чудес до исхода души своей, а се nebude вашей земли на бумагу и с чернила, да пришед послужите моему чашнику, и вы будете богаты свыше царства своего (Ф. З. 1875. стр. 115).

Когда послы возвратились в Кіев град из города Галича, Волынь-земли и донесли Владиміру, что Дюкова правда сбывается „да будто вешняя вода разливается“, Чурилѣ еще больше стало зазорю. Он предлагает Дюку биться с ним в послѣдній раз о велик заклад, не о стѣ, не о тысячѣ, а о своих буйных головах: скакать на конях через матушку Пучай-рѣку и обратно перескакивать. И тут Дюк остался побѣдителем.

Тогда выдергивал Дюк-от саблю вострую,
Да хотѣл срубить ему (Чурилѣ) буйну голову.
Владимір с княгиней вступились за Чурилу;

Тогда Дюк пинал Чурила правой ногой,
Да улетѣл Чурило во чисто полѣ,
А сам говорил таково слово:

„Ай де ты, Чурило сухоногіе!

„Да поди щаци с дѣвками да бабами,

„А (не) с нами с добрыма молодцами

(Гильферд. 1079).

Дюк и Чурило прибѣгли къ обычному у знатных русских XVII в. способу дуэли. „Извѣстно, что, вмѣсто того, чтобы вызвать друг друга биться на саблях, или огнестрѣльным оружіем, знатные русскіе господа, и даже князья, выѣзжая на лошадях, отстегивают друг друга нещадно плетями“ говорит Оларій (Описан. путешеств. пер. Барсова, стр. 175).

Посмѣявшись над Чурилой, Дюк прощался с кн. Владиміром и княг. Апраксіей, боярами кіевскими и всѣми мужиками огородниками, садился на добра коня и уѣзжал в свой родной Галич (Гильферд. N 225).

Несмотря на обиліе туземных русских черт, в общем, однако, мы находим невозможным признать былинку о Дю-

еѣ Степановичѣ произведеніем самостоятельным русским. Самое имя—Дюк—нерусское; мы выше отмѣтили нѣсколько частных в содержаніи былины, несомнѣнно заимствованных; наконец, самая основная мысль былины — представить богача в идеальной обстановкѣ посредством осмотра богатства его нарочито для этого отправленными послами — необычна, как в русском эпосѣ, так и в эпосѣ других славянских народов. Мнѣніе А. Н. Веселовскаго, что за хожденіем Карла в Іерусалим и Константинополь и пѣснями о Дюкѣ стоит какая-то древняя пѣсня или повѣсть о хожденіи послов, богатырей в Индѣйское царство“ (Ж. М. Н. Пр. 1884 г. Ф. 387) остается в силѣ. Привітіе странствующей повѣсти об Индѣйском царствѣ тѣм легче могло состояться, что восточно-азіатская обстановка жизни московскаго боярства XVI и XVII вв. своими аксессуарами напоминала нѣкоторыя чудеса сказаній об Индіи Ср. напр. московскій обычай украшать потолки изображеніем „бѣгов небесных“ и чудеса пресвитеровой Индіи: палаты, вращающіяся на оси, с движущимися луной, солнцем и другими свѣтилами (Веселовскій *ibid.* 392) и пр. Дальнѣйшая судьба сказанія на Руси очевидна: перейдя в устно-народную литературу, оно явилось в передѣланном на русскій лад, на русскіе нравы видѣ, со многими чисто-русскими бытовыми подробностями,—в формѣ былины о боярском сынѣ Дюкѣ Степановичѣ.

По обилію бытовых подробностей былина о Дюкѣ стоит выше всѣх прочих наших былин, вообще бѣдных в этом отношеніи. Сам Дюк,—не смотря на иностранное имя и полу-русское происхожденіе — московскій боярин XVI—XVII вв.; мать его — московская боярыня; обстановка его жизни — обстановка жизни московскаго боярства XVI—XVII в.

Поэтическіе былевые образы Московской эпохи носят особую фізіономію, отличную от богатырских образов болѣе ранняго времени. Храбры Татарской и до-Татарской

эпох стоят за князя, вѣру и отечество, защищают свято-русскую землю от врагов. В мирное время, каким преимущественно представляется эпоха князей — собирателей Руси, естественно, идеальными образами являются другія лица, — с совершенно мирными свойствами: крестьянин Микула Селянинович (см. Замѣтки по Слав. нар. поэм. I), жених, добрый молодец, Соловей Будимірович, богач Дюк Степанович, наконец щеголь Чурило Пленкович и пр. Высокіе мотивы дѣятельности героев предыдущаго періода смѣняются в былинах Московской эпохи мелкими житейскими отношеніями, интригами, а под час и дряггами; облакаются в поэтическую форму такіе прозаическіе случаи, как ссора на пиру жен Чесовой и Блудовой. В богатырских образах ранняго времени иногда удавалось отыскать дѣйствительных исторических лиц, геройскими подвигами стяжавших себѣ славную память: героями былин Московскаго періода являются идеальные образы, чистыя созданія народной фантазіи. Идеальный характер героев Московскаго времени обнаруживается уже в их именах и прозвищах: *Дюк—богач* (ср. мрус. дука), Соловей *Будимірович* т. е. *Соловьесич*, Микула *Селянинович*. Прозваніе щеголя *Чурилы* также стоит, вѣроятно, в связи с былевым характером этого богатыря. Обыкновенно он прозывается *Пленкович*; но в нѣкоторых вар. его отчество — *Щап-Пленкович* или *Щапленкович* (Гильф. N 127). Послѣдняя форма, вѣроятно, наиболѣе древняя; она стоит, несомнѣнно, в связи с глаголом *щапить* т. е. щеголять, и таким образом прозваніе Чурилы *Щапленкович* может значить тоже что *Щеголенкович* или *Щеголевич*. Отсюда, с одной стороны, как искаженіе, явились формы *Щапленкович*, *Цыпленкович* и *сын Пленкович*, с другой, как забвеніе первоначальнаго значенія прозвища Чурилы, сложился образ *Пленка*, гостя Сароженина, отца Чурилы.

Заговорив о значеніи прозвища Чурилы, не можем не коснуться и вопроса о происхожденіи былин об этом богатырѣ, несчастном соперникѣ Дюка Степановича.

Глава XVIII.

В заключение своего обзора былин Киевского цикла считаем излишним высказать нѣсколько общих замѣчаній относительно состава великорусскаго эпоса, времени, мѣста его происхожденія и объединенія во Владимиров или Киевскій цикл. Полагаем, что оставшіеся неразобранными, за недостатком новых матеріалов, нѣкоторые богатырскіе образы непомѣщают этому, равно как непоколеблют и установленной системы дѣленія былеваго великорусскаго матеріала.

Мы не можем вмѣстѣ с А. Н. Веселовским и другими назвать всѣ вообще былины Киевскаго цикла „южно-русскими“. В кругу их есть, дѣйствительно, нѣсколько богатырей и былевых сюжетов кievскаго происхожденія и южно-русскаго. Так, к южно-русским богатырям мы должны отнести Владиміра, Добрыню, быть может Вольгу, Ставра, Ивана Даниловича, Чурилу Пленковича и отчасти Ивана Годиновича.

Труднѣе опредѣлить, какіе былевые сюжеты зашли на сѣвер и сѣверо-восток из Южной Руси. Несомнѣнно, имена богатырей усвоивались вмѣстѣ со сказаніями о них. Но, с одной стороны, древнее содержаніе с теченіем времени было заслонено подробностями поздних эпох; с другой, многіе южно-русскіе, кievскіе богатырскіе образы, вѣроятно, забылись на сѣверѣ. Дѣйствительная сумма древних южно-русских или кievских сказаній была, вѣроятно, больше той, какаѣ в настоящее время нам открывается за татарским и московским слоями. Точно же опредѣлить ее нѣтъ данных, по крайней мѣрѣ, для безпристрастнаго наблюдателя. С большим или меньшим вѣроятіем можно говорить о кievском или южно-русском происхожденіи и тѣх

„былин“, которыя в настоящее время связываются с южно-русскими богатырями. Большинство же былин и богатырских образов кievскаго круга возникли на сѣверо-востокаѣ Руси, в Великороссіи, в старой Суздальщинѣ и Московщинѣ. Даже передѣлки книжных сказаній в былины и былевые образы нужно относить на долю Великороссов Московскаго періода: сомнительно, чтобы в Кіевскій період нашей исторіи повѣствовательный книжный матеріал на столько глубоко проник в массу, что был усвоен хорошо, передѣлан в пѣсню, а затѣм перекочевал на сѣвер и там сохранился до наших дней.

Равным образом, не можем вполне согласиться со вскользь высказанным мнѣніем Н. И. Костомарова. „В наших былинах, говорит он, которыя несомнѣнно образовались в их настоящем видѣ только на сѣверѣ, исключительно в великорусском племени, и притом под вліяніем иноплеменных населеній, воздѣйствовавших на великорусское племя, одно только относится к кievской древности — это собственные имена Кіева и кн. Владиміра и нѣкоторых его богатырей, но затѣм в былинах собственно-кievскаго чрезвычайно мало“. „Былины есть произведеніе чисто русскаго сѣвера, исключительно великорусской вѣтви; всему малорусскому племени онѣ совершенно чужды и незнакомы“ (Русск. Старина 1877 г. Январь, стр. 174—175).

Крайности — в сторону. Выше были указаны факты сходства в самых сюжетах великорусских былин и малорусских сказаній. Но сходство между малорусским и великорусским эпосом неограничивается одним содержаніем; оно касается и самых пріемов творчества.

Исходной точкой для сужденія о древне-русском эпосѣ должна служить мысль о своеобразіи племен, составлявших Русь: имѣяхуть бо обычая своя и законы отецъ своихъ и *преданія*, каждо своя норовь. В дальнѣйшем ходѣ русской исторіи племенные разницы должны были усиливаться вслѣдствіе раздѣленія русской земли на удѣлы, обширности русской территоріи и разнообразія интересов на западѣ, сѣверо-востокаѣ, юго-востокаѣ и юго-западѣ Руси. Су-

ществованіе в древне-русском эпосѣ нѣскольких мѣстных, областных, эпосов нужно считать несомнѣнным фактом. Содержаніе областных эпосов состояло, главным образом, из сказаній о подвигах мѣстных хоробров. Каждый удѣльный князь имѣл дружину. В челѣ этой дружины стояли хоробры. Их подвиги в борьбѣ с врагами области, удѣльнаго княжества, даже быть может города, воспѣвались мѣстными дружинными пѣвцами. Областные эпосы находились между собой во взаимодѣйствіи. Хоробры, как вольные дружинники, переходили от одного князя к другому; вмѣстѣ с ними могли переходить и сказанія об их подвигах на службѣ разных князей. Дружинные пѣвцы были естественными разнощиками помѣстных сказаній. Весьма естественно, что Кіевом, как древнѣйшим центром великокняжеской власти болѣе интересовались, и пѣсни о подвигах кіевских храбров находили большее распространеніе по удѣльным княжествам, чѣм сказанія об областных героях. В содержаніи областных эпосов было значительное разнообразіе; сходство касалось главным образом формальных приѣмов творчества. Наблюденія над составом великорусскаго эпоса приводят к мнѣнію, что т. н. Владиміров или Кіевскій круг былин неоднороден ни по мѣсту ни по времени происхожденія составляющих его сказаній; он — не развившійся один мѣстный эпос, а соединеніе трех, а может быть и четырех областных эпосов, именно: Суздальскаго, Старо-Кіевскаго, Чернигово-сѣверскаго и Московскаго. Присутствіе элемента Чернигово-сѣверскаго болѣе-менѣе гадательно. Московскій и Старо-Суздальскій эпосы занимают выдающееся мѣсто по количеству составляющих их сказаній. Такой смѣшанный характер великорусскаго эпоса объясняется условіями образованія великорусской народности и Московскаго царства, ея политическаго фюкуса. Ядром великорусской народности послужило населеніе Залѣсской земли, Суздаль-Ростов-Володимірскаго княжества. В основаніе великорусскаго эпоса легли мѣстныя преданія этой области. В XIII в. славными хоробрами этой мѣстности являются Олеша Попович, Тимоня или Добрыня и др. Та-

тарское иго выдвинуло третьяго великаго представителя сѣверно-русскаго богатырства, брата названнаго первых двух и земляка, Илью Муромца. В ту же эпоху были созданы и другіе образы, олицетворяющіе как силу вражескую (Идолище), так и туземную в борьбѣ с врагом.

Татарская сабля разрубила русскую землю на двѣ, или даже на три части: юго-запад, сѣверо-восток и сѣверо-запад. Центром сѣверо-востока стала Москва. И из Кіева и из Чернигова потянулись на службу к московскому князю служилые люди. В это время, вмѣстѣ с переходом дружины, зашел в Москву дружинный областной эпос Кіевскій и Черниговскій и вступил в тѣснѣйшія комбинаціи с эпосом Старо-Суздальским, тоже передвинувшимся к центру, в Московскую область, и вновь возникшим Московским. Несомнѣнно, и раньше этого кіевскія и черниговскія сказанія заходили на сѣверо-восток, вмѣстѣ с дружинами кіевских князей, управлявших Залѣсской землей; но наиболѣе интензивным переход этот мог стать именно в это время — в період наибольшаго тяготѣнія Руси к Москвѣ (XIV—XV в.). Таким образом, Москва—собирательница русской земли, явилась и собирательницею русскаго эпоса. Московским пѣтарям принадлежит уже как дальнѣйшее развитіе русскаго эпоса, так и централизація его в Кіевскій круг.

Вопреки установившемуся мнѣнію, мы полагаем, что в Кіевской Руси немогла установиться централизація былевого матеріала в один эпическій круг, что в до-татарскую эпоху один Владимір не мог быть собирательным центром русскаго эпоса (Веселовскій, Южно-русск. былины X стр. 374) и что объединеніе былин в Кіевскій круг, отнесеніе времени дѣятельности богатырей ко временам Владиміра и мѣста — к стольному граду Кіеву, совершились в *Московской Руси*, а не в старой Кіевщинѣ.

Вся удѣльно-вѣчевая пора была эпохой героической в жизни русскаго народа.—То было время храбрства: сначала шла борьба с Печенѣгами, Половцамъ и др.; затѣм грянул гром татарщины. Народная поэзія успѣвала только

идти в параллель с ходом событий; дѣло было не до централизаціи сказаній, требующей, по необходимости, затихша в народной жизни. Только при отсутствіи постоянных волненій в народной жизни является возможность пѣвцам установить сказанія в извѣстную систему и порядок. Заключеніе эпических пѣсен в цикл происходит всегда послѣ событий, послуживших основаніем для них. Если пѣсня слагается по горячим слѣдам событія, то эпическій цикл устанавливается исключительно по пѣсням и в области пѣсенной. В дѣлѣ централизаціи эпических сказаній пѣвцам нѣтъ дѣла до исторіи, до фактических основаній былевых сюжетов.

Письменные памятники не дают никаких основаній утверждать, что Владимір был в до-татарскую эпоху центральным лицом русскаго эпоса. Лѣтопись сохраняет отчетливыя воспоминанія о предшественниках этого князя. По Слову о п. Игор. Боян пѣл старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Роману; сам автор Слова вспоминает многих удѣльных князей, а не одного Владиміра.

Современная малорусская поэзія содержит в себѣ нѣкоторыя указанія на характер древнѣйшей. Народ в своем творчествѣ консервативен. Нетолько извѣстные мотивы, формулы живут сотни лѣтъ, но и самый характер народной поэзіи измѣняется лишь в связи с какими либо важными переменами в политической и этнографической жизни народа. Поэтому в области народной поэзіи всегда возможно заключеніе от настоящаго к прошедшему, особенно в вопросах, касающихся формальных сторон творчества. Руководясь этим, мы вполне согласны с акад. Ягичем, что старо-кѣвскій эпос в формальном отношеніи походил на теперешнія малорусскія думы. „По поззрѣніям, которыя я составил себѣ лично, говорит почтенный ученый, изучая славянскую народную поэзію, возможно из существованія дум о козацкой эпохѣ малорусскаго народа заключать о существованіи в прежнее время *таких же народных пѣсен* о княжеской порѣ“ (Слав. Ежегод. 1878 г., стр. 224). Извѣстно, что в думах обнаруживается стремленія к ци-

клизациі. Имя Хмѣльницкаго выступаетъ передъ именами другихъ героев козацкой поры, но незаслоняетъ собой этихъ послѣднихъ. Исходя изъ этого наблюденія, мы можемъ съ достовѣрностью предполагать, что и древне-кіевскій эпосъ не обнаруживалъ наклонности сложиться въ строгій эпическій цикл, съ однимъ центральнымъ княземъ — Владиміромъ, заслонявшимъ собой воспоминанія о другихъ историческихъ дѣятеляхъ Ю. Руси. Можетъ быть, малорусскій народъ, болѣе великорусскаго склонный въ поэзіи къ реальной правдѣ, вовсе не въ состояніи образовать строгаго эпическаго цикла, требующаго, по необходимости, въ интересахъ централизациі, отрѣшенія пѣвцовъ отъ болѣе исторической группировки былеваго матеріала, введенія въ кругъ пѣсенъ о быломъ сказочныхъ сюжетовъ въ видахъ пополненія недостающихъ звеньевъ въ народныхъ историко-эпическихъ воспоминаніяхъ. Раздробленность въ южно-русскихъ сказаніяхъ была одною изъ причинъ, почему они не обнаружили такой устойчивости, какъ великорусскія былины и рассыпались съ одной стороны по думамъ, съ другой — по лирическимъ пѣснямъ.

Трудно понять, наконецъ, чѣмъ объяснить чисто механическую роль Кіева и Владиміра, если дѣйствительно Кіевскій цикл установился въ Кіевской Руси. Непремѣнно было бы болѣе жизни въ лицѣ Владиміра и болѣе географической опредѣленности въ изображеніи Кіева . . .

Отрѣшимся отъ произвольной гипотезы о возникновеніи на югѣ Россіи Кіевскаго цикла сказаній. Существовали въ Московскомъ царствѣ благопріятныя обстоятельства, способствовавшія систематизациі былеваго эпоса въ Кіевскій кругъ. Это: во 1-хъ присутствіе въ собравшемся въ Московскую область эпосѣ историческихъ пѣсенъ, связанныхъ съ Кіевомъ, съ кіевскими в. князьями и особенно Владиміромъ; во 2-хъ популярность имени Владиміра Свят. во всей Руси; въ 3-хъ память о первенствующемъ значеніи Кіева — матери городовъ русскихъ.

Стольный городъ Кіевъ всегда привлекалъ къ себѣ служилыхъ людей: у великаго князя было служить и выгоднѣе и почетнѣе. Поѣхать на службу къ Кіевскому князю было

мечтой военнаго человѣка древней Руси. Естественно поэтому, Кіев являлся в народной поэзіи идеальным городом, Кіевскій в. кн. идеальным князем: о службѣ у него пѣлись пѣсни не только у нас, но и у Скандинавов. Мотив о поѣздкѣ в Кіев на службу к велик. кн. был несомнѣнно самым распространенным в древне-русском эпосѣ, коренным, исторически возникшим из отношенія удѣльных княжеств к Кіеву. Он до сих пор живет в запѣвѣ наших былин; для образованія его нѣтъ нужды прибѣгать к произвольному предположенію о переходѣ всего старо-кіевского эпоса на сѣверо-восток.

Вмѣстѣ с Кіевом в эпических сказаніях Старой Руси, конечно, упоминались и Кіевскіе великіе князья; между ними особенно выдвигалась вперед колоссальная личность Владиміра Святаго. На югѣ Руси в XI и XII в. Владимір был несомнѣнно эпическим лицом народной поэзіи (Костомаров, Вѣстн. Евр. 1873, N 3, 26 стр.). Как далеко на сѣвер простиралась слава его, свидѣтельствуют норвежскія саги, напр. сага об Олафѣ. „Главнѣйшей причиною популярности этого князя, говорит Костомаров, служило, конечно, то, что он был великим преобразователем русской земли и народа, просвѣтителем свѣтом христіанства“ (Первоначальн. пред. русск. лѣт. В. Е. 1873, N 3, стр. 32). „Как ни скудны данныя, которыя бы могли дать нам болѣе ясный образ Владиміра и его эпохи, самых тусклых представленій достаточно, чтобы признать, что эпоха его была эпохою великаго внутренняго преобразованія, и личность Владиміра хотя видимая нами сквозь призму народных преданій все таки настолько кажется громадною, что в нашей исторіи одна только личность может стать с ним в уровень — личность Петра Великаго. Послѣдствія говорят за него. Он был также истинным основателем гражданственности и политическаго бытія Руси, как и ея просвѣтителем“ (ibid. стр. 36). Несомнѣнно, Владимір был эпическим лицом и на сѣверѣ Руси. К областным воспоминаніям о Владимірѣ присоединялись заходившія из Кіева сказанія о дѣятельности этого князя — устные и пись-

менныя. Заходившія кіевскія сказанія должны были еще болѣе укрѣпить в народѣ память об этой личности, упрочить эпическое значеніе этого князя в народной поэзіи. Одних мѣстных сказаній для этого было бы недостаточно, и в этом нужно видѣть главное значеніе, какое только имѣли старо-кіевскія сказанія в строѣ великорусскаго эпоса. Благодаря им, имя Владиміра выдвинулось настолько, что заняло в эпосѣ первенствующее положеніе и стало служить эпическим обозначеніем русской старины стародавней. Нѣкоторые факты сѣверно-русской письменности очень любопытны, именно с той стороны, что дают намек на общее отношеніе на сѣверѣ Руси к Владиміру, как представителю славной старины. Родословія сѣверно-русских князей начинаются не с Рюрика, а с Владиміра Святаго. Сѣверно-русскіе князья называют себя гнѣздом Владиміра стольно-кіевскаго. Так, в Задонщинѣ, в сказаніи о Мамаевом побоищѣ (Временник И. О. II. и др. XIV; Сахар. I). В слѣдующем мѣстѣ Задонщины Владимір прозывается так, как в былевом эпосѣ: тот боярин (боян) воскладоша грозная своя персты на живыя струны, пояша русским князем славу, первому кн. Кіевскому Игорю Бяриковичу и в. кн. *Владимеру Всеславьевичу Кіевскому* и кн. Ярославу Володиміровичу (Временник XV).

Вслѣд за бурным періодом Татарщины в Московской Руси наступает період затишья и относительнаго спокойствія, період дѣятельности князей-собирателей. Для народных пѣвцов настало удобное время разобрать в разнообразном былевом матеріалѣ, оставшемся памятником минувшаго, привести его в систему и порядок.

В числѣ былин доставшихся в наслѣдство Москвѣ от Суздаля, Рязани, Мурома, Чернигова, Кіева и других областей, было значительное количество таких, в которых дѣйствіе происходило в Кіевѣ и при кн. Владимірѣ. Повторяем, вполне опредѣлить тот первоначальный круг сказаній, мѣстных и зашедших с юга, в которых дѣйствіе приурочивалось к Кіеву, невозможно; во всяком случаѣ их было больше, чѣм указано нами. Вслѣдствіе популярности

имен Кіева и Владиміра, этот кружок кіевских сказаній в тѣсном смыслѣ оказал ассимилирующее вліяніе на всѣ прочія помѣстныя былины, первоначально относившіяся к другим историческим событіям и лицам, другому мѣсту и времени. Процесс ассимиляціи первоначально состоял в распространеніи *затѣва* собственно кіевских сказаній, т. е. как самостоятельно возникших в разных мѣстах сѣв.-вост. Руси на почвѣ дѣйствительных отношеній к Кіеву, так и зашедших из Кіевской Руси на всякія другія, несвязанныя ни с Кіевом ни с Владиміром, мѣстныя суздальскія, рязанскія, муромскія, московскія и друг.: к известному областному сказанію чисто механически приставлялся *затѣв* с Кіева и Владиміра. В большинствѣ случаев затѣм эти имена вводились в самое содержаніе разсказа, занимая в нем не существенную, а чисто внѣшнюю роль; иногда же они только примыкали к началу и концу былины, являясь таким образом лишь внѣшними объединяющими принципами разных сказаній; самое же содержаніе былин развивалось независимо от них и без всякой связи с ними. Чѣм ранѣе вводилось в Кіевскій круг сказаніе, тѣм тѣснѣе оно связывалось с Кіевом и Владиміром. Былины, созданныя в болѣе позднее время, связь с Кіевом ослабляют до антагонизма, допускают враждебныя отношенія пріѣзжих богатырей к Владиміру. Так напр. в былинѣ о Дюгѣ Степановичѣ послѣдній осмѣивает кіевских богатырей, Владиміра и столичный Кіев град. „Пѣсня ничего не сдѣлала, говорит А. Н. Веселовскій, чтобы спасти какнибудь народную гордость, словно она недавно занесена и неуспѣла пріурочиться к мѣстным отношеніям и интересам“ (Ж. М. Н. Пр. 1884 г., стр. 386). Дѣло в том, что в народном сознаніи в то сравнительно позднее время, когда составлялась эта былина, кіевская старина уже неказалась настолько своей родной, как в болѣе древнее время. Становилось возможным ироническое отношеніе как к отдѣльным богатырям, так и к Владиміру стольно-кіевскому.

К концу XVI в., во времени завершенія объедини-

тельнаго движенія начавшагося в Москвѣ в XIV в., закончено было и объединеніе былин в Кіевскій круг. Времена Грознаго стоят на распутии. Ермак еще введен в Кіевскій богатырскій круг; но сам Грозный царь уже сформировался в особую эпическую личность. Впрочем, и введеніе Ермака в Кіевскій круг не было явленіем обще-великорусским. Первоначально оно, вѣроятно, совершилось в кругу приволжской вольницы; в тѣ же былинны, которыя раньше успѣли перейти на сѣвер, этот богатырь невошел.

Указанное объединительное движеніе в великорусском былевом эпосѣ стояло в существенной связи с широким и глубоким процессом *собиранія*, происходившим в Московском государствѣ с XIV по XVI вв. В политической жизни он выражался в дѣятельности князей-собирателей; в письменной литературѣ — в стремленіи московских грамотѣев собрать и привести в порядок разбросанныя по городам и областям древнія лѣтописи, сказанія, житія и т. п. Результатом этого стремленія, извѣстно, явились такіе компилятивные сборники, как Четьи-Минеи Макарія, Никоновская лѣтопись и Степенная книга.

Из Московскаго царства, как центра, былины распространялись во всѣ стороны. Главная масса их вмѣстѣ с населеніем перешла на сѣвер, гдѣ онѣ живут и до настоящаго времени. Молодежь, уходившая в казаки, на Дон, Волгу и др., туда же разносила с собой и былины, причем могла передавать их ближайшим сосѣдям, Запорожцам; откуда сказанія могли заходить и в Малороссію. Помимо этого, великорусскія сказанія могли переходить в Малороссію путем устной передачи. В період этого, отчасти обратнаго, движенія былеваго матеріала с сѣвера на юг зашли сюда и прикрѣпились к Кіеву многія сѣверно-русскія сказанія, напр. об Ильѣ Муромцѣ, о Михайликѣ и др.

В 1594 году посѣтил Кіев Эрих Ляссота. В описаніи своего путешествія он сообщает нѣсколько свѣдѣній о своем пребываніи в этом городѣ, о том, что он видѣл и слышал. Судя по его словам, прибой великорусских эпических сказаній был еще в полном разгарѣ. Великорусскіе бого-

мольцы искали здѣсь фактических основаній для своих эпических сказаній о Владиміровой порѣ. Как всегда в таких случаях, на вопрос являлся отвѣтъ, большею частию столь же мало соответствующій дѣйствительности, как и самыя эпическія сказанія. Вот что говорит Ляссота о Кіевѣ: Кіев был нѣкогда главный город особеннаго княжества, коего владѣтели, имѣвшіе титул царей или князей, были из рода нынѣшних русских или московских . . . Главным украшеніем Кіева была великолѣпная церковь Св. Софіи, неимѣвшая, как говорят, равной себѣ по громадности: она построена царем Владиміром В одной из плит, как раз над олтарем, продѣлано круглое отверстіе, вышиною в половину локтя, но теперь замазано известью. Говорят, что тут встарину находилось зеркало, в котором, посредством магическаго искусства, можно было видѣть все, о чем думали, хотя бы даже это происходило ни разстояніи нѣскольких сот миль. Когда раз Кіевскій князь выступил в поход против язычников и долго не возвращался, то супруга его каждый день смотрѣла в зеркало, чтобы узнать, что с ним случилось и чѣм он был занят. Но увидѣвши однажды его любовную связь с плѣнницею из язычников, она в гнѣвѣ разбила самое зеркало, *sit fides renes Authorem*. Затѣм еще в верхней части церкви находится темная комната, в которой Владиміръ будто бы велѣлъ замуровать одну из своих жен; далѣе от хоров ведет витая лѣстница к небольшой башнѣ, гдѣ, как говорят, происходили засѣданія совѣта Владиміра. Эта т. н. *Stolizza* Владиміра есть небольшая свѣтлая комната В другом придѣлѣ церкви (*in einer anderen Capellen an der Kirchen außerhalb*) была гробница И. Муромца, знаменитаго героя или богатыря, о котором рассказывают много басен. Гробница его нынѣ разрушена, но в том же придѣлѣ сохранилась гробница его товарища (Путев. зап. Эр. Ляссоты, пер. Бруна. Одесса. 1873 г., стр. 17—19).

Что касается сказаній о Владимірѣ, то они могли быть и мѣстнаго, кіевского, происхожденія; сообщенія же Ляссоты об Ильѣ Муромцѣ указывают лишь на совершившее-

ся приуроченіе этого богатыря ко Владимиру и Киеву, но не к пещерам киевским. Позже совершилось и послѣднее, как мы выше говорили (гл. IX).

Параллельно с развитіем и процвѣтаніем в Московско́й Руси эпоса, объединеннаго именами Києва и Владимира, в Новгородской области существовал особый эпос, сохранившійся в т. н. былинах Новгородскаго цикла. При начавшихся со времен Грознаго расселеніях Великоруссов на сѣвер, оба эпоса встрѣтились здѣсь и смѣшались; но смѣшеніе вышло неполное: характерныя черты новгородскаго быта, лежащія на новгородских былинах неизмѣнились под вліяніем былин Московских, равным образом и послѣднія неподпали вліянію первых. На сѣверѣ творческаго движенія в области былеваго эпоса небыло. Дѣло ограничивалось сохраненіем и пересказом полученнаго наслѣдства непосредственно от Москвы и Новгорода.

Итак, сѣверно-русскій Киевскій цикл былин представляет собой не передѣлки и искаженія эпических сюжетов Киевской Руси, а самостоятельный великорусскій эпос, сложившійся в Московском царствѣ в період времени от XIV по XVI в., на основаніи как областных сѣверо-восточных эпических сказаній, так и зашедших в разное время из Южной Руси. Старо-Киевскій же эпос, применув отчасти к сѣверо-восточно-русскому эпосу, увеличив количественно его состав и оказав вліяніе на установленіе эпическими центрами Києва и Владимира в совершившейся при московских князьях-собираателях централизаціи великорусскаго эпоса, существовал и развивался на югѣ Руси сам по себѣ, на ряду с другими областными эпосами, еще долгое время послѣ потери Киевиной государственной самостоятельности. В отрывках он живет еще в настоящее время с одной стороны в думах, с другой в лирических пѣснях.

Мнѣніе о том, что Малороссы забыли свой стары́й эпос, должно быть если не оставлено, то значительно ограничено. Древній южно-русскій эпос органически примкнул

к новѣйшему, и в настоящее время восстанавливается путем научнаго анализа послѣдняго. Большую услугу в этом дѣлѣ оказывает изученіе колядок, особенно галицких, сохранившихся в себѣ много архаических черт.

Отсылая читателей к трудам Антоновича и Драгоманова (Историч. п. мрус. нар. Кіев 1874, 75), Веселовскаго (Разысканія в области рус. духовн. стих. VII, 265—291) и Потебни (Обзор поэтич. мотивов колядок и щедровок), я останавлиюсь на двух галицких колядках, напечатанных в малораспространенном у нас сборникѣ Кольберга „Рокисіе“ Kraków 1882 и 83 гг. Заключая в своем содержаніи черты вѣка дружиннаго и княжескаго, онѣ своими нѣкоторыми подробностями сходятся с великорусскими былинами:

Ой торгом торгом, тай Сочевою

Гой дай Боже!

Там йиде восько, аж земли кежко;

Наперед йиде можний наш пане,

Можний наш пане, пане, Васылю!

Твое подвире Турки забрали

Из Татарами из Гарапами.

Маю ж я цюро—вірногу слугу;

Кличу покличу на того цюро:

Цюро ж мій, цюро, вірний мій слуго!

Сидлай мы коня—того моцаріа,

Й-а впопруж его в сім-девять попруг,

Й-а в тов десятов—самов дзолотов.

В великорусских былинах, богатырь, отпраляясь против врагов, обыкновенно:

Ставае он по утрышку ранехонько,

Умывається он да и бѣлехонько,

Снаряжається да хорошохоенько,

Он сѣдлае своего добра коня,

Кладывае же он потнички на потниччи,

А на потнички он кладе войлочки,

А на войлочки черкаськое сѣдельшко,

Подтягиват двѣнадцат тугих подпругов,

Тринадцатый—тот клал да ради крѣпости,
Что бы в чистом полѣ доброй конь же с под сѣдла
не выскочил,

Добра молодца в чистом полѣ не выронил
Гильферд. 48 стр.

Колядка продолжает:

Скочу, поскочу за тымы Туркы,
Гой яе здогоню, пид меч положу,
Другу виночку конем стратую,
Я их цареви головку здойма,
Головку здойма, тай з собов озму,
Я з собов озму, я в свою землю,
Я в свою землю, своему цареви.

Великорусскій богатырь в сраженіи с врагами не столько сам бьет, сколько его добрый конь топчет; царя неприятельскаго, впрочем, он отпускает домой, а с ним оставляет и силы на сѣмена.

Гой буду маты тры даруночкы,
Тры даруночкы, тры городочкы:
Один ми город—славны Билгород,
Другый мы город славниций Львив,
Третый мы город славниций Кывив,
Я в Билгороди коня сидлают,
В славницим Лвови двором мешкаю,
В славним Кыеви панну сватают,
Панну сватают й-аж до Галича,
Й-аж до Галича до Русовича,
До Русовича гречного пана (имр.)
Гой за цим словом бувай здоров и т. д.

слѣдует обыкновенное окончаніе колядок.

(Рокисіе I, N 8, стр. 101).

Награжденіе за службу городами с пригородками или селами со приселками или золотой казной по надобью—общее мѣсто великорусских былин.

1 Й-а в поли, поли, близко дороги
Гой дай Боже!

Стоя наметы з билого шовку,

Й-а в тых наметах стоя столове,
А по за скилу сыде панове,

5 Ой сыде, сыде, за дочку раде.

Был полотнян шатер, в котором богатыри совѣщаются и опочив держат, постоянно упоминается в русских былинах.

Ест меже ними, ест один старшій,
Ест один старшій, гой пан Гаврыло.
Прійшли ж ид нему вірніи слуги,
Взели шепочки по за крысочки,
Взели шабелькы по за обелькы,
Взели рушнычкы по за бочечкы.

Пресе господа своего пана:

Можный наш пане, пане Гаврыле!

Гой пусти ж ты нас й-а в гор на війну.

Я вас ны пуцу, сам за вами иду.

Ой пишов з ными й-а в гор на війну,

Й-а в гор на війну, аж там за гору,

Аж там за гору за Угорскую.

Стали наметом там пид горою,

Там пид горою пид Угорскою,

Совгнулы киньмы—як грим на неби,

Блыслы мечемы—як молни в неби,

Пуске стрілочкы, як дробен дощик.

Тоже было за Волошской горой и за Турецкой. За послѣдней, еще прибавляет пѣсня,

Приллели кровцю як водицю.

Гипербола такого рода нерѣдко встрѣчается в мало-русских колядках. Сравни. Антонов. и Драгоманов, Истор. п. I, стр. 23, 9 и др., также слѣд.:

Ой все наш панок коником грає,

Та як го узрїв, той мечем ізвїв:

Як панок наш тав, то Тур-царя став.

(ibid. стр. 24).

Чрезмѣрное увеличеніе силы героя и дѣятельности обычно и в былинах, и напрасно А. Н. Веселовскій счи-

тает эту черту результатом искаженія великорусскими былинами южно-русских сюжетов (ср. гл. VII).

А вит-так пишли аж там за гору,

Аж там за гору за четвертую,

За четвертую за Московскую.

Стали наметом аж там на гори . . .

Тай просе Бога—своего пана (имр.):

Можный наш пане, пане Гаврыле!

Ой пусты ж ты нас вже до домочку,

Заплаты ж ты нам тай за службочку,

Та що мы тоби вірно служылы,

Вірно служылы вид молодосты,

Вид молодосты аж до старосты,

Вже нам головы аж посывили,

Вже нам бороды аж побилилы,

Та вже нас жоны ны попрыймают,

Та вже нас диты ны попизнают.

Будь же здоров! и т. д.

(Рокисіе I, стр. 109—10).

И богатыри служат Владиміру до старости. Добрыню Никитича, возвратившагося из дальней поѣздки, не узнает жена; Илью Муромца, при встрѣчѣ, не узнает сын.

Болѣе точное и всестороннее обслѣдованіе малорусской пѣсенности должно выяснить дѣйствительныя отношенія великорусских исторических воспоминаній к малорусским; равным образом, — опредѣлить дѣйствительную сумму малорусских воспоминаній о до-казацких временах. Наиболѣе пользы в этом отношеніи должно принести изученіе малорусской народной поэзіи без великорусских тенденцій. Не с великорусскими былинами в руках, а с лѣтописью нужно отыскивать слѣды древней исторіи в современной малорусской пѣсенности. Ненужно считать непременно древним, старо-кіевским только то в малорусских сказаніях, о чем говорится в великорусских былинах. Данныя великорусских былин сами по себѣ еще не могут служить критеріем древности извѣстнаго эпическаго факта. Сходныя черты в сказаніях Малоруссов и Велико-

руссов должны быть и онѣ есть: объясняются онѣ кровным племенным родством и долговременным сосѣдством; но есть и разница между ними: причина ея лежит в своеобразіи племен, составлявшем основную черту древней русской исторіи. Быть может в результатѣ изслѣдованія окажется, что Малоруссы неуступают Великоруссам, если не в количествѣ, то в качествѣ воспоминаній о древних (доказацких) временах.

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ.

К гл. II. Слово хоробер в загадкѣ:

Мать толста,

Дочь красна,

Сын храбер

Под небеса ушел. (печь, огонь, дым)

Сахар. Сказ. р. н., изд. 3, т. I, 93.

К гл. III. В.

Для исторіи мотива былин о Добрынь и его женѣ считаем любопытным отмѣтить, что подобныя анекдоты были извѣстны в классическом мірѣ. Сходную сказку Геродот сообщает о Скифах (Герод. IV 1—3); его слова повторяет Трог Помпей: *Scythae autem tertia expeditione Asiana cum annis octo a conjugibus et liberis affuissent, servili bello domi excipiuntur: quippe conjuges eorum longa expectatione virorum fessae nec jam teneri bello, sed delictos ratae servis ad custodiam pecorum relictis nubunt, qui reversos cum victoria dominos velut advenas armati finibus prohibent. Quibus cum varia victoria fuisset, admonentur Scythae mutare genus pugnae, memores non cum hostibus, sed cum servis proeliandum, nec armorum, sed dominorum jure vincendos: verbera in aciem, non arma adferenda, omissoque ferro virgas et flagella ceteraque servilis metus paranda instrumenta. Probato omnes consilio instructi, sicut praecipuum erat, postquam ad hostem accessere, inopinantibus verbera intenta: adeoque illos perculerunt, ut quos ferro non poterant, metu verberum vincerent, fugamque non ut hostes victi, sed ut fugitivi servi capesserent. Quicumque capi potuerunt, supplicia crucibus luerunt.*

Mulieres quoque male sibi consciae partim ferro, partim suspendio vitam finierunt (Justinus Trogi Pompei histor. Philip. epitoma. Lips. Teubner. L. II, 5).

Если данный мотив принадлежит к бродячим, и сказанія об измѣнѣ жены в отсутствіе мужа возникли в разных мѣстах не самостоятельно, а путем заимствованія, то свидѣтельства Геродота и Трога Помпея могут служить указаніем на ход мотива: вопреки проф. Дашкевичу, он распространялся не с запада на восток, а наоборот.

К гл. VII, 2.

Со словами М. Данилов: „рад тебѣ служить вѣрою и правдою, своею саблею острою, над твоею шеєю толстою“ ср.:

Ах, если бы была при мнѣ сабля острая,

Послужил бы я над твоей буйной головошкой.

Сахар. Сказ. р. н., 3 изд., т. I, стр. 242, N 15.

К гл. XIII о Соловьѣ Будиміровичѣ (напеч. VIII).

Вм. „сходство их с заѣвом“ слѣдует на стр. 147 „сходство их приѣмов с заѣвом“.

Обычай самокрукства в XVII в. в Малороссіи пользовался большим распространеніем, чѣм в настоящее время. Боплан о нем говорит как об общераспространенном. В Украинѣ, говорит он, наперекор всѣм народам, не мущины сватаются за дѣвиц, а дѣвицы за мущин. В этом им содѣйствовало общее мнѣніе, что дѣвицы скорѣе достигают своей цѣли. Влюбленная дѣвушка приходила в дом жениха в то время, когда его родители были дома. Войдя в избу, она привѣтствовала их: „помогай Биг!“ и садилась. Потом обращалась к жениху, называла его по имени и говорила: я вижу, что ты человекъ добрый и я буду с тобой счастлива, женись на мнѣ. Наконец, обращалась к его родителям и просила их согласія. Если они небыли согласны или отговаривались молодостью сына, то дѣвушка отвѣчала, что она неразстанется с их домом. По прошествіи нѣскольких недѣль, родители соглашались с жела-

ніем невѣсты и уговаривали сына полюбить ее. Несогласиться с желаніем невѣсты, значило навлечь на себя гнѣвъ Божій, а на дом несчастіе (Быт рус. нар. А. Терещенка, ч. II, стр. 485—6).

К гл. XV.

Жидовин в бранном значеніи:

А муж жидовин присмотрѣл,

Он с плетью приспѣл, подоспѣл.

Сахар. Сказ. р. н., т. I, изд. 3, стр. 215, N 4.

У Болгар слово *жид* употребляется в зн. великана, гиганта; Mikl. сравнивает его с турецк. *dzinn Dämon* (Die Türkische Elem. in den Sudost und ostevrop. Spr. I, 55). У Сербов существует пѣсня о встрѣчѣ Марка Королевича с *жидовкой* дѣвушкой (см. гл. III). Несомнѣнно, между сербским и русским сказаніями существует родство. Источник его неясен и кроется скорѣй всего в книжных сказаніях, а никак не в исторических связях наших предков с Хазарами.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Авраамій Ростовскій 95.
Агунда 106.
Адам суконник 106.
Алауган 30—32.
Александр Македонскій 17,
174, 184.
Алеша Попович см. Олеша
Попович.
Аммон Ливійскій 174.
Андрей Боголюбскій 108.
Антія 145.
Аполлоница 81.
Арапы 55.
Балц 41.
Батыга 53.
Батый 80—87; 105; 108 —
109; 111—114; 142.
Бахмет 86.
Байда 125.
Беллерофонт 144—145.
Беч 113.
Боцлан 228.
Богатур 15, 22.
Богатьрь 13—23.
Богдана 171—2.
Боиканово поле 138.
Борис 139.
Боян 214.
Буняк 35.
Буняково замчище 34.
*Брак по свободному выбо-
ру* 156.
Бъли небесные 198.
Варадин 111, 129, 134.
Вардар р. 133.
Вайрадинец Петр 129.
Василій Игнатъевич 45, 53,
86; 106—110.
Василій Прекрасный 64—65.
Василій сын Ксанфина 90.
Василей сын Сиверьяничны
178.
Василько Маричич 43.
Василько Ростовскій 141.
Василиса Никулична 82—83.
Велес город 133.
Венале поле 132.
Верх 194.
Византія 98—99.
Виисава 127—131.
Вида 29.
Винцентій Бовезскій 91—93.
Витяк 171, 173.
Владислав 112—114.
Влах-Алиа 115.
Влахович Стоян 164.
Владимир (Владимір) Стольно-
Кіевскій 10, 11, 25, 146;

- 215—217; 220 и др.
Владимир Галицкий 6.
Владимир Мономах 99.
Володимеръ 58.
Вольдемар 3.
Володарь 63—64; 67.
Волхв богатырь 177.
Волынъ земля 206.
Волынец 188.
Всеволод Юрьевич 58.
- Галич 205—6.
Гарды 3.
Гда р. 57—60.
Гигант 138, 23.
Глѣб кн. 139.
Глѣб Юрьевич 50—51.
Горынянка баба 33, 186.
Груица 179—181.
Гурій архіеп. казанск. 96.
- Давид Сасунскій 83.
Давыд Ярунович 43.
Дамьян 43.
Данил Тугкович 43.
Данило Ловчанин 82—83;
144—145.
Дегин град 55.
Демьян Куденевич 50—57.
Дигенис Акрит 187.
Добрыня Никитич 16, 25;
26—37—42; 144, 210;
Д. Рязанч 42.
Добѣлища 156.
Дунай Иванович 177.
Дѣвы судьбы 29.
Дченза сын 106.
- Дюк Степанович 144; 187—
209; 218.
- Евнатій Коловрат 84—87.
Евпраксія 80.
Евфрат 140.
Елена цар. 99.
Елка 170.
Емельфа Тимофеевна 188.
- Жених* 165—166.
Жидовин 79, 177—182.
Жидовка дѣвушка 27—28;
229.
- Завава Путятична 152 и др.
Збут 178.
Златна баба 29.
Змай Деспот Вук 172.
- Иван Данилович 145; 43—49.
Иван Гоудинович 120—126;
210.
Ивась Коновченко 45—49.
Ивашко Торокашко 182.
Игорь 141.
Идол Скоропеевич 97.
Идолице поганое 88—93.
Илья Муромец 94—105; 17;
51—53; 135—137; 144;
180—181; 183; 213; 220.
Илья-шах 103.
Иліас Ярл 103.
Ингварь кн. Рязанскій 84.
Индѣя 187 и др.
Исидор юродивый 70.
Искрен 117—118.

- Исполни* 23.
Ишна р. 59.
- Герина 173.
Иерусалим 207.
Иоанн пресвитер 191.
Иоанн Грозный 218.
Иов патр. 147.
Иосафатова долина 140.
- Калевала 188.
Калин царь 51—53; 56, 95.
Калингасена 156.
Калка 141.
Кальнофойскій 100—101.
Кара-Видо 132.
Карл Великій 38, 207.
Катерина 132.
Кіев-град 2—5, 11 и мн. др.
Князь скал 186.
Коё 39.
Козак 37.
Константин Всеволодич 58.
Константин Мономах 99.
Константин царь 133—4
Константинополь 207.
Корела 187.
Косово-поле 130.
Костадин царь 133—134.
Котошихин 195.
Коцерище 121—123.
Ксанфин 90
- Лазарь сербск. 81, 173, 175.
Леденец 148.
Лемминкайнен 3.
Леонтій Ростовскій 98.
- Loci communes 34, 35, 53,
53; 86—87.
Лоуха 3.
Ляссота 101, 219.
- Мамай 137.
Мануил Греческій 205.
Ману 156.
Марія, заклавшая два дѣти-
ща своя 71
Марія Бѣлоградска 160—
161.
Марко Кралевич 27—28; 55,
130, 179; 116—117.
Мартын туровскій мних 94.
Мейерберг 203, 204.
Микула Селянинович 144,
208.
Милица жена Лазаря 175,
173, 82.
Милица ж. Искрена 117—
118.
Милош Обилич 27, 49, 55.
Милутин слуга 82.
Митре Поморянче 160—164.
Михаил Черниговскій 5, 111.
Михаил Клопскій 69, 74.
Михалко 108—109.
Михалко Юрьевич 108.
Михайло Казарянин 53.
Михайло Долгомѣрович 178.
Михайло Данилович 86, 146 и
др. см. Иван Данилович.
Михайлик 45, 107—110.
Міят гайдук 116.
Моисей Угрин 145.
Молочное усыновеніе 35—
36.

- Момчило 131.
 Морава р. 127.
 Мстислав Данилович 7.
 Мстислав Изяславич 50.
 Мукара 185—186.
 Мурат царь 49.
 Муса Кеседжія 131.
- Нарты 30.
 Настасья Митріевична 121—
 125.
 Нектанеб 174.
 Никола поп 133.
 Новгород Сѣверскій 50.
 Ной птица 27.
 Нѣпра р. 54.
- Областные эпосы* 9—10;
 212.
 Один 39—40.
 Олаф 216.
 Олена Попович 58—69;
 135, 143, 144, 212.
 Олеарій 189, 206.
 Олексій Попович Пирятин-
 скій 69.
- Папаз-паша 128.
 Пахомій серб 126, 147.
 Пересвѣт 23.
 Переяславль 50, 56.
 Переяславец на Дунаѣ 64,
 67.
 Петруша 163.
 Петре царевич 178.
 Петр Могила 100.
 Петар 179.
- Печенѣги 65, 67.
 Плано Карпини 91—93.
 Пленк, отец Чурилы 208.
Подволоки 198.
Подсолнечник 202—204.
Поленица 24, 33.
Полоникъ, польникъ 23—24.
 Половцы 55, 64.
 Пойола 3.
 Поп невѣрующій 74.
 Пор 164.
 Прет 144—145.
 Прилеп 160.
 Потык 145, 209.
 Първан 117—118.
- Рада 168.
 Радка 169.
 Ратибор 59.
 Реля 27, 55, 131.
 Рогнѣда 25.
 Родман 65, 66.
 Ростов 58.
- Садко 69.
 Салаким Тодор 131.
 Самородина р. 140—141.
 Самоотека 141.
 Самсон храбор 16.
 Сѣтана 39.
 Сафа 39.
 Сафат рѣка 134, 135, 140,
 143.
 Сафатов поток, дол 140.
 Сахатарь р. 140.
Свиваніе верхов теремов 194.
 Святогог 183—186.

- Секула 49.
Сербин 73.
Сергій Радонежскій 147.
Симон 38.
Сити 143.
Сказаніе о новгородск. бѣл.
клубукѣ 99.
Сказаніе о кѣвскихъ богаты-
ряхъ 76, 77: 97—100.
Скифы 227.
Сокольникъ 178. -иъ 140.
Соловей Будимірович 144;
147—166; 228.
Соломон 139, 160, 164.
Сомадева 156.
Сосрыко 181—182; 185—
186.
Ставр 43.
Сталак 127—128.
Сталач 134.
Стамбул 3.
Стана 39, 167.
Станиславъ благородный 43.
Сшолт огнен 136.
Стоян 170.
Страхиня 115—116.
Суздальцы братья 137.
Сулейманъ царь 127—128.
Сухманъ Одихмантьевичъ 53—
57.
Сухона р. 56.
Таврул 85.
Таврольевич 87.
Тарасъ слуга 51.
Татарове-юланове 109.
Тимоня 42, 59, 69, 212.
Торопъ слуга 58, 59.
Тотыреш 182.
Тохтамыш 106—107.
Тугаринъ Змѣевичъ 97—99;
167—176.
Тугор-ханъ 175—176.
Угодичи 59.
Удаяна 156.
Уза 59.
Урызмагъ 39.
Усія 59.
Жнчо 171—172.
Федоръ од Сталака 127—134,
137.
Федоръ Іоанновичъ 147.
Федоръ Юрьевичъ 80—83.
Филонъ Джеджалия 49.
Фома Халцибеевъ 139.
Фригга 39—40.
Хазары 177—178; 229.
Хандуд-Ханумъ 83.
Хвилонъ 45—49.
Хиз 106.
Хмѣльницкій 49, 215.
Хостоврул 85.
Хотѣнъ Блудовичъ 144.
Храбор 12, 15—23; 43, 44,
142—443; 212, 227.
Царь-градъ 97—100 и др.
Челахсартагъ 106.
Череможская вѣсь 105.
Черкас-долина 45.

- Черкасска́я сьдла* 34. Эмегена 30—33.
Черкес 34, 37.
Чоботко 101—102. Юрій Львович 6.
Чурило Пленкович 144, 189—Юрій Ингоревич 80.
192, 206—208. Юрій Всеволодич 58, 141.
Юрята 60.
Шаґай 32.
Шевкал 91—92. Янко 43, 49.
Шемаханскій шель 34. Ян Усмошвец 65—66.
Шолудивый Буняка 34, Ярл Иліас 103.
Ярославль 105.
Щапленкович 208.
-

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
23	29	гаганта	гиганта
94	4	епископъ Леонти	преподобн. Аврааміи
99	22	царь патріарх	царь и патріарх
127	20	Стала	Сталакинцу
139	23	апокриф,	запятой ненужно

Перевірено 19-13-87

Б224888

КХ